

АЛЕКСАНДР
ЛОГИНОВ

ФЕОДАЛ

БОЯРИН
УСОБИЦА
РАЗБОЙНИК

БФ-коллекция

Александр Логинов

**Феодал: Боярин.
Усобища. Разбойник**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Логинов А. А.

Феодал: Боярин. Усобица. Разбойник / А. А. Логинов —
«Издательство АСТ», 2020 — (БФ-коллекция)

ISBN 978-5-17-134144-2

30-е годы XV века. На Руси идет гражданская война. Литва пытается поглотить русские земли. В Орде три претендента оспаривают царский трон. Эмиры-изгои грабят русские земли. Стонет земля русская. Все против всех и каждый за себя. Наш современник, самозванный князь, пытается устроиться в новом для себя мире. Тяжела боярская ноша. Ложь, обман, насилие и жестокость противостоят добру и справедливости, и порой не разберешь, что есть зло, а где добро.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-134144-2

© Логинов А. А., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Боярин	6
Пролог	6
Глава 1. Переход	10
Глава 2. Первая встреча	13
Глава 3. Набег татар	17
Глава 4. Васькино	36
Глава 5. Стольный град Переяславль Резанский	42
Глава 6. Боярин Маслов	60
Глава 7 Вотчина	77
Глава 8. Проблемы и пути их решения	91
Глава 9. Оглан	108
Глава 10. Сельскохозяйственная	119
Глава 11. Снова Переяславль Резанский	123
Глава 12. Москва златоглавая	126
Глава 13. Набег на Литву	130
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Александр Анатольевич Логинов

Феодал: Боярин. Усобица. Разбойник

© Александр Логинов, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Боярин

Пролог

В просторной комнате царил полумрак. Три толстые восковые свечи на золотом массивном подсвечнике-шандане слабо освещали широкий дубовый стол на массивных резных ножках, уставленный разнообразной снедью на деревянных тарелках и серебряных блюдах: солеными грибами, кусками запеченного мяса и большими косыми пирогами. На столе возвышалась массивная резная кружка из слоновой кости, окованная по краям серебром, наполненная до краев русским квасом. Рядом с ней покоился на столе опорожненный питейный рог, оправленный сканным золотом и украшенный лалами, яхонтами и бирюзой¹. Все предметы, находившиеся в комнате, несмотря на высокую художественную ценность, являлись обычными повседневными предметами обихода.

Справа от стола, на полу, разместился початый бочонок с темно-красной жидкостью, в воздухе терпко пахло винными парами. Неподалеку от винной бочки валялся нечаянно оброненный питейный ковш с витой золотой ручкой и украшенный затейливой чеканкой по золоту.

Дверь, обитая золоченой парчой, с легким скрипом отворилась, в образовавшуюся щель осторожно просунулась женская голова в старинном головном уборе, цепкий девичий взгляд стремительно стрельнул в сторону спящего за столом человека в домашнем атласном халате.

– Кажись, спит, – вполголоса объявила девица толпившимся за дверьми людям.

Появившаяся в дверном проеме мужская рука цепко ухватила любопытную девку за шиворот и с силой втащила назад. Обшитая золотой парчовой тканью дверь широко отворилась, в комнату, бесшумно ступая босыми ногами по узорчатому персидскому ковру, всплыла дородная женщина с заплаканными глазами, следом за ней ковыляла, опираясь на клюку, древняя бабка, скрюченная в поясе от прожитых лет.

– Уснул, родимый, – облегченно вздохнула женщина, но тут ее взгляд упал на разрубленные в щепы коники. Полавочники, шитые из дорогой ткани, валялись чуть в стороне, зияя огромными прорехами. – Ой! Что делается! – она непроизвольно всплеснула руками, невольно повышая голос.

– Тихо ты, дура! – в дверях появился среднего роста коренастый мужичок в широких темно-синих шароварах, заправленных в простые, но добротнo сшитые остроносые татарские ичиги, в темно-зеленом расшитом серебром кафтане и темно-красной тафьей на макушке седой головы.

– Ты бы попридержал язык, Спиридон, – злобно ощерилась женщина. – Если бы тебе не пришла блажь в голову послать кровиночку на муку лютую... – из ее заплаканных глаз скатилась скупая слеза.

– Что зенки вылупила? – прошамкала старуха, с силой ткнув клюкой в бок любопытной холопке, пробравшейся в комнату следом за хозяйкой. – В опочивальню несите князя. Не бойсь, не проснется он. Травка зело сильная, – старая Аграфена смело говорила в полный голос, разглядывая погром, учиненный князем в горнице. Лавки изрублены, боевой топор плотно засел в стене, куда его с силой вогнал князь.

Спиридон понуро опустил голову, не споря с женой. За последние две седмицы ему не раз приходилось выслушивать от жены упреки в участии дочери. Иной раз так тоскливо было

¹ Драгоценные камни.

на душе, хоть в петлю лезь, и, главное, возразить нечего – сам виноват. Жена права. Кто знал, что случится непоправимое, что именно в этот день придет беда, откуда ее совсем не ждали.

Со стороны степи набежали татары-казаки. Нынче на окраинах княжества беспокойно, кочующих орд, не подчиняющихся царям, развелось особенно много. Эмиры, беки, мурзы, нарушая вассальную присягу, покидали своих государей² и откочевывали к границам Руси и Литвы, выжидая, кто победит в междоусобной борьбе за Сарайский трон. Изредка между мелкими татарскими родами вспыхивали ожесточенные схватки, но большей частью они дружно грабили окраины вассалов своих бывших сюзеренов – Рязанское, Нижегородское, Московское княжества и Литву.

Спиридон не сильно переживал за судьбу дочери, которую отправил в одну из дальних деревенок собрать пушной оброк. Вместе с дочкой княжеского тиуна Спиридона отправились два десятка служилых татар в качестве охраны да четверо холопов-обозников. Но кто ж знал?

О появлении ворогов упредила дальняя сторожа, и навстречу татарам вышла рать под предводительством Рябого, который распорядился предупредить окрестные деревеньки о набеге татар и, забрав почти всех воев из усадьбы, отправился на соединение со служилыми казаками, чтобы дать отпор врагу.

Татары, разумеется, боя не приняли, огрызаясь лихими наскоками, они отступали и отступали. Русские преследовали татар, вступая в короткие стычки, но так и не смогли уничтожить противника. Возвращаться назад Рябой посчитал опасным, татары, рассыпавшись, могли незаметно просочиться в тыл и устроить засаду.

Дальше преследовать татар воевода не решился: опасался засады. Со стрелковой тактикой легких конных лучников Русь познакомилась не вчера и прекрасно знала все хитрости, на которые способны бесермены. Русских заманивали в засаду, где тяжелая конница татар поставит жирную точку, раздавив уставших русских.

Стоять на месте тоже не выход. От скоротечных наскоков легких татарских лучников падали сраженные короткими стрелами кони, вои пока все живы, но легко раненых с каждым днем становилось все больше и больше. Другая беда – корм для лошадок. То, что прихватили с собой в торбах, уже подходило к концу. Вестники, отправленные воеводой в усадьбу, как сквозь землю провалились. По расчетам воеводы они должны были вернуться к вечеру, но, бесполезно прождав их до самого утра, Рябой вынужден был отдать приказ отходить.

Татары прицепились к войску Рябого, словно банный лист к заднице. Постоянно тревожили стремительными нападениями, издалека осыпая русских стрелами.

Оставив служилых татар с полусотней казаков прикрывать свое отступление, Рябой осторожно возвращался к усадьбе. Шел девятый день с момента выхода русаков из стен крепости.

Когда передовая сторожа принесла весть, что обнаружены тела убитых вестников, Рябой, холодея от ужаса, осознал, что его перехитрили. Оставив казаков самостоятельно разбираться с татарами, воевода, забрав с собой всех служилых татар, скорым маршем помчался назад к усадьбе.

На пути войска русаков встретила разграбленная деревенька из трех дворов. Сено в деревеньке отсутствовало, татары выгребли все подчистую. Рябой, предчувствуя непоправимое, загоняя ослабевших от бескормицы коней, бросая ослабевших от потери крови товарищей, рвался быстрее вернуться назад, пока еще не поздно.

Усадьба Луки Фомича, главного княжеского воеводы разграблена. Повсюду на вытоптанном снегу лежат ободранные догола трупы защитников усадьбы. Рябой, до крови закусив губу, приказал двигаться дальше, нигде не останавливаясь.

² В Орде сейчас аж три царя!

Через версту – вновь разоренная деревенька. Та же картина разрушений и парочка окочевших трупов крестьян, посеченных саблями.

Когда к вечеру двенадцатого дня отряд добрался до усадьбы, князь уже вернулся из похода. На заснеженном поле лежали неубранные трупы татар. Перед надвратной башней тел было особенно много. Никто их не убирал. В открытых воротах стояли хмурые стражники, из тех, что уходили с князем в поход в далекую землю под названием Пермь.

Рябой, бросив взмыленного коня у коновязи, топтался на месте, не решаясь подняться по золоченым ступенькам высокого крыльца терема.

– Что ж ты, мил человек, натворил-то? – слова Демьяна, княжеского осадного воеводы, резанули словно ножом по сердцу.

– Перехитрили меня бесермены, – Рябой склонил замотанную окровавленной тряпкой голову.

– Перехитрили его! Ты зачем на татар пошел? Сказано тебе было, собрать народишко в усадьбе и пересидеть набег! – сорвался на крик сильно разгневанный Демьян.

– Я перед князем отвечу за свои проступки, – бешено сверкая очами, взбрыкнул провинившийся.

– Ответишь! За все ответишь! – на крыльце с перекошенным от злобы лицом появился боярский сын Лука Фомич, бывший ватаман ушкуйников, а ныне первый княжеский воевода.

– И отвечу! – задирая голову кверху, чтобы посмотреть в глаза своего бывшего ватamana, сквозь зубы процедил Рябой.

– Катерина пропала, – тихим голосом сообщил новость Демьян.

От этого известия у Рябого душа ушла в пятки. Выхватив из-за пояса кинжал, он резко взмахнул единственной рукой, но был остановлен железной хваткой Демьяна.

– Ишь што удумал! Нет. Тебя судить, голубь ты сизый, князь будет, – Демьян завернул руку Рябого, отбирая кинжал. – Ахмет! В поруб его! – грозно рыкнул воевода.

Старый татарин Ахмет, словно в ожидании этого приказа, вместе с помощниками стоял за спиной Рябого. Два татарина подхватили вырывающегося Рябого под локотки, а Ахмет легонько ударил кистенем по затылку. Рябой сразу обмяк. Татары потащили бесчувственное тело прочь от крыльца.

– Боже! Если ты есть, не дай сгинуть боярыне! – взмолился старый воин.

– От Булата с Кулчуком нет вестей? – Лука Фомич спустился вниз по лесенкам и остановился рядом с другом.

– Пока нет, – помотал головой Демьян. – От сыновей посыл был. Переняли два десятка татар, отстали от своих бесермены.

– И? – Лука замер в ожидании.

– Мещерский юрт, – выдохнул Демьян.

– Вот черти! – боярский сын в сердцах сплюнул. – Мыслишь, сговорились с ордынцами?

– Не мыслю, ведаю, – покачал головой Демьян.

Андрей беспокойно спал, изредка вскрикивая во сне, и видел дивный сон, яркий, красочный и, главное, очень реалистичный.

Во всех деталях, до мельчайших подробностей, вплоть до глубоких царапин на золоченом доспехе терминатора, перед взором Андрея предстал закованный в железо перс-харасанец, словно Шварценеггер, безжалостно убивающий его, Андрея, воинов.

Вот перед его взором промелькнул гибкий девичий стан, Андрей попытался поймать красавицу, но та ловко ускользнула от его объятий, опрокинувшись на душистую траву широкого заливного луга.

Краешком сознания он понимал, что это ему снится, что такого быть в реальности не может. Почему? Да потому, что не может – и точка! Все видения плод его воспаленного созна-

ния, наверное, он попал в автокатастрофу и находится между жизнью и смертью. Отсюда и галлюцинации, но почему они так реальны?

У него есть жена, есть бизнес. В конце концов, он уважаемый человек в серьезных бизнес-кругах.

Но сын... Маленький беззащитный комочек на его огрубевших руках и теплое, ласковое прикосновение женских рук! Андрей физически ощутил прикосновения! Ему так этого не хватает, а во сне – сын существует, Андрей слышит его писклявый голос, звонкое журчание и чувствует тепло, согревающее руки.

Жена Света и слышать не желает о детях, говорит, что сначала хочет пожить для себя, а уж потом, если бог даст, то можно подумать о наследнике. В порядочных семьях хорошим тоном считается беречь свое здоровье. А роды, роды не идут на пользу молодой женщине, они портят фигуру и если бы только фигуру...

Яркий образ вечно недовольной жены предстал перед глазами, и воспаленный мозг ответил нестерпимой пульсирующей болью. Андрей беспокойно заметался, пытаясь отогнать видение, но образ жены не уходил, настойчиво требуя очередное брильянтовое кольцо.

На плечи легли ставшими такими родными маленькими девичьи руки, и вторая девушка забрала сына с его рук. Сахарные уста впились в губы Андрея, заслоняя образ жены, стирая его из памяти, словно кто-то нажал клавишу «Делит».

Андрей знал, что девушки сестры, что младшая из них – мать его сына, и что обе они – его жены. События, разворачивавшиеся во сне, так увлекли Андрея, что ему очень хотелось, чтобы сон не кончился, чтобы сказка стала былью.

Глава 1. Переход

Он мчался по ночному шоссе, утопив педаль газа до упора. Стрелка спидометра перевалила за отметку сто восемьдесят километров в час, но спортивный автомобиль явно проигрывал соревнование в скорости мыслям своего хозяина. События последних трех месяцев ярким калейдоскопом проносились перед глазами Андрея. Благо что трасса в это время суток пуста, до рассвета оставалось часа два. Тело Андрея жило собственной жизнью, и госпожа удача благоволила Андрею, ибо на пути не встретился ни один экипаж гаишников. Вот и отворот, дальше дорога представляла собою памятник дорожникам развитого социализма. Нужно отдать должное строителям коммунизма в отдельно взятом государстве, асфальт имел место быть, несмотря на более чем тридцатилетний возраст. Ямы и выбоины на дороге имелись в достаточном количестве, чтобы укротить пыл заядлых гонщиков, и Андрей скинул скорость.

Рассвет застал его, когда Андрей по наитию свернул на малоприметную проселочную дорогу, по привычке сбрасывая скорость до минимума. Как на грех, дорогу опять перегородило упавшее дерево. Сколько себя помнил, дерево всегда преграждало дорогу. Его оттаскивали, распиливали, сжигали, но оно неизменно появлялось вновь. Проклиная все на свете, Андрей остановился, вышел из машины, нервно закуривая сигарету.

Тонкий писк комара вернул Андрея к реальности. «Собственно, что такого страшного случилось, – подумал Андрей, оттаскивая на обочину здоровенное дерево. – Рано или поздно – это должно было случиться. Главное – руки, ноги целы, а остальное... Гм, если под остальным понимать потерянную квартиру в Москве, фирму и жену и предательство друга – это одно. Если под “остальным” понимать потерянные семь лет жизни – это уже понимаешь.... Так, стоп, – остановил себя Андрей. – Хватит накручивать себя. Что упало, то пропало. Если подумать, то в сложившейся ситуации я сам виноват. В отношениях между мною и Светкой изначально был неверно заложен базис. Все-таки мы современные люди, а не пережитки седой древности. Это дед с бабкой жили душа в душу, понимали друг друга без слов и словно чувствовали друг друга на расстоянии. Помнится, бабка Акулина, придя домой с вечерней дойки, надела черный платок и истово молилась до самого восхода солнца, а утром объявила родителям Андрея, что их родитель отдал богу душу. Что интересно, мать с отцом восприняли это известие как свершившийся факт, даром что деда уже несколько лет не было дома, и лишь бабка знала, куда он уехал. На вопрос участкового, мучившегося с глубокого похмелья, с какого бодуна, бабка решила, что Иван Дмитриевич, так звали деда, умер, лаконично ответила: сердце вещает.

Через год с небольшим родители Андрея погибли в автокатастрофе. Так маленький Андрейка попал к бабке Акулине. Для пацана началась новая жизнь, полная приключений и странностей. Несмотря на почтенный возраст, бабка была полна сил. Шустро управлялась по хозяйству, держала скотину в хозяйстве: лошадь, две коровы, три овцы, козу и два десятка кур.

Знатный был жеребец – огонь. Из соседнего колхоза, где разводили лошадей, сам председатель приезжал – кланялся бабке. Многие Акулина знала про лошадей. Только Андрей не сумел перенять все ее знания, ни к чему они ему были в век самолетов и космических кораблей. Как наезднику ему не было равных, но, в отличие от бабки, он не мог мысленно подозвать к себе коня, находясь за версту от него. Бабка могла.

Лето Андрей проводил в дремучем лесу, старая Акулина находила время обучать внука повадкам птиц и зверей. Удивительно, но в окрестных лесах, словно в заповеднике, водилась всякая живность – медведи, лоси, кабаны, а зайцев была тьма тьмущая.

Во время перестройки и бурного роста дикого капитализма новые хозяева жизни сторонились этих лесов, места эти издавна имели недобрую славу, изредка новые «хозяева жизни»

пропадали бесследно в этих дебрях. Милиция по-тихому закрывала дела, и лес дальше продолжал жить в тишине и покое.

Лесной массив был полностью в распоряжении Андрея, парень дни и ночи напролет предавался охотничьим забавам, то гонял с кистенем зайцев, а как подрос и возмужал, то сходил на медведя с рогатиной. Правда всего один раз и то неудачно. Чудом остался жив, бабка спасла самонадеянного внука, вогнав каленую стрелу точно в глаз медведю. Больше Андрей не геройствовал, в его шестнадцать лет хозяин леса был ему еще не по силам.

В свои годы бабка Акулина легко натягивала свой короткий изогнутый лук. Она не признавала огнестрельного оружия, считая его порождением дьявола, впрочем, бабка не признавала ничего из достижений цивилизации. В доме не было даже электричества, готовили пищу в русской печи, собственноручно сложенной дедом.

В округе молодую Акулину сразу записали в колдуньи и досуже гадали, из какой глуши привез ее дед. Речь молодой жены нелюдимого Ивана долгое время оставалась непонятной для окружающих, и вела себя она очень странно. Но травы знала, как профессор ботаники. И была у жены Ивана дурная привычка таскать с собой острый длинный нож-тесак, но так как Акулина практически не бывала нигде, кроме своего дома, поля и дремучего векового леса, который наивно полагала своим, а с внешним миром общалась только через редких гостей, забредавших на отдаленные выселки получить лечебную траку, то на странности Акулины быстро перестали обращать внимание. Живет за болотом чокнутая колдунья и пущай себе живет.

Секретарь райкома, проявивший нездоровый интерес к семье Ивана, как-то неудачно съездил на охоту. Что там произошло на той охоте, никто не знает, но хоронили погибших в закрытых гробах. В леса загнали солдат, прочесали лесной массив от и до, но никаких волков так и не нашли. Серые словно под землю провалились.

Вновь назначенный секретарь предпочел не замечать сплетен. Так и жили дед с бабкой в мире и согласии, пока дед в очередной раз не исчез.

Автомобиль остановился перед воротами дома. Андрей заглушил двигатель, но остался сидеть в салоне, вспоминая свое детство и юность, проведенное в деревне. Прошло не меньше получаса, прежде чем Андрей решился выйти из машины. Попав внутрь двора через калитку, широко отворил ворота, загнал авто во двор под навес.

Осмотрел старинный, ручной работы замок на дверях избы, отметил, что недобрая слава охраняла хозяйство весь этот год почище охранного предприятия. Главное задаром. Потом забрал с заднего сиденья машины букет свежих цветов, отправился на могилу бабки.

Ушлый нотариус бабки вызвался решить все вопросы, связанные с оформлением документов на похороны, паспорта у покойницы не оказалось, и вдобавок она, как оказалось, не числилась среди клиентов Пенсионного фонда.

Деньги у Андрея были, служащие разных уровней относились к зелененьким президентам с почтительным благоговением, размер которого определялся должностью чиновника, и проблем с выправлением бумажек не возникло.

Андрей возложил цветы на могилку, уселся на лавочку, доставая из внутреннего кармана пиджака вскрытый конверт. Развернул листок бумаги, исписанный мелким почерком, вновь стал перечитывать посмертное послание бабки. Относиться к содержанию письма можно было по-разному, но поверить в написанное мог только не совсем нормальный человек.

Однако вместе с письмом нотариус передал Андрею вместительный деревянный сундук, сработанный под старину и искусно окованный железом. В сундуке хранились слитки серебра, в которых нумизматы безошибочно определили новгородские и киевские гривны, золотые монеты Византийской империи и других стран Востока. Экспертиза показала, что монеты настоящие, огромной нумизматической редкости, особенно византийские и восточные. Так что не верить бумаге – оснований нет, каким бы бредом ни казалось написанное в письме.

Завтра к обеду должны прибыть транспорты с необходимыми вещами и оборудованием. Послезавтра, на восходе солнца, Андрей узнает, правда ли существует семейная тайна или это посмертная шутка бабки Акулины.

Глава 2. Первая встреча

Странный тоннель оставался открытым три дня. Жертвенный камень в пещере под старинным домом Андрея за это время обагрился его кровью полностью. Кровь тонкой струйкой текла по желобкам, Андрей смотрел, уже в который раз, на это таинство, не понимая его природы и не веря собственным глазам, – стена пещеры вновь пошла мелкой рябью и исчезла в дымке. Разум Андрея отказывался воспринимать процесс перехода. Держа коня на поводу, он в последний раз шагал по тоннелю. Вокруг стелились клубы плотного тумана, видимость практически нулевая, и вдруг, сделав очередной шаг, ты попадаешь в новый мир, чистый и светлый. Там даже воздух был иным, дышалось легко и свободно.

Андрей тщательно замаскировал вход в пещеру, надеясь, что потом сможет найти схрон. Еще раз оглядев критическим взглядом дело рук своих, он оседлал своего донца, навьючил пожитками, отобранными в дорогу, вторую лошадку, и, посидев на дорожку, неспешно выкурив сигарету, отправился в путь – навстречу судьбе.

Весеннее солнышко ласково припекало, слабый ветерок, тянувший с реки, обдувал прохладой. Решение ехать вдоль реки Андрей считал правильным, люди испокон веков селились по берегам рек, рано или поздно на пути встретится жилье. Там, действуя по обстановке, он попытается определиться с местом и временем. Планов как таковых не было. Самый простой вариант – явиться в столицу и поступить на службу. Насколько он понимал историю, то проходимцы на Руси часто делали карьеру при дворах государей. Так отчего бы не попробовать?

Двигаясь по высокому берегу реки, Андрей мог видеть окрестности противоположного берега. Судя по всему, если в половодье заливало правый берег, то луговую низменность левого берега затапливало на много километров. На стороне, по которой он двигался, вековой сосновый лес почти вплотную подступал к высокому берегу реки, но не настолько близко, полоса берега шириной метров сто – сто двадцать позволяла передвигаться достаточно свободно. Ветер с реки обдувал земельку, солнышко припекало, вот и ехал Андрей посуху. А не дай бог дождик пойдет, то все, пиши пропало – не пройти, не проехать...

У дремучего лесного массива не видно конца и края. Вот уже два часа Андрей любит красотами природы, а лес все не кончается. Иногда он отступал достаточно далеко от берега, тогда Андрей ехал по широкому лугу. Он торопился, но старался не переутомлять коня, переходя с шага на рысь и обратно. Уровень воды в реке вызывал беспокойство, если половодье застанет его в пути, то останется только один путь – сквозь дремучие лесные дебри, а снег в лесу еще не сошел полностью. Интересно, что широколиственные леса соседствовали с хвойными.

Однажды недалеко от берега Андрей углядел возвышенность, где давным-давно стояло человеческое жилье. Об этом безмолвно свидетельствовали остатки земляных укреплений. Поселение, судя по размерам полуисчезнувших от времени валов, не отличалось многолюдностью, занимая пространство в четыреста-пятьсот квадратных метров. Осмотрев периметр, Андрей пришел к выводу, что тут когда-то стояла укрепленная усадьба или острог. Уже собираясь покинуть это место, Андрей случайно пнул трухлявую кочку, и из-под нее выкатился железный горшок, в котором скалился верхними зубами полуистлевший человеческий череп. Нижняя челюсть отсутствовала. Андрею стало не по себе. Он поторопился покинуть это место как можно быстрее.

Иногда на пути возникали препятствия в виде неглубоких овражков, по дну которых весело журчали ручейки, лишь однажды овраг был настолько глубок и широк, да к тому же зарос орешником, что спуск по крутым склонам не прельстил одинокого путника, и Андрей решил поискать место поположе. Ему пришлось двигаться вдоль оврага, иногда продираясь сквозь заросли кустарника, здорово мешавшего движению. Приблизительно через километр овраг изменил направление, постепенно заворачивая в противоположную сторону.

Ругаясь почему зря, Андрей продолжал объезжать препятствие, но двигался он в обратном направлении уже достаточно долго, а удобного спуска все не было.

Кустарник резко закончился, Андрей выехал на открытую местность, мысленно пытаясь представить себя со стороны. Зрелище, судя по всему, фантастическое: верхом на коне, в широких штанах, заправленных в красные сапоги, в зеленом кафтане, на голове не пойми что, означавшее головной убор. Широкий кожаный пояс с начищенными медными бляхами, на боку сабля, доставшаяся по наследству от бабки. Этим интересным оружием Андрей владел виртуозно. Сабля не совсем обычная – настоящий булат. Необычность в сабле заключалась в легкой изогнутости клинка и рукояти, соединенной с клинком под небольшим углом. Такой саблей можно было не только рубить, но и колоть, тем более что острие обоюдоострое. К седлу приторочен щит из легкого, но прочного сплава. Одежду всю Андрей купил у ролевилов, помещавшихся на старине. Оружие, за исключением сабли и короткого бабкиного лука, – новодел, но какой новодел! Броня одна чего стоит! На испытаниях умелец одного хитрого завода, работающего на оборонку, продемонстрировал качество своей работы, ударив наотмашь топором по доспеху. И ничего, выдержал доспех испытание.

За спиной снайперская винтовка, на груди болтается бинокль, в перешитой кобуре импортная машинка с накрученным на ствол глушителем. В общем, помесь русского витязя с американским Рембо.

Весеннее солнышко невероятно припекало. Расстегнутые верхние пуговицы на кафтане облегчения не принесли. Очень хотелось пить. Андрей потянулся рукой за бутылкой спрайта, спрятанной в сумке, и волосистой аркан, брошенный ему на плечи стал для всадника полной неожиданностью. Резкий рывок, и Андрей, как пушинка, вылетел из седла, с силой приложившись головой об землю.

Очнувшись он от жуткого холода. Сейчас он лежал на покрытой прошлогодней травой холодной земле в чем мать родила, то есть абсолютно голый. Более того, был связан, и связан качественно. Голова раскалывалась от боли, виски разрывала пульсирующая боль. Но что значит боль по сравнению с обидой! Так глупо попасться. Обидно до слез. Хуже всего, что Андрей не знал, кто его пленил, чуть в стороне фыркала лошадь, и вдруг раздался сухой хлопок, следом послышался звук грузно упавшего тела.

Андрей крепко зажмурился, пытаясь прогнать головную боль, потом замер на минуту, прислушиваясь к окружающим его звукам. Ничего, кроме щебетания птиц и фыркания лошадей. Заставив себя мысленно сосчитать до ста, Андрей попробовал повернуться на левый бок. Получилось, но руки пронзила адская боль, видно, связали его по-хитрому. Рядом с Андреем, распластавшись на спине, лежал человек в грязном стеганом халате до колен. На ногах грязные сапоги из грубой кожи, но добротные сшитые. Каблуки отсутствуют, что странно. Конь чужака спокойно стоял рядом с хозяином, а вот жеребец Андрея усакал и в поле видимости не наблюдался, но его присутствие было обозначено недовольным фырканием. На боку мертвяка очень широкий пояс из красного шелка, на кожаных ремнях к нему при помощи медных пряжек пристегнута кривая сабля в обтянутых желтой кожей ножнах, до нее – рукой подать, но каждое движение отдавалось нестерпимой болью в плечах. Превозмогая себя, Андрей перекатился и заерзал, пытаясь добраться зубами до сабли. С большим трудом это ему удалось. Осталось малое – вытащить клинок из обшитых тонкой кожей ножен.

Андрей замер, отдыхая, одновременно пытаясь совладать с нахлынувшим страхом. Никогда ему еще не было так страшно. Умом понимал, что страх вызван отсутствием одежды, что будь он хотя бы в штанах, то липкий страх не смог бы завладеть его сознанием. Наконец решившись, он, охая от боли, вцепился зубами в шелковую тесемку сабли, резко дернул головой. Клинок ненамного, но обнажился. Периодически останавливаясь на короткий роздых, Андрей умудрился на треть вытащить клинок. Теперь нужно снова миллиметр за миллиметром проползти вперед и извернуться спиной к сабле.

Андрей потерял счет времени, но смог перерезать стягивающие его путы, изрезав в кровь руки. Освободившись, с наслаждением сел голый задницей на землю и уставился на мертвеца с не предусмотренной создателем дыркой во лбу. Импортная игрушка с намернутым глушителем, ставшая причиной столь кардинальных технических изменений в конструкции создателя, валялась рядом с покойником.

Констатировав факт смерти обидчика, освободил от пут затекшие ноги. Его одежда валялась совсем рядом, достаточно руку протянуть. Боже! Как паршиво себя чувствует обнаженный человек. Первым делом он подобрал свою фляжку, трясущимися руками открутил крышку и сделал большой глоток коньяка. Сразу стало легче, покойник сразу перестал восприниматься как нечто фантастическое. Андрей осторожно толкнул мертвеца, потом ущипнул себя за руку. Нет, он не спит. А раз это не сон, то пора приводить себя в порядок. Сделав еще один большой глоток целительного напитка, стал суетливо одеваться, от волнения не попадая в ногой в штанину. Упал, чертыхнувшись, под внимательным живым взглядом низенькой кобылы.

Полностью одевшись, подобрал валявшийся рядом с мертвяком пистолет. Чужая кобыла вдруг взбрыкнула и резво отскочила в сторону. Он осторожно приблизился к лошадке с непропорционально длинным туловищем и легкой, острой снизу головой, венчавшей длинную шею, но та не подпускала его слишком близко. Андрей замер, пытаясь внутренне найти контакт с непослушной кобылой. Осторожно сделал маленький шажок, потом еще один, взял под уздцы, нежно обнял за шею, шепча ласковые слова и поглаживая гриву. Лошадь перестала дрожать, безоговорочно подчинившись человеку. Привязав кобылку к одинокому деревцу, растущему неподалеку, он без всяких угрызений совести занялся осмотром трофеев. К луке высокого седла приторочен чехол, в котором хранился налуч, с коротким луком и колчаном. Это понятно: оружие дальнего боя, а вот и другое оружие есть: медная булава и короткий топорик. Из имущества – кожаная сумка. В ней нашлось немного грубого хлеба, тонкие ломтики вяленого мяса, мешочек проса, мешочек с солью, суровые нитки и две иголки в костяном футляре. В другом мешке лежали овчинный тулуп и ярко-синие шаровары.

Мертвец под пухлым халатом носил кольчугу тонкого плетения с большой медной бляхой на груди. На голове полукруглый шлем с кожаной бармицей³. По роже и по вооружению – типичный татарин: широкие плечи, короткая и толстая шея, продолговатый овал лица, прямой нос, правильный разрез карих глаз, не совсем густая борода клинышком. Голова брита наголо. Вот только, насколько знал Андрей, татары, а это, скорее всего – татарин, судя по очень изогнутой сабле, кольчуги не носили. Или носили?

Немного повозившись, снял с покойника опояску из кожи, к которой прицеплялась сабля, затем широкий пояс, в складках которого обнаружился мешочек из мягкой кожи. Внутри весело звенели монетки, но Андрей отложил на потом исследование содержимого кошелька.

Простеганный в косую клетку толстый халат, местами залитый кровью, ему без надобности, а вот кольчугу стоит прибрать, решил Андрей и принялся мародерничать.

Ощупывая халат, он заинтересовался, отчего он такой толстый, сделал надрез на ткани и увидел содержимое начинки – конский волос. Стало любопытно, насколько такое чудо может защитить тело от сабельного удара. Аккуратно привязав халат к деревцу, наотмашь рубанул трофейной саблей. Железко рассекло халат с трудом, но подкладка осталась цела, конский волос оказался не по зубам сабельке. Нанести колющий удар кривой саблей немыслимо, пришлось доставать из ножен свою. Рубящий удар собственной слегка изогнутой саблей вышел чуть похуже, а вот колющий прошел на ура. Сабля, острие которой заточено с обеих сторон, легко вспорола халат. Будем знать, отметил про себя Андрей. При кажущейся простоте хала-

³ *Бармица* – оплечье, походившее на отложное ожерелье, оно делалось или из сплошного железа, или из нескольких железных частей, скрепленных железными кольцами.

тик – неплохая защита, если учесть, что под ним еще есть кольчуга. Осталось проверить на стрелу. За пятьдесят метров стрела прошла насквозь халат, ствол деревца и умчалась в неизвестность. Искать стрелу пришлось долго, но Андрей нашел.

Осталось вытряхнуть тело из кольчуги. Как ни старался снять доспех аккуратно, все равно вывозил его весь в крови. Под кольчугой прятался татарский хамьян⁴, шитый из тонко выделанной кожи. Развязав тесемки, Андрей высыпал на землю его содержимое – дюжину серебряных брусочков. Это уже интересно. Собрав серебро, аккуратно затолкал брусочки в пояс-кошель и нацепил его на себя. Потом ножом отрезал кусок ткани от полы испорченного халата, нашел глубокую лужу и стал отмывать кольчугу от пятен крови. Когда работа была почти окончена, его словно током ударило. А вдруг татарин не один?

Андрей резко вскочил на ноги, суматошно оглядывая окрестности. Никого. Подобрал брошенную кольчугу, по-быстрому затолкал ее в мешок, прицепил трофейную саблю к луке седла. Донец, успокоившись, подпустил хозяина к себе, но приближаться к покойничку отказался наотрез, запах крови действовал на жеребца возбуждающе. Оставив лошадь в покое, он вернулся за трофейной кобылой.

⁴ *Хамьян* – кожаный или из крепкой материи кошелек для денег, очень длинный, иногда в виде пояса.

Глава 3. Набег татар

За оврагом начиналась пологая возвышенность, и с вершины холма можно будет осмотреть окрестности. Андрей неспеша ехал по следам татарина и нашел место, где тот пересек овраг. Следы вели на холм. Он осторожно двинулся дальше, в любую минуту готовый развернуть коней и удирать сломя голову. Встреча с татарами в его планы не входила, хватит с него одного раза.

С вершины холма открывался живописный вид на местность, но красота Андрея не прельщала. Он очень долго разглядывал в бинокль окрестности: березовую рощу у подножья холма, за ней широкий луг, еще дальше текла река. Русло реки очень извилисто, если бы Андрей рискнул и сразу перебрался через овраг, то намотал бы немалый круг, двигаясь берегом, а так, если двигаться напрямки, то... Черт. Люди! Андрей испуганно замер, прильнув к окуляру. Всадники. Раз. Два. Три. Всего десять. Все в знакомых халатах, в меховых шапках на голове, трое так совсем в овчинных тулупах. Четыре груженных телеги с привязанными полуголыми мужиками, которые толкали транспортные средства, помогая запряженным в телеги тяжеловозам. Следом за телегами бредут пленники. Замыкали шествие навьюченные лошади, за которыми присматривал еще один обладатель длиннополого халата.

Невежливое обращение с одиноким путником симпатий к татарам не прибавило. Встречаться с татарами у Андрея не было желания, но вот народ, с обреченностью бредущий в неволю, оставлять без помощи не следует.

Приняв решение, Андрей стал действовать: прищепил коня, двинулся наперерез обозу. Оставив лошадей в роще, выбрался из зарослей, опасаясь, что татары его опередили. Но нет, он успел вовремя.

Пожалуй, место подходящее, решил он, пройдя вдоль кромки леса в поисках удобной позиции. Когда прошел шок от встречи с первым человеком, Андрей перестал суетиться, полностью овладев собой. Он терпеливо ждал, изготовившись к стрельбе.

Татары в голове обоза миновали Андрея, боковое охранение поравнялось с ним. Татарин ехал слишком близко, внимательно всматриваясь в чашу. Вдруг в глубине леса послышалось конское ржание. Всадники отреагировали мгновенно, в их руках внезапно появились луки. Андрей не стал тянуть, нажал на спусковой курок. Сухо грянул выстрел. Татарин из бокового охранения кулем свалился под копыта лошади. Андрей перенес огонь на головных всадников. Над головой прошелестела стрела, вторая воткнулась в землю прямо перед носом Андрея. Но татары не могли его видеть! Бьют на слух. Но как? Это невозможно! Андрей снял последнего всадника, пытавшегося удрать. Замер, выжидая. Странно, но пленники освободились самостоятельно. Получив свободу, мужики быстро бросились к телегам, вооружаясь топорами, мечами. Кто-то ушлый завладел луком, сразу изготовившись к стрельбе, внимательным взглядом обшаривая кроны деревьев. Андрей готов был поклясться, что его заметили.

Прятаться не было смысла, пора налаживать контакт. Андрей поднялся, держа винтовку наизготовку, спокойно двинулся к обозу.

Его появление не осталось незамеченным. Полуголые мужики встретили незнакомца настороженными взглядами, не выпуская из рук оружие. Грязные бороды в остатках жидкой баланды на слипшихся волосах. Ну, правильно, татары пленных кормить-то кормили, а руки не развязывали, вот и лакали татарские рабы жидкую жратву, словно свиньи из корыта. Поискать в телегах, так и корыто найдется, усмехнулся Андрей.

Неопрятный внешний вид, отсутствие элементарной одежды и босые ноги не мешали мужикам грамотно взять пришельца в коробочку, перекрыв ему пути отступления.

С чего начать разговор, Андрей ума не приложил. Вроде бы все продумал загодя, а вот как повстречался с аборигенами, так все слова из головы вылетели. Рожи мужичков уж больно недружелюбные, ощерились, словно хищники на охоте.

Даже молодняк имеет шрамы на теле, а у мужиков постарше так совсем живого места нет. Некоторые шрамы совсем свежие, видно, хапнули мужички лиха в своей жизни.

– Здорово, мужики. Закурить не будет? – не придумал ничего лучшего спросить Андрей.

– И тебе не хворать, – степенно ответил полуголый бородач, уверенно державший в руках топор с узким лезвием. Речь бородача очень походила на то, как изъяснялась бабка. Андрей облегченно вздохнул, с коммуникацией проблем нет, он на Руси.

Совершенно неожиданно босоногий коротышка с широченными плечами и могучим торсом резко махнул саблей, нанося удар по голове Андрея. Рефлексы сработали сами по себе, но недостаточно быстро. Андрей отпрянул назад, но железо достало-таки его, рассекая кожу на лбу. Из раны обильно потекла кровь. В это самое мгновение чья-то сильная рука ухватила Андрея за шиворот, и последующий удар коротышки пришелся в пустоту. Андрей машинально приложил руку к ране, ладонь оросилась алой кровью. Рана пустяшная, оцарапал чуток лоб.

– Фома! – грозно зарычал бородач с топором. – Кто тебе, паскуднику, позволил?

– Закрой пасть, Лука, – зло ощерился коротышка.

После этих слов в позициях, занимаемых мужиками, произошли существенные изменения. Даже те, кто не обращал внимания на странного пришельца, спокойно занимаясь потрошением убитых татар и разбором наваленного в беспорядке барахла в повозках, оставили свое увлекательное занятие, подтягиваясь к спорщикам.

Судя по всему, защитник Андрея имел меньший авторитет в этой стае волков. За Фомой пошла большая часть ватажки. Сорок на двадцать. Неважнецкий расклад. Это понимали все, но мужики, вставшие на сторону Луки, не выказывали страха.

Андрей получил короткий тычок в бок.

– Саблю вынь! – хриплым, простуженным голосом сказал обладатель иссиня-черной бороды.

Андрей, все еще не отойдя от шока, медленно обнажил саблю, перекладывая клинок в левую руку, а в ладонь правой руки удобно легла рукоять пистолета. Второй раз он наступил сегодня на те же грабли. Сначала татарин повел себя очень агрессивно, теперь вот местные мужики не испугались странных смертей татар и с ходу попытались лишить его жизни. Что-то тут не складывается. Очень странная реакция у аборигенов на незнакомца.

В это время трое молодых парней освободились от пут, вооружаясь чем попало, кто ножом, кто косой-горбушей, а один так совсем взял в руки мотыку – деревянную лопату, окovanную железом. Появление мальцов на стороне соперника Фомой было встречено презрительным плевок под ноги.

– Ну что, Лука, поговорим? – в голосе щербатого Фомы явно чувствовалась угроза.

– Ватаманом захотел стать? – ответил с издевкой ватажник.

Лука вел себя абсолютно спокойно, несмотря на численное меньшинство своих сторонников. Мальцы, вставшие на его сторону, погоды не делали. Против опытных воинов они не выстоят.

– А коли и захотел, то что? – Фома с вызовом смотрел на Луку. – Давай так, кладете железко на землю, и чтобы я вас больше не видел. Баб мы себе заберем, а этого, – кивок в сторону Андрея, – можете забрать. Токмо порты пусть сымет, – сделал предложение разбойник.

В этот самый момент двое разбойников, стоявшие чуть в стороне от своего предводителя, размахнувшись, бросили топоры в единственного лучника среди всей честной компании. Чью сторону примет единственный обладатель лука, было не совсем понятно, так как стоял он наособицу от всех. Как стрелец умудрился остаться в живых, извернувшись от летящего в него железа, Андрей так и не понял, но лучник обладал великолепной реакцией – это факт.

Но он уже забыл о лучнике, на него самого напали сразу двое, один с коротким копьём, другой с огромным топором. Андрей застрелил обоих не задумываясь. Рядом с ним люди убивали друг друга с таким остервенением, что происходящая на берегу бойня казалась нереальной. Но кровь лилась настоящая. Андрей расстрелял всю обойму. Ни разу не промахнулся. Сначала имело место замешательство, он не знал, кто из увлеченно калечивших друг друга мужиков враг, а кто «свой». Но быстро сориентировался: с кем дрались мальцы, тот и враг, подлежащий уничтожению. Лишь однажды вышла ошибка, он прострелил плечо мужичку с мечом, а его противник, опустив топорик на голову раненого, набросился на паренька с лопатой. Он еле успел исправить ошибку, пристрелив залитого кровью безумца, потратив на него аж четыре последних выстрела.

Андрей попятился назад, стараясь оказаться как можно дальше от схватки. Но вдруг в мозгу переклинило, и он, сам не узнавая себя, бросился в самую сечу, успев полоснуть саблей по широкой спине зачинщика ссоры. Фома еще смог обернуться, с ненавистью глядя на своего убийцу. Сабля Андрея описала полукруг и с легким свистом опустилась на шею Фомы. Андрей замер, ничего не понимая. Клинок прошел сквозь шею, не чувствуя препятствия, а Фома продолжал смотреть на Андрея широко открытыми глазами. Через несколько ударов сердца ноги разбойника подкосились, а голова плавно съехала по косому срезу и упала на землю.

Над местом схватки раздался громкий крик. Кричал Лука, высоко подняв отрубленную голову Фомы. Сражение прекратилось так же быстро, как и началось. Андрей не верил собственным глазам. Все, кто мог стоять на ногах, как ни в чем не бывало собирались вокруг Луки. Сначала робко, затем все сильнее раздались крики:

– Любо! Любо! Луку – в ватаманы!

Андрей было подумал, что он сошел с ума, но нет, все происходило наяву. Рана на лбу настоящая, и боль настоящая. Еще сильно прихватило живот. Убивать ему приходилось и раньше, но снайпер видит врага на расстоянии, а сегодня Андрей впервые убил. Да что там убил, он убил человека зверским образом: отрубил ему голову. Блевать совсем не хотелось, а вот опорожниться – даже очень.

– Вот и славно. Выбрали ватамана, – удовлетворенно сказал владелец лука и стрел, которых в его колчане заметно поубавилось после стычки.

Андрей не стал больше терпеть, бегом припустил за телеги, на ходу развязывая тесемку на штанах и пытаясь расстегнуть пуговицу. Как на грех, пуговица не хотела вылезать из петли, Андрей с силой рванул, вырывая злосчастную пуговку вместе с куском ткани. Уф-ф, успел.

Когда к нему вернулась способность мыслить, его взору предстала совершенно мирная картина. Разбойнички оказывали посильную помощь раненым ватажникам, а Лука, читая короткую молитву, добивал безнадежных. Андрея словно не замечали, стараясь не приближаться к нему близко, обходя стороной. Довольно странное поведение.

– Эй! Парень! Поди сюда, – позвал Андрей паренька, перерезавшего пути остальным пленникам.

– Я? – с испугом спросил тот, передавая нож как две капли похожему на него пацану.

Андрей заметил, что парни уже успели обуть ноги в кожаную обувь. А ведь во время избирательной кампании они, как все выборщики ватамана, были босиком.

– Ты. Ты, – дважды повторил Андрей. – Как звать тебя?

– Семен, – степенно представился парнишка.

– Там в лесу я лошадей оставил. Приведи сюда, если нетрудно, – вежливо попросил Андрей.

– Так я мигом, – пацан шустро сиганул в сторону леса.

– Сам-то кто будешь? – вопрос избранного что ни на есть самым демократическим путем ватамана разбойничков заставил Андрея вздрогнуть от неожиданности.

– Князь заморских земель я, – нагло соврал Андрей.

– Князь? – недоверчиво переспросил Лука. – Уж очень удивился такому ответу ватажник.

– Не похож? – Андрей нервно рассмеялся. Сказывалось нервное перенапряжение. Как-никак он отправил на тот свет четырнадцать человек. Повстречавшегося ранее татарина можно не считать, Андрей не виноват в его смерти. Ватажник предпочел не заметить нервозности Андрея, отвернувшись в сторону. Дождавшись, когда Андрей успокоится, он деловито продолжил:

– По правде все это твое, – Лука махнул в сторону телег с барахлом и большой кучи, в которую ватажники скидали одежду и оружие убитых татар. – То по правде. Но ты один... – он замолчал, внимательно глядя на Андрея.

Андрей предпочел промолчать, гадая про себя, куда клонит разбойник. Так и не дождавшись ответа, Лука запустил пятерню в склокоченную бороду.

– Мыслию я, что все тебе не нужно.

Андрей продолжал молчать, внутренне проклиная себя, что забыл перезарядить «беретту».

– Оружие наше и доспех, что татары с нас сняли, нам верни. То справедливо будет. Фома, упокой Господи его грешную душу, взяв верх, тебя бы не помиловал, – сказал Лука и широко перекрестился.

Ватаман очень не хотел убивать этого странного человека, назвавшегося князем, но оружие и доспехи ватажки Лука не собирался отдавать за здорово живешь. Одни мечи, хоть их не более двух десятков на всю ватажку, стоили огромного состояния. Самый плохонький меч и тот стоил самое малое три гривны, а еще датские топоры, а про доспехи и говорить нечего. Теперь, после побоища, доспехов хватит на всю сильно поредевшую ватагу. Нет, Лука нипочем не отдаст оружие. Если нужно будет, убьет этого малахольного, ну и крестьян придется прирезать тоже. Свидетели душегубства ему ни к чему. Грех, конечно. Но одним грехом больше, одним меньше. Опосля пожертвует гривну⁵ на помин души убиенных. Нет, лучше две.

У Андрея глаза чуть на лоб не вылезли, ватажник крестился двумя перстами! Так крестилась его бабка староверка! Это значит, он попал совсем в седую древность! Татары есть в наличии, церковный раскол в семнадцатом веке случился, уже можно сузить временной интервал до трех-четырех веков, уже легче. Вот только чем легче?

– Забирайте, мне не жалко, – Андрей предпочел решить дело миром, не ровен час, тукнут по темечку, и пиши пропало. А умирать очень и очень не хотелось.

– Да и крестьянский скарб мне ни к чему, пускай крестьяне забирают свою рухлядь. – Андрей посмотрел в сторону женщины с двумя дочками, испуганно жавшимися к матери.

Рядом с ними на голой земле сидели двое мужчин. Один, похожий на гриб-боровичок, пытался привести в чувство безразлично уставившегося в одну точку мужика, еще совсем не старого. Двое братьев, принимавшие участие в схватке за ватаманство, в это время помогали разбойникам рыть могилу для убитых.

– Как скажешь, – Лука меланхолично пожал могучими плечами.

Если бы не маленький рост, от силы метр шестьдесят, то мужика можно было бы назвать русским богатырем. Впрочем, кто его знает, какой рост был у Ильи Муромца и других защитников Отечества? Да и Лука с собратьями совсем не походил на роль защитника Земли Русской. На роже написано – бандит и душегубец с большой дороги, пробу негде ставить.

– Что мыслишь делать? – ватажник задал главный вопрос, а значит, убивать Андрея в его планы не входило.

– На службу пойдете ко мне? – неожиданно спросил Андрей.

⁵ Гривна – длинная серебряная палочка весом около 204 грамма. Имела наибольшее значение в денежном обращении. Изначально была распространена на северо-западе Руси, а с середины XIII века распространилась по всей территории Древней Руси.

А что ему еще оставалось делать? Не оставаться же одному, непонятно где и непонятно когда, да еще шныряют тут нехристи всякие, увешанные железом, словно рождественская елка.

Лука не успел ответить, так как невдалеке раздались остервенелые крики. Один из татар оказался живее всех живых, и сейчас он живо улепетывал в сторону леса, на бегу придерживая рукой болтавшуюся на левом боку саблю.

– Живым брать бессермена! – потрясая пудовыми кулаками, заорал Лука, видя, что стрелец вскинул лук.

В последний момент лучник сумел сбить прицел, и стрела прошла мимо беглеца.

В этот момент из леса, ведя на поводу коней, появился Семен, отправленный Андреем забрать лошадей. Парень лихо вскочил на коня и рванул наперерез убегающему татарину. Беглец обреченно остановился, обнажив кривую саблю.

Семен гарцевал рядом с ним, не решаясь нападать. Все внимание степняка было приковано к противнику, преградившему путь к спасительному лесу. Заслышав конский топот со стороны преследователей, он чуть обернулся, и волосяной аркан упал ему на плечи. Семен воспользовался моментом, арканом он владел как заправский степняк. Хорошо, что парень выбрал именно татарскую кобылу, а не донца Андрея. У погибшего степняка был в арсенале аркан, которым тот полонил Андрея, теперь оказавшийся очень кстати. Парень лихо погнал кобылку, волоча за собой пленника. Андрей поразился, что пленник, а это был совсем еще молодой татарин, не изрезал себе ноги, сабля-то тащилась вместе с ним, и парень, крепко зажав в кулаке темляк, не выпускал ее из рук. Но воспользоваться саблей он не смог, его тут же разоружили, мимоходом отвесив несколько сильных пинков.

Андрей очень просил Луку не калечить парня, на что ватажник молча кивнул головой, приступая к допросу.

Пацан долго не запирался, рассказал все, что знал. Луку прежде всего интересовал вопрос, куда подались остальные татары? И где должна быть встреча разделившихся отрядов? Парень по-честному рассказал все без утайки.

После допроса Лука вновь подошел к Андрею, успевшему уже наложить повязку на рану. В этом ему очень помогли молодые девицы вместе с их матерью.

– Девять десятков и еще три татарина идут следом за нами. Полон ведут большой. Пограбили княжеские деревеньки. Что делать мыслишь?

– А что я должен делать? – Андрей догадывался, куда клонит Лука, но татар втрое больше. Неужели он собрался напасть на татар?

– Мыслью я промыслить бессермен, с божьей помощью, – Лука пристально смотрел на Андрея.

– Лука! – Андрей действительно не понимал ватажника. Лезть в сечу, заранее зная, что противник намного сильнее. – Это безумство.

– Ты тут наследил изрядно, княже, – Лука укоризненно покачал головой. – Татары все одно нас найдут. Не спрятаться нам.

Ну вот, это он, получается, наследил, а не сами ли ушкуйники устроили бойню междусобойную, да еще могилу для погибших не поленились вырыть и похоронить честь по чести. Даже крест поставили на могилке.

– Афанасий сказывал, что убитые все – твоих рук дело, – то ли спросил, то ли утверждал ватажник. – Да и видели мы смерть бессермен своими глазами.

Андрей давно ждал вопроса об оружии, сгубившем татар и ватажников. Он-то понимал, что рано или поздно вопрос этот будет задан. Странность заключалась в отношении ватажников к непонятному способу убийства. Вместо страха или, на худой конец, интереса к непонятным железякам, несущим смерть, ватажники все как один демонстрировали полнейшее безразличие. Даже чуточку стало обидно. Он-то предполагал, что непонятное оружие вселит в души мужиков суеверный страх, а в действительности все не так. Где традиционное напоить,

накормить, баньку истопить? Где хваленое русское гостеприимство? Нету! А вот сабелькой по роже – это пожалуйста.

Вообще все не так. Одна сплошная агрессия в отношении незнакомца, пускай и спасшего их от татарской неволи. Тот факт, что он все еще жив, а не валяется с перерезанным горлом, – целиком и полностью воля Луки. Это понятно без слов. Вот только что дальше делать? Самое разумное, собрав манатки, всем вместе уйти в лес и постараться спрятаться там, переждав, когда уйдут татары. Но ватажник прямо предлагает иной путь. Что ответить? Какое решение принять? Отказаться – чревато, убить, может, и не убьют, но бросят одного в этой глуши как пить дать. Согласиться? Но роль лидера останется за Лукой, что не есть хорошо. Черт, нужно решаться. А, была не была!

– Хорошо, – Андрей принял решение. – Я уничтожу татар. Вы мне в этом поможете, – он сознательно формулировал ответ именно таким образом, чтобы расставить все точки над «i».

В ответ Лука криво усмехнулся в растрепанную бороду. Раз не хочет говорить о своем оружии, что ж, князь в своем праве. Хочет взять верх, пускай потешится. Там оно видно будет.

Наскоро перекусив татарскими припасами, ватажники облачились в свои брони, вооружившись до зубов всяким разным железом. Трофеи с убитых татар так и лежали сваленные в кучу перед Андреем. Братья-погодки сами вызвались упаковать барахло, Андрей, видя горящие от восторга глаза пацанов, когда они упаковывали доспехи и оружие, щедро разрешил братьям взять все, что им понравится. Упрашивать парней не пришлось, они отложили в сторону поножи, кольчуги тонкого плетения, кривые сабли, кинжалы и ножи, также выбрали себе по короткому луку. Разумеется, одежда им тоже пригодилась, вплоть до овчинных тулупов и меховых татарских шапок. Нарядившись в татарскую одежду, они дружно поклонились в ноги Андрею и попросились к нему на службу. Вернее, младшие скромно молчали, а говорил от имени всех братьев Семен, на правах самого старшего. И просились они в холопство! Служить князю – верх их мечтаний!

Это стало полной неожиданностью, так что Андрей сдуру согласился. Пускай они молоды, но не убоились ведь пойти на разбойничков, кто с ножом, а кто и вовсе с лопатой. Да и как источники информации братья могут пригодиться. Опять же за лошадьми присмотреть, дрова насобирать, обед сготовить, все же не самому делать. Раз назвался князем, значит, невместно ему вести себя, словно смерду.

Андрей успел за этот час разобраться в иерархии ватажников. Безусловным лидером разбойников являлся уже известный Лука Фомич, судя по выговору, уроженец Новгорода. Все его приказания исполнялись быстро и беспрекословно.

Опирался Лука на нескольких товарищей. Прежде всего на мужика с иссиня-черной бородой, с пудовыми кулаками и широченными плечами. Косая сажень в плечах – это про него сказано. Судя по рельефу мышц, Кузьма когда-то был молотобойцем в кузне или очень долго сидел за веслом галеры. Говорил Кузьма редко, но всегда по делу.

Вторым товарищем был Афанасий, единственный лучник, а правильной сказать – стрелец, в разбойничьей ватаге. Среднего роста, как все ватажники, бородатый, с прямым открытым взглядом светло-серых глаз.

Еще одним помощником Луки являлся Фома Молодой. Угрюмый, мрачного вида мужик, со старым уродливым шрамом лице. Даже густая борода не могла скрыть косой шрам, протянувшийся через все лицо, от левого виска до подбородка.

Имена и прозвища остальных ватажников Андрей не запомнил, нереально за час запомнить всех поименно, ватажников три с половиной десятка человек, да раненых с дюжину. Демократические выборы атамана сильно проредили ряды разбойников. Остальные спасенные – крестьяне одной из деревенок. Три брата-погодка, Семен, Федор и Кузька – вот все, с кем успел пообщаться Андрей.

Главное, он узнал, куда занесла его судьба. Вопросы удивили пацанов, а именно их выбрал Андрей в качестве информаторов о местном житье-бытье. Надежды Андрея на цивилизацию рухнули в одночасье, на дворе Средневековье, шел шесть тысяч девятьсот сорок второй год. Великим князем в Переяславле сидел некто Иван Федорович⁶, государь этих земель, внук знаменитого князя Олега Рязанского⁷. Великому князю принадлежали все окрестные земли. При деде нынешнего князя рязанские волости были даже на Дону, но сейчас там одно запустение. В Орде сейчас власть делят, вот казаки-татары и пользуются моментом, грабят русские земли. При Олеге-то они по чавке получали регулярно, а сейчас князю не до них, да и мало теперь воинов в княжестве. Раньше местные крестьяне ходили под боярином Степаном Рваное Ухо. Ох, и лихой был боярин! Не только разбойников бил, но и сам за зипунами ходил в степь.

Большие татарские рати на Русь ходили проторенными сакмами⁸, минуя эти места, бог миловал, а мелкие ватажки забредали сюда в поисках добычи исключительно зимой. Пять дюжин воев боярина легко справлялись с разбойниками, но два лета назад боярин попал в засаду и был убит. Потом татары пограбили деревеньки и захватили боярскую усадьбу, оставшуюся без защитников.

Рязанские бояре вообще отличались буйным нравом. Великие князья им потворствовали, наделяя поместьями на окраинах княжества. Именно за счет таких буйных голов прирастало Рязанское княжество новыми землями и долгое время соперничало с соседями на равных.

Собирая оброк с крестьян, богатым не станешь, а отбив набег соседей, да хоть тех же татар, можно за раз взять добычи столько, сколько за десять лет не соберешь оброка. Но цена такой веселой и обеспеченной жизни всегда высока – жизнь, причем своя собственная.

По бездетности покойничка, упокой Господи его душу, хороший был человек, деревеньки с землями отошли обратно к великому князю. А значит, народ снова платит тягло в полном объеме, по старине.

За короткое время Андрей получил море информации о хозяйстве немногих деревенок этой земли. Сколько четей в поле у каждого хозяина, какой оброк платили боярину, сколько теперь платят князю, сколько скотины держат и много чего еще рассказали братья.

Вопреки устоявшемуся мнению современных историков, новости на Руси распространялись быстро, потому братья были также в курсе политических событий последних лет и цен на продукты питания и скотину. Главными поставщиками новостей являлись коробейники, которые покупали разный товар в Переяславле, Пронске и Рязани и на лодках развозили его по деревням, выменивая на мед, рожь, меха и так далее. Сами крестьяне редко отправлялись на торг в большие города. Обычно, если и были такие поездки, то по первому снегу. От такой поездки прибыль была намного больше, чем от продажи скупщикам на месте. Но когда нужда прижмет, отдавали за необходимые в хозяйстве вещи продукты своего труда почти за бесценок. Да еще в последнее время князь требовал не натуральный оброк, а серебро. А где его взять-то в глухой деревне? Конечно, полностью натуральный оброк не был заменен денежным эквивалентом и составлял лишь небольшую часть оброка, однако же больно это ударило по экономике натурального хозяйства. На пересчете товара в денежном эквиваленте получалось, что незаметно величина оброка возросла процентов на двадцать – двадцать пять, а если не ездить на торг самостоятельно, то и вдвое. Но кто будет спорить с князем? Так и жили.

Оставив крестьян с телегами в лесу, ватажники, разобрав низкорослых лошадок, двинулись навстречу возвращавшимся с набега татарам.

⁶ Иван Фёдорович (ум. 1456) – рязанский великий князь (1427–1456), младший сын Фёдора Олеговича и Софьи Дмитриевны, дочери Дмитрия Донского.

⁷ Олег Иванович Рязанский – великий князь Рязанский с 1350 по 1402 год.

⁸ Сакма – изначально след на земле, оставленный зверем или конницей. Позднее сакма означала всякую проторенную, испытанную, проверенную дорогу. В русской летописной терминологии сакмы – пути (маршруты) передвижения татарских войск, а также главные дороги из Орды на Русь, из степей на Русь.

Кстати, языкового барьера между русскими и татарами не существовало. Пленный татарин говорил по-русски очень хорошо. Но как оказалось, в этом ничего удивительного нет.

Многие татары вполне сносно владели русским языком, а были среди татар и вовсе говорящие на чистом русском языке, да и по лицу не вполне можно было понять, русский перед тобой или татарин. Но это больше все относилось к татарской знати. Взять в жены дочь княжескую или выдать свою дочь за русского князя или боярина по тем временам считалось нормой.

Братья поведали, что, со слов пленного, известно, что татары, посчитав, что добычи взяли мало, отправились грабить окрестные деревни. Шансы на успех у них были неплохие. Крестьяне с косами и вилами не смогут оказать сопротивления и станут легкой добычей. Главное тут – успеть убежать от княжеской дружины и увести полон. Но дружина князя далеко, исполнять войско из-за малого набега князь не станет.

«Итак, что мы имеем в раскладе? – предался размышлениям Андрей. – Ватажка разбойников отправилась вдоль реки. Если верить братьям, а не верить им причин нет, за полдня татары доберутся до деревни. Сельцо большое, дворов шестнадцать будет. Видимо, все окрестные поселения тяготили к этому Васькино. И скорее всего в Васькино собирается оброк с окрестных деревень для его последующей отправки князю. То, что деревня княжеская, и так понятно.

Нападение на сельцо и приведение населения до потребной кондиции, то есть состояния покорного стада на привязи у собственной телеги, займет у разбойников час-полтора, максимум два. Потом они будут добро вытаскивать, искать схроны. Следовательно, часа два-три на грабеж у татар уйдет. Движение обратно будет замедленно, скорость телеги невелика. А это значит, что перехватим мы степняков как раз под вечер».

– Сенька! – окликнул Андрей старшего из братьев.

Парень что-то горячо обсуждал с младшими братьями, услышав голос Андрея, торопливо оглянулся на князя и направил коня в его сторону. Поравнявшись с князем, с ходу предложил:

– Князь, дозволю в дозор отправиться?

– Вот, верно малец говорит, а с ними пусть Митяй пойдет, – внес корректировку Лука.

– Отправляйтесь, – разрешил Андрей.

Лука приотстал, потолковал с обладателем шикарной рыжей бороды, видимо, это и был Митяй. Через минуту парни во главе с рыжебородым ускакали в дозор.

– Лука Фомич, думаю, брать татар нужно под утро. Пусть на ночлег встанут, а на рассвете мы их и возьмем, – предложил Андрей.

– Кони учуять могут, – озабоченно сказал новгородец. – Собачек-то я у них не видел, но кони похлеще собак сторожат. Если бог даст, то побьем татар. Ты вот что, боярин, скажи, зачем тебе дружина, если вотчины у тебя нет?

– Вы же, Лука, ушкуйники. Не спорь! Это видно сразу. По оружию вашему, да и что удальцам делать во владениях рязанского князя? Я вот только не пойму, где ваши кораблики?

– Так пожгли татарва, наверное, ушкуи, им оне не надобны. Мы на берегу на ночлег стали. На зорьке сон самый сладкий, сторожи задремали, и татарва их порезала по-тихому, они это умеют, и давай людишек хватать. Почитай, сонными всех и взяли. Атаман наш только с малым числом товарищей успел за сабельку взяться. Да куда там... Арканы накинули, повязали, а атамана стрелами побили.

– Пьяные что ли все были? – сделал предположение Андрей с ехидной улыбкой.

– Самую малость, – честно признался Лука.

– Ясно все с вами. Мед до добра не доводит, – Андрей криво усмехнулся и, собравшись с духом, ответил на вопрос Луки, внимательно следя за реакцией матерого ушкуйника. – А дружина мне потребна не для пригляда за смердами, сам понимаешь. Для дела моего нужны мне люди смелые, но молчаливые.

– Ну, коли так, то мы согласные, – широко улыбнулся Лука Фомич, опытный воин вполне удовлетворился ответом князя.

– Будет время, обсудим с тобой все ладом, Лука Фомич, – пообещал Андрей. – А пока передай мужикам, что татар до смерти бить не нужно. Человек с десятка мне нужны, в полон, желательно помоложе.

– Отроки или слуги?

– Что отроки? – опять не понял новгородца Андрей.

– Мужики – это бояре. А в дружине твоей отроки или слуги, – пояснил Лука и пообещал: – Будет тебе полон, барин.

– Вот и славно, – удовлетворился ответом Андрей.

– Только куда ты его девать будешь? – удивленно спросил Лука своего нанимателя и тут же поинтересовался дальнейшими планами князя: – Вот побьем мы татар, а дальше куда?

– Ушкуй покупать, – повернувшись, Андрей подмигнул опешившему Луке. – Негоже судовой рати моей болтаться на конях.

– Это верно, – согласился ватажник. – Нам на воде сподручнее, но не прав ты, княже, – на комонях мы тоже привычные.

На первый вопрос Андрей предпочел не отвечать, он сам не знал, зачем ему пленные татары, но убить безоружного пленного татарчонка он бы не смог, и Кузьме не позволил, уж было собиравшемуся перерезать глотку парню.

Андрей, несмотря на то что нанятые им воины были самыми настоящими разбойниками, был уверен, что его не ограбят, не убьют, и полностью доверял теперь уже своим людям. Его доверие воспринималось как должное, вроде бы иначе и быть не могло. Это могло бы показаться абсурдным, но само появление Андрея в прошлом с точки зрения науки – полный абсурд, и ни один здравомыслящий человек в этот факт не поверит. Однако все здравомыслящие люди остались далеко и скептиков, к счастью, рядом не наблюдалось, чему Андрей был искренне рад.

– Лука Фомич, а ты в Казани был? – неожиданно спросил он новгородца.

– Я, князь, много где бывал, был и в Казани. Ничего хорошего там сейчас нет. Нищета одна на сотню верст вокруг. А почто интересуешься?

– Да так, – неопределенно промолвил Андрей. – Ежели ты человек бывалый, то мне польза от тебя выйдет.

– Вона оно как, – ватажник усмехнулся в бороду. – Ты сам-то, князь, откуда будешь? – задал встречный вопрос Лука Фомич.

«Действительно, откуда я буду? Что может понять простой средневековый мужик о стране, которая будет через много сотен лет на этих вот самых местах? Не стоит говорить мужику правду», – молниеносно решил Андрей.

– Издалече, – он постарался увести разговор в сторону от опасной темы. Правду сказать – не поверят. Врать не хотелось. И так уже с три короба наплел про копьё святого Георгия.

– Ты вот что, Лука Фомич, – Андрей наконец решился заговорить о том, что его так мучило последние часы и не давало покоя. – Скажи отрокам, чтобы не болтали про мое оружие. То тайна великая. За разглашение смертью буду казнить, – вот в последнем Андрей не был уверен.

Кто его знает, имеет ли право князь казнить своего слугу, а ну как нет? И князь-то он князь, но признание простых мужиков не значит, что его признают элиты общества. Было над чем подумать, но информации катастрофически не хватало.

– И думать так не могли. Мы все миром решили уже блюсти тайну, визнают вороги – замучают. А с тобой, княже, мы такие дела провернем... Ты не думай – мы не шалапуги какие-нибудь, мы люди честные, промышляем татарами. Купца там возьмем или еще что... Право-

славных не трогаем, не озоруем. Чаю, Бог тебя нам послал. Из полона освободились да еще на службу ты нас взял.

– Как считаешь, в Рязани ушкуи или струги есть на продажу?

– Резань, а не Рязань, – поправил Андрея Лука.

– Угу. Так как? Есть?

– Смотря какой ушкой, ежели морской то вряд ли, а речной – можно. И не в Резани, а в Переяславле. Токмо смотреть нужно, боярин, кораблики бывают разные. Есть добротные сделанные ушкуи, а есть от силы год-другой проходят. Эх, жалко ушкуи наши, добрые корабли были. Мы с Хлынова шли. Атаман решил через тутошние земли сволочь кораблики на Дон, да видно не судьба.

Лука замолчал, видимо, мысли по судьбе товарищей легли на него тяжким грузом, разговор не поддерживал, отвечал на вопросы односложно – да, нет, не ведаю. Так и продолжали ехать молча, каждый думая о своем. Андрей, видя, что Лука не расположен к продолжению беседы, стал любоваться красотами природы.

Впереди показался лес, вплотную подступающий к берегу реки. Справа виднелась неширокая просека, уходящая сквозь дубраву в сторону холма, на вершине которого виднелись соломенная крыша деревянного строения, явно пошли места обжитые. Татары не стали жечь деревню, не желая оповещать окрестности о своем появлении.

– Мы тут за сеном ездим, там за дубравой сразу наша деревенька будет, – торопливо пояснил крутившийся рядом Семен. Все время в дороге братья старались держаться вблизи Андрея. И после того как Лука попридержал коня, оставляя Андрея одного, Семен сопровождал его, не отставая ни на шаг. – Мамку похоронить бы надо, – хмуро сказал парень, не глядя на Андрея.

Андрей скомандовал сворачивать к деревне. Лука был недоволен его решением, но смолчал, не стал перечить.

Деревня оказалась не совсем деревней. Всего один крестьянский двор, но очень большой. Во дворе, у высокого крыльца, там, где застала их злодейка смерть, лежали два окоченевших трупа: женщины и грудного младенца. Немолодую, но еще очень красивую женщину зарубили сабельным ударом, а ребенка убили с неимоверной жестокостью, ударив головой об бревно крыльца.

Маленький трупик с разможенной головкой не вызвал никаких эмоций у спутников Андрея, разве что перекрестились они мимоходом. Семен бросился к убитой матери, обнимая остывшее тело. По лицу парня текли скупые мужские слезы.

Ватажники тут же во дворе добротного дома быстро вырыли неглубокую могилу, уложили в нее тела убитых головой на запад и торопливо закидали сырой землей.

Андрей умом понимал, что ребенок все равно был обречен, даже если бы его не убили, а оставили в доме одного, то это верная смерть. Оставить его матери равносильно смерти. Ночи холодные – младенец не выживет. С точки зрения татарина, такая смерть ничем не лучше и не хуже любой другой смерти, младенца просто избавили от мучений. Вот только Андрей пока никак не мог принять такую циничную точку зрения на ценность человеческой жизни. Ну да не им сказано – со своим уставом в чужой монастырь не суйся. Зарубленную бабу жалко, видно, сгоряча ее порешили, когда она, обезумевшая от горя, бросилась на убийцу своего дитя.

Утрамбовав могильный холмик, Семен при помощи Фомы установил крест – две палки, связанные поперек кожаным ремешком.

– Пора, – Андрей старательно перекрестился двумя пальцами и двинулся к оставленным за воротами дома лошадям.

Тем временем начало смеркаться. Впереди показался одинокий всадник, несущийся галопом им навстречу. Всадником оказался Кузька, младший из братьев, посланный с вестью от Митяя.

– Татары! – издали закричал он, спеша оповестить господина об обнаруженных бесерменах. – Поприща четыре будет. Остановились на ночлег. Сотня и еще дюжина. Полон ведут большой. Больше, чем самих татар. Повозок много. Возницами у них наши православные сидят – васькинские.

Андрей остался внешне спокоен. Стыдно взрослому мужику выказывать страх, особенно перед пацанами, когда все полны решимости побить татар, даже Кузька, которому едва исполнилось шестнадцать зим, готов сражаться. Но один против четверых это безумство! Лука, видно, лукавил насчет того, что ватажники смогли ополовинить татар. В лучшем случае побили с десяток, да и только...

Отчего тогда Лука так рвется настигнуть татар? И еще странность обнаружилась в поведении ватажника: он лично осмотрел каждого убитого татарина, но, видимо, не нашел того, что тщательно искал. Что это могло бы быть?

– Лука! Вот скажи ты мне, зачем ты так рвешься напасть на татар? И что ты искал у убитых? Не нашел?

– Глазастый ты, князь, – ватажник криво усмехнулся, разом напрягшись. – Верно подметил. Искал я пояс атаманский. Богатый пояс, да что говорить – цены немалой он. Но цена его не в богатом украшении, а в том, что там зашито...

– Так, если там серебришко, то татары вмиг учуют. – Андрей не удержался от смешка.

– Да нет, – помотал головой новгородец. – Чертеж там. Зашит так искусно, что ни в жизнь не догадаешься. Мы же на Дон шли. Вот.

– Интересно было бы взглянуть на твой чертеж, Лука. Но даже если и пропал твой пояс, не печалься. Тайна пути мне известна.

У Луки от удивления глаза чуть не вылезли из орбит и челюсть отвисла почти до пуза.

– Рот-то прикрой, Лука Фомич, – съехидничал Андрей. – Ты вот скажи мне, как думаешь, татар брать будем? Пеше или конно?

– Мыслю я, подойти нужно скрытно. Скрасть сторожу ихнюю. Потом ударим. А пеше или конно – посмотреть нужно, как встала татарва на ночлег. Главное – не дать им уйти.

Оставив коней, Лука с Андреем скрытно подобрался к стоянке степняков. Те расположились с умом. С одной стороны их прикрывала река. С остальных сторон широкий луг. От леса до стоянки – чуть больше поприща.

Стрельцов, включая Андрея, у них было пятеро. Хорошие лучники всегда редкость, а Афоня – лучник от бога. Каким ветром его занесло на Вятку, то только ему ведомо. Но пришел он туда лет десять назад. Один. Поставил дом. Женился. Детишки родились, но все рухнуло в один из набегов луговых черемисов, в бездумной жестокости своей дававших татарам сто очков форы. Татары убивали только тех, кто оказывал сопротивление, для татар русские – что скот, который с выгодой можно продать, а вот черемисы – те резали всех подряд. Русские им отвечали не меньшей жестокостью. Афанасий служил тогда в сторожевой сотне и был отправлен воеводой сопровождать обоз, что шел за солью. Когда Афоня вернулся, на месте дома нашел пепелище и общую могилу, в которой чохом похоронили всех убитых в том набеге селян.

С горя Афоня надерзил воеводе и был прогнан из сотни. Прибился тогда горемычный к ватажке ушкуйников, а те только рады занять настоящего воя, да еще к тому же отменного лучника. Сами ватажники больше самострелами баловались.

Стрельцы расчехлили тохтуи, вынимая тугие луки. Семен после похорон матери вынул из схрона три саадака. Только сейчас Андрей смог рассмотреть луки братьев. А посмотреть было на что. Луки-то не охотничьи. Настоящие, боевые луки. Цены немалой. Отец на меч взял, не иначе. Купить такие – целое состояние нужно, но не продал трофеи старый воин. По всему виду, готовил себе смену бывший княжий дружинник.

Андрей расчехлил свой спортивный лук. Стрелы – продукт современных технологий. К слову сказать, на окружающих лук Андрея не произвел впечатления. Лишь Афанасий молча-

ливо устал, словно вопрошал, а как же копье святого Егория? Вот такое незамысловатое название ватажники дали оружию Андрея.

– Силы равны. Справимся и так, – буркнул Андрей и поспешил поменять тему. – Ну, кто что думает, как будем промышлять татар?

– Мыслью я, на рогатину их брать надо. Сила малая пусть обойдет с низовьев и ударит пехе. Татары же на стрельцов отвлекутся, пехи тем временем незаметно подберутся к врагу. А вы стрелами нас прикроете со стороны леса, – внес предложение Лука, как самый старший среди собравшихся на совет.

Остальные вои молчали. Афоня только предложил сначала снять дозорных, а потом уже нападать. Все с ним согласилось.

– Ну, раз так. Быть посему, – принял решение Андрей. – Снимаем дозорных и сразу атакуем. Как рассветать начнет, так сразу и начнем.

Договорившись о сигналах, стали расходиться. Меньше дюжины новгородцев во главе с Кузьмой растворились во мраке леса, они должны обойти лагерь и отсечь бесермен от лошадей. Андрей со стрельцами скрытно выдвинулся на позицию. Время тянулось крайне медленно. Так всегда бывает в минуты ожидания. Лагерь степняков медленно засыпал. Лишь в стороне от костра двое молодых татар утоляли похоть, насилуя несчастных пленниц.

Остальные полоняники, согнанные в одну кучу, жались друг к другу. Весной ночи холодные. На многих из них лишь рубахи и штаны. У некоторых и того не было.

Лошадей татары отпустили на выпас, и пешая рать в первую очередь должна была отрезать татар от коней. Лагерь степняков огражден возами, поставленными полукругом. Большинство бесермен вповалку улеглись спать прямо у костров. Про сторожу татары не забыли, выставили пяток человек. Для стрельцов удачей стало то, что все они сидели у костров. В свете яркого отблеска огней отчетливо видны силуэты дремавшей сторожи.

– Пора, – очнулся от своих размышлений Андрей.

Совсем рядом раздался крик ночной птицы: это Кузька подавал условный сигнал. Дозорные татары испуганно вскочили, пристально всматриваясь в чащу леса. Андрей плавно навел наконечник стрелы на цель – вскочившего на ноги татарина, натянул тетиву до уха, не отрывая глаз от цели, и плавно спустил тетиву, когда наконечник стрелы коснулся большого пальца левой руки. Стрела ушла с легким шелестом, вошла точно в низ живота татарина по самое оперение. Андрей сделал поправку в прицеливании, используя в качестве прицела уже мизинец левой руки – вторая стрела вошла точно в основание черепа бегущего к лошадям степняка.

Следующая стрела, Андрей мог поклясться, отскочила от груди татарина, но степняк, опрокинутый силой удара, смог-таки подняться на ноги. Андрей пустил еще одну стрелу, целя уже чуть выше макушки шелома.

Татарин легко отмахнулся от летящей в него стрелы, но снова свалился, еще одна стрелка ударила его по остроконечному шелому. Непонятно, то ли убит, то ли оглушен, да и бог с ним, главное, что сейчас он не боец.

От громкого топота несшихся галопом верховых новгородцев табор всполошился, пронзительно завывали пленные русские бабы. Стрелы падали и выкашивали мечущихся по табору людей. Сколько татар они побили стрелами, Андрей затруднялся сказать, но уверен, что только от его стрел погибли не менее семи степняков. Те из татар, кому удалось вырваться из табора и добежать до табуна, были встречены новгородцами, отсекавшими татар от лошадей. Сабля хороша в конном бою, да еще когда татар больше, а парировать сабелькой удар топора – гиблое дело. На стороне новгородцев внезапность, но татар больше, и, судя по звенящему железу, там разгорелась нешуточная битва.

С конницей вот вышла осечка. Часть татарских воев успела изготовить луки, и стрелки успели ссадить с коней восьмерых новгородцев, и те распластались на земле, не подавая признаков жизни. Ватажники, кому повезло доскакать до телег, взяли татар в пики и, побросав уже

беспольные копы, споро прыгали с коней на возы, с громким криком врубаясь в поредевшие ряды татар.

Всё это за мгновение промелькнуло перед взором Андрея, и он, в азарте бросив лук на землю и обнажив саблю, бегом помчался к лагерю. Рядом, бряцая доспехами, бежали братья. Преодолев половину расстояния до лагеря, они разом остановились, и князь услышал, как вновь басовито запели тетивы луков.

Андрей рванул вперед, резко ускоряясь, с силой оттолкнувшись от земли, на ходу запрыгнул на телегу. Замешкался, пытаясь удержать равновесие, и словил стрелу в грудь. Давно забытые ощущения детства: словно играя в хоккей, получил шайбой в грудь. Дыхание сперло разом. Зерцало выдержало удар тяжелой татарской бронебойной стрелы. Делали доски на заводе частным порядком, из титана, и мастер-умелец клятвенно заверил Андрея, что если бы такие брони были у наших пращуров, то стоили бы они на вес золота. А так с виду доспех ничем не отличался от того образца на фотографии, который Андрей представил в качестве прототипа. Стрела отскочила с противным звоном.

Восстановив дыхание, Андрей окинул взором поле боя. Ситуация складывалась явно не в пользу ушкунников. Потеряв еще двоих при штурме телег, они теперь уже сами отбивались от наседавших татар, теснивших их к берегу реки. Что происходило на правом фланге, Андрей не совсем понял. Там вовсю звенело железо, раздавались яростные вопли и визги, но новгородцы еще держались.

Прыгая с телеги, Андрей на лету махнул саблей под венец мисюрской шапки⁹, разрубая кольчужную бармицу, защищавшую шею и плечи воина, и голова татарского лучника вместе с кистью правой руки упали на землю. Из обрубка шеи фонтаном хлынула кровь, заливая ярко-желтый халат степняка.

Выброс адреналина сыграл с Андреем злую шутку. Впервые в жизни здесь и сейчас он почувствовал азарт настоящей схватки, реальная опасность быть зарубленным в сече приятно щекотала нервы и доставляла райское наслаждение. Это не норма. Это патология, но нормальных тут нет, не среди русских, не среди татар. Нормальные дома сидят, на диване, пиво пьют и футбол по телеку смотрят. Такие вот дела.

Ноги гулко соприкоснулись с землей, по инерции Андрей сделал еще шаг, другой, и тяжесть доспеха увлекла его вниз, он потерял равновесие и упал, перекатом уходя от удара сабли тут же наскочившего на него татарина. Извернувшись, саблей полоснул по ноге. Удар оказался недостаточно сильным, металлическая пластина поножей остановила клинок князя.

Мозг Андрея фиксировал малейшие оттенки различных запахов, витавших над берегом, но самыми сильными и устойчивыми оказались запахи человеческого говна, пота и пролитой крови.

Снова звериным чутьём почуяв опасность, Андрей бросился вперед, падая на колени, под ноги широко замахнувшегося саблей татарина и со всей силы снизу вверх умудрился всадить выхваченный нож в подзор короткой байданы¹⁰ татарина. Пронзительный визг степняка плавно перешел в жалобный вой, татарин выпустил из руки саблю и схватился за рану, откуда сильными толчками хлестала алая кровь.

Андрей поднялся на ноги, рукавом кафтана обтер теплую и соленую на вкус чужую кровь, залившую его лицо, и резко пнул согнувшегося в коленях татарина. Перескочил через упавшего, рубанул по спине подвернувшегося под руку степняка в фиалковом халате. Железные пластины, часто нашитые на внешней стороне халата, брызнули во все стороны. Степняк широко взмахнул руками и упал.

⁹ Мисюрка – железная шапка с бармицей. Мисюрки были двух видов: прилбицы и наплешники.

¹⁰ Байдана – разновидность кольчатого доспеха в виде рубахи длиной до колен, с рукавами до локтей и ниже. От собственно кольчуги она отличается лишь размерами и формой своих колец. Основное предназначение байданы – защита от скользящих ударов сабли.

Тяжело дыша, Андрей осмотрелся. Из пятерки ушкуйников в живых остались трое новгородцев в длинных, до колен, кольчугах, и сейчас они добивали последнего татарина в ярко-желтой кожаной кирасе, украшенной причудливым орнаментом в виде виноградной лозы. Мужики, ободренные помощью Андрея, яростно размахивали топорами, и один из ударов достал-таки татарина в ногу. Упав на колено, тот отчаянно подставил саблю под удар топора. Бердыш новгородца со страшной силой обрушился на клинок, ломая саблю и проламывая голову степняка в остроконечном шеломе. Ушкуйники не раздумывая бросились к противоположному концу табора, где все еще кипел бой. Там Кузьма, помогая себе отборным матом, орудовал огромной двуручной секирой, отбиваясь сразу от двух степняков, пытавшихся зарубить страшного уруса.

Андрей перешагнул через тела мертвых татар со спущенными до колен шароварами, заправленными в ичиги. Братья насилия над односельчанками не простили, побили насильников стрелами. Одна из молодых, привязанная за руки к колесу телеги, испуганно съежилась, пытаясь, насколько можно, спрятаться под телегой, вторая молодуха истекала кровью, кто-то из татар со злости полоснул саблей по ее белоснежным девичьим ягодицам.

Справа раздался характерный предсмертный вскрик, это кто-то из стрельцов снял татарского стрелка, взбравшегося на телегу. Бой был почти закончен, набежавшие на подмогу ушкуйники оглушили оставшихся татар и принялись вязать полоняников.

– Вот бесермены проклятые, – Лука Фомич, прихрамывая на раненую ногу, неспешно подошел к Андрею. Левая штанина зеленых портов вся в крови ниже колена, нога ватажника перетянута обрезком веревки. – Пятерых посекали до смерти. Еще дюжина раненых: Микитка не жилец, остальные, как бог даст... Рябому длань отсекали начисто.

Лука закончил лаконичный доклад и кряхтя уселся на стеганый халат, валявшийся у костра. Достал льняную тряпицу, стал разрезать ножом штанину, обнажая резаную рану. Андрей стал помогать Луке с перевязкой.

– Полоняников пока не выпускай на волю. Так с десятков мужиков освободи, пусть уберут тут... – Андрей окинул взглядом татарский лагерь.

Повсюду валялись перевернутые котлы, туюски, втоптанные в землю татарские халаты, какие-то мешки и узлы с тряпками, оружие и нехитрый крестьянский скарб, вывалившийся из перевернутой телеги.

– Наших раненых к костру снесите. Да, и холстину постелите, прежде чем класть раненых на землю. Еще кипятка нужен, – Андрей, преодолевая боль в груди, поднялся с земли.

– Ты никак ранен, княже? Сымай бронь – посмотрим, что там у тебя...

Выглядел Лука донельзя встревоженным, и, забыв о своих ранах, бойко вскочил, тихо охнув от боли, но твердым шагом решительно направился к Андрею.

– Пустяки, пройдет. Стрелу поймал, но бронь спасла, – беззаботно ответил князь, махнув рукой. – Давай живее несите раненых сюда. Да, вот что еще, как там с нашим уговором?

Лука под пристальным взглядом Андрея поёжился. Засопел и выпалил:

– Ты прости, князь. Только четверых взяли. Сам понимаешь, дело такое... не уследишь, да и не ожидал я, что татары смогут отпор дать. Погоди, я сказал не добивать раненых, среди них с пару десятков точно наберется, кто выживет.

– Пленных связать и стеречь крепко, – отдал распоряжение Андрей. – Пусть Кузьма поспрашивает, нет ли в округе еще татар. А ну как еще шастают? Дозорных не забудь выставить.

– Так уже. Мальцов твоих и поставил в дозор, опосля сменим их, – Лука Фомич уже успел отдать необходимые распоряжения.

Андрей направился было за лошадьё, но кто-то из ушкуйников уже успел привести лошадей и привязать их к телегам. Андрей достал из сумки аптечку, приступил к осмотру раненых, своих и чужих, не делая разницы.

Татары успели-таки натянуть тетивы на луки, и многие ватажники ранены стрелами, но были также узкие и глубокие колотые раны от удара ножом, резанные раны и несколько сломанных рук. Пока Андрей занимался выниманием наконечников стрел из тел и обработкой ран, пока накладывал швы и складывал сломанные руки, Кузьма добела накалил широкий топор на огне и прижег культю Рябому, жаром закупоривая сосуды. Новгородец от дикой боли пришел в сознание, вопя во все горло и пытаясь вырваться. Ватажник ткнул Рябого по темечку, раненый сразу же обмяк, теряя сознание, и повис на руках державших его товарищей. Бережно уложив бесчувственного ватажника на холстину, ушкуйники оставили его на попечение Кузьмы, а сами отправились собирать трофейные брони и оружие. Кузьма наложил на обрубок руки целебную мазь, бережно замотал культю в чистую тряпицу.

Потом он достал засапожник, протянул нож Андрею, указывая на лежащего на холстине Микитку. Ушкуйник получил немало ран в сече, но самая страшная – рана на животе. Татарская сабля вспорола кольца кольчужки, рассекая живот новгородца. Сквозь прореху в кольчуге видны кишки вперемешку с осколками железного плетения кольчуги. Левая нога рассечена до кости чуть выше колена. Нет. Парень не жилец. Микитка, плотно сбитый крепыш с окладистой русой бородой и светло-соломенными волосами, тяжело дышал, ожидая смерти.

– Добей, – тихо сказал Кузьма.

– Я? – сказать, что Андрей удивился, значит, ничего не сказать.

На его лице отразилась вся гамма чувств.

– А то кто же? – Кузьма настойчиво протягивал ножик Андрею. – Отпусти с богом, видишь, токмо мучается Микитка.

– Но почему я? – слабо запротестовал Андрей, нехотя принимая нож из рук Кузьмы.

– Мы теперь тебе служим, значит, отпускать своего человека – ты должен. Детишкам помощь оказать еще нужно будет, – Кузьма выложил нехитрую истину.

– Ты, Микитушка не сомневайся, сирот не оставим, ты знаешь, – пообещал Кузьма умирающему.

Микитка в ответ слабо кивнул головой попытавшись улыбнуться. Парень сам откинул голову назад, глядя на небо широко открытыми глазами, подставляя горло для удара. Андрей встал на колени перед раненым, резким движением перерезал горло умирающему. Твердой рукой закрыл глаза убитому. С трудом поднялся на ноги, с ужасом глядя на мертвеца.

Еще дважды Андрей повторял процедуру отпуска раненых. И каждый раз недрогнувшей рукой. Но что у него творилось в душе! Господи! Власть над людьми требовала жертв, но Андрей и помыслить не мог, каких именно жертв! Господи! Зачем ему нужна такая власть?

Пока Андрей врачевал, новгородцы совместно с отполоненными мужиками обустроили лагерь. Убитые лежали чуть в сторонке. Немолодой уже, кучерявый новгородец с длинной растрепанной бородой со смешным именем Анфал шил мешки из холстины. Часть покойников уже обряжена в эти самые мешки. Невдалеке крестьяне рыли общую могилу для убитых ушкуйников.

Кузьма было сунулся врачевать остальных раненых, но был остановлен Андреем. Оказалось, что Кузьма – лекарь ватажки и лишь по совместительству пыточных дел мастер. Вот так-то, не только калечить, но и излечить хворых и раненых мог новгородец. Закончив с ранеными, Андрей сложил инструмент в чемоданчик и убрал его в мешок.

– Знатный у тебя, княже, инструмент, – Кузьма внимательно наблюдал за действиями Андрея, когда тот оказывал врачебную помощь.

Новгородец сидел задумавшись, перебирая в руках обломок татарской стрелы, вынутый из тела раненого ушкуйника.

– Знатный, не знатный, а жить будут. Если бог даст. Тут главное покой, а где тут покой на телегах... Растрясем ведь...

– Да ничё. Татарская сабля, ежели уж сечет, то насмерть, а если сразу не умер, то дай бог, выкарабкаются, – в голосе Кузьмы было столько убежденности в благополучном исходе, и эта его уверенность неожиданно передалась Андрею.

– Ну, раз так, то эти порезы до свадьбы заживут.

– Хех... Чудно говоришь. Ты никак жениться удумал? – спросил Кузьма.

– Сам ты жених, Кузьма, – Андрей в сердцах сплюнул. – Поговорка такая есть в наших землях. Это означает, что все раны заживут до их свадьбы.

Усталость давила на плечи, потому Андрей, закончив с ранеными, проверил стражу и завалился спать, завернувшись в старую медвежью шкуру, валявшуюся у костра.

Разбудил его громкий шум. Солнце давно уже перевалило за полдень. Андрей заставил себя встать, разминая затекшие конечности, потом спустился к реке и умылся. Холодная водичка принесла облегчение. Андрей сразу же почувствовал себя намного лучше. Со стороны лагеря продолжали доноситься звонкие голоса, далеко разносившиеся над рекой.

«Они там с ума посходили все? – с раздражением подумал он. – Нас издалека обнаружить можно, накличут татарву как пить дать».

Перед взором Андрея предстала живописная картинка. Лука, выполняя волю хозяина, не освободил полон. Вернее, освободил частично. Мужиков с десятков и пару-тройку баб для хозяйственных нужд. Остальные сидели все еще привязанные к своим телегам. Вот бабы пронзительным визгом и выражали свой протест. Громче всех выступала необъятная тридцатилетняя бабенка под два метра ростом. Марфа звонким голосом обещала согнуть всех ватажников и лично их хозяина в бараний рог, если сейчас же не отпустят всех сельчан. Рядом с ней, едва доставая расшумевшейся бабе до сисек, стоял ее мужик – сельский староста. Он не отставал от своей жены, вопя что-то про жалобу князю.

– А ну тихо всем! – Андрей почувствовал злость, прежде всего на себя. Он шумно перевел дух и пообещал: – Сейчас вас освободят. До села вашего мы вас проводим. Зерно, коней, скотину вашу и всякий скарб мы вам возвращаем. Но часть телег мы заберём, как и часть продуктов. Нам раненых везти нужно, путь нам еще долгий предстоит. Взамен дадим вам, – тут Андрей замешкался, припоминая услышанное от Луки слово, – хзу¹¹ всю, вам сгодится в хозяйстве, а нет, так продадите на торгу.

Не мешкая ушкуйники бросились перерезать веревки. Крестьяне шумно загалдели, выражая благодарность. Андрей поправил кашель на поясе, в котором весело позвякивали десятков серебряных монет с арабскими надписями, найденных у татар. Сел в седло маленькой степной лошадки, пустив ее шагом.

Ватажники провожали Андрея хмурыми взглядами. Еще сразу после боя Андрей запретил употреблять хмельное, видя, что самые нетерпеливые уже откуда-то вытащили бурдюк и попытались надраться в стельку. Тогда Андрей от души строго-настрого запретил употреблять хмельное, напомнив ушкуйникам, что они теперь не вольная ватажка, а слуги вольные на службе князя. Чем их сильно удивил. Они-то другое думали. Перспектива сухого закона вызвала нешуточный ропот среди ватажников, но в дело были пущены железные аргументы в виде пудовых кулаков Кузьмы и Луки Фомича. Потирая намятые бока, ратники признали правомочность требований князя и сочли, что полученных аргументов в доказательство правоты господина вполне достаточно, и быстренько занялись насущными делами под руководством Луки.

Андрей улыбнулся, вспоминая этот случай. «Вольница Новгородская, – думал Андрей. – Над дисциплиной работать и работать еще. Ни тебе почтения должного, ни почитания. Стоп. Да я уже думать начал как заправский боярин! Вот что значит искушение властью! Только вот

¹¹ Хза – кожа.

власть здесь непросто получить, вернее, получить-то совсем просто, а вот удержать ее – тут потрудиться придется, и немало».

Андрей интуитивно понял секрет обладания властью. Власть зиждилась на том, насколько хорошо ты заботаешься о своих людях. Если будешь думать только о себе и о своей выгоде, не успеешь оглянуться, как останешься один, то есть и без власти.

Вернулся Андрей в лагерь поздно. Поужинал жареной кониной. Ухмыльнулся про себя, вот еще один миф развенчан, на Руси конину ели, только за ушами трещало. В схватке с татарами потеряли много лошадей, и потому мяса было вдоволь. Ржаной хлеб тоже нашелся. Местный хлеб представлял собой огромную ковригу. На вкус Андрея, ржаной хлеб малоприятен и к тому же черствый, но голод не тетка. Он уплетал черствый хлеб за обе щеки, отрезая ножом тонкие куски вареного мяса и кладя их на отрезанный хлебный ломоть, посыпал смесью соли с перцем и запивал все это кипятком.

Рядом с Андреем сидели ратники вперемешку с крестьянскими бабенками. Среди освобожденных из полона много вдовушек, и теперь они обхаживали заматерелых ушкуйников, отрезая и накладывая им на хлеб лучшие куски мяса. По быстрым взглядам, которые женщины бросали на своих спасителей, можно было предположить, что женская благодарность этим не ограничится.

Первым уединились Митяй с симпатичной обладательницей шикарной русой косы длиною до щиколоток и толщиной в руку, на вид молодежи лет двадцать, но одета она во все темное: черный платок на голове и темный сарафан. Андрей уже слышал ее историю: баба два года как вдовая, муж ее погиб во время прошлого набега татар.

Тогда, в теплый весенний день, когда неожиданно из-за леса появились татарские всадники, крестьянская семья как раз остановилась чутко передохнуть от вспашки земли. Муж быстро обнял жену, сунул малолетнее дите в руки молодой супружницы, в последний раз посмотрел на родных ему людей, перекрестил, толкнул жену в лес, спокойным голосом наказав бежать к загодя приготовленному схрону. Сам же, троекратно перекрестившись, взял в руки топор и, мысленно вознося молитву Богу, твердым шагом пошел навстречу несущимся галопом татарам.

Ловко уклонившись от брошенных арканов, он смело принял бой. Даже смог спешить одного степняка, подрубив татарской лошади передние ноги. Но тут веревочная петля аркана упала на его могучие плечи, сильный толчок опрокинул на сырую землю. Хозяин покалеченной лошади в отместку казнил мужика лютой смертью, рязанца разорвали лошадьми.

Бог внял молитве рязанского мужика, когда степняки бросились в лес искать бабу с дитем, то, несмотря на долгие поиски, так и не смогли их найти. Она успела добежать до схрона, спрятавшись там, от страха просидев в земляной яме почти двое суток.

После плотного ужина Лука ушел проверять сторожевые посты. К дозору привлекли местных мужиков – воев мало, и Лука всерьез опасался, что непривычные к ратной службе мужики, которых по необходимости привлекли к дозору, могут задремать. Но все обошлось, крестьяне справно несли службу, охраняя покой табора.

Ближе к ночи на горизонте показалась вереница телег. Андрей с Лукой вышли навстречу неспешнодвигающемуся обозу.

На передней телеге сидел безразличный к окружающему миру отец братьев Демьян в окружении женской половины. Рядом с телегой бодро вышагивал коренастый мужичок-боро-вичок в добротной суконной однорядке¹², застегнутой вместо пуговиц и петлиц на шелковые завязки, с привешенными к ним кистями с ворворками¹³. На голове мужичка довольно смешной высокий шерстяной колпак. Широкие суконные штаны заправлены в настоящие кожаные

¹² Однорядка – верхняя широкая, долгополая одежда, без воротника, с длинными рукавами.

¹³ Ворворка – шарик на шнурке или тесьме над чашечкой, в которой скреплены пряди кисти.

сапоги с тиснением. За мужиком, еле поспевая за телегой, семенил русоволосый пацан лет пятнадцати в стареньком темно-зеленом кафтане до колен. Точнее возраст парня Андрей определить не мог. Он с братьями-то лопухнулся. Думал, Семену лет пятнадцать от силы, а в действительности оказалось все восемнадцать.

Из всех виденных за последние дни мужиков лишь Кузьма с Лукой да Афоня-стрелец выделялись богатырским телосложением. Остальные все как один – мелкие, невысокого роста и сухощавые все, что ли.

Отец братьев, Демьян, как понял Андрей из пояснений Федьки, после службы у князя поселился в деревне у сестры, а вот и она самая – Феклой зовут, а этот мужичок в сапогах, на которые устался Андрей, значит, ейный муж. Спиридон – мужик справный. А девицы в телеге – это Федькины двоюродные сестры: Прасковья и Катерина, они взрослые и уже на выданье. А тот пацан, что за телегой бежал, – ихний брат. В заключение Федька выдал главное: Спиридон, наслушавшись об удаче боярина Андрея и о поступлении на службу к боярину братичадов жены, решил податься со всем семейством к боярину. В надежде, что тот его примет вместе с семейством в слуги вольные. Да и с уходом троих взрослых племянников не поднять было Спиридону пашню, рабочих рук осталось всего ничего. Отец братьев, после смерти любимой жены и дочери, все еще не в себе, и неизвестно, когда оклемается.

В заключение Федькиных слов Спиридон степенно поклонился до самой земли и попросил принять его вместе с семейством хоть в челядники для начала.

«Эк меня угораздило-то, – Андрей откровенно растерялся от такого поворота событий. – Толком еще не обосновался, а уже людишками обрастаю. Дружина у меня уже есть, оружия полные возы, коней табун целый, теперь еще челядники для полного счастья. С другой стороны, не вечно же всухомятку жрать, да и постирать одежонку пора уже, да мало ли что еще потребуется сделать. Решено – беру».

– Ты не думай, боярин, мы люди вольные, – поспешил заверить господина Спиридон, видя замешательство Андрея. – За нами долга нет перед князем. Оброк выплачен весь сполна, без остатка. Вольны мы уйти с земли княжеской, – мужик в надежде смотрел на боярина, ожидая ответа.

– Ну, раз так, то согласен, – объявил свое решение Андрей. – Устраивайтесь на ночлег. Утром с восходом выступаем.

– Благодарствую, боярин, – Спиридон опять низко поклонился, до самой земли.

– Боярин! Татарчонка твоего куда девать? – весело скалясь, спросил Федька, выталкивая с телеги связанного по рукам и ногам татарина.

– К остальным пленным отведи да покорми его. Заодно и про остальных не забудь, – ответил Андрей, вспомнив о пленных татарах, с ними нужно было что-то делать.

Сам не зная зачем, он отдал приказ захватить нескольких татар в плен. Понимая, что это враги и что они убивали, грабили, насильничали на родной земле, Андрей не мог просто так, за здорово живешь отдать приказ убить пленных. Так и не найдя ответа на этот вопрос, Андрей плюнул на копание в себе и стал расспрашивать Федьку, не говорил ли он с татарчонком по дороге.

– А как ни то... Он все больше молчал сперва, но потом говорить начал, – Федька не заставил себя ждать с ответом и весело продолжил: – Он сын сотника по-нашему. Там заматня у них была, и на их кочевье напали, людишек побили, бек ихний погиб, а они сумели уйти, потеряв все имущество, женщин, скот. Вот и набежали пограбить да жен себе взять удумали из наших баб. Да не вышло у них. Почитай от всего кочевья только эти в живых и остались.

– Вот оно как, – покачал головой князь. – Значит, от безысходности к нам пришли. А куда откочевать собирались? – полюбопытствовал Андрей.

Не то чтобы ему было интересно, но лишней информация не бывает.

– Да кто их знает, может, сами еще не знали, куда путь держать станут, – Федька махнул рукой и снова принялся помогать дядьке устраиваться на ночлег.

– Покормить пленных не забудь, – еще раз напомнил парню о полоне Андрей.

Утром, наскоро позавтракав, тронулись в путь. Лука выставил охранение, новгородец опасался татар, хоть и побили они бесермен, но мало ли бродит по Русской земле степных разбойников? Со слов пленных, после вдумчивой беседы с ними Кузьмы, узнали, что татарский бек прогневал оглана¹⁴ и был бит им. Повезло вырваться немногим, но все же лучшая сотня татар смогла уйти от погони, побросав пожитки, скот, женщин. Все это добро досталось победителям.

От голодухи и пошли они в набег на Рязанские земли, да какой это набег, так пограбили малость, далеко не заходили. Русский князь такие малочисленные шайки грабителей отлавливал и уничтожал, и все три великих хана Орды смотрели на это сквозь пальцы. Такие мелкие набеги случались ежегодно, летом и зимой. Дело привычное.

Телеги бойко скакали на прошлогодних травяных кочках. Андрей несколько раз подъезжал справиться о здоровье раненых, опасаясь, что по дороге их сильно растрясет. Но пока – тьфу, тьфу – все обходилось. Лишь один раненый впал в забытие и метался в горячке.

Ехали не торопясь, осторожно. На следующий день дозорные заметили ушкуй, одиноко стоявший на мелководье разлившейся реки.

Среди ватажников раздался шум. Люди громко кричали и бурно выражали свою радость. Лука коротко скомандовал, двое мужиков рванули вперед, пуская коней в холодную воду, ловко взобрались на борт и сноровисто установили весла в уключины, сели на весла, и корабль отчалил от берега.

Глаза Луки светились радостью.

– Ушкуй-то наш! Не пожгли его бесермены. Вестимо, бросили они его, вот его течением и унесло, хорошо хоть недалече! – обрадовался Лука Фомич, радостно потирая руки.

– Тогда приведи его в порядок, – принял решение Андрей. – Дальше по реке пойдем. Раненых растрясло в телегах. Да и по воде быстрее доберемся до города. Скоро уже деревня будет, как она там зовется?

– Васькино. То сельцо будет, а не деревенька, – уточнил ехавший рядом Кузьма.

– А есть разнища? – спросил Андрей.

– Так церквушка же у них есть, значит, сельцо, – вопрос господина опять удивил мужиков, не зная простые вещи – это из ряда вон.

Постепенно мужики привыкали к вопросам своего нового господина, но нет-нет да и удивлялись незнанию князя элементарных вещей.

¹⁴ *Оглан* (тюрк.) – букв. «сын», титул членов рода Чингисхана, не занимавших ханского престола; встречается в текстах конца XIV и XV вв.; по-персидски переводится «шахзаде» – царевич.

Глава 4. Васькино

По прибытии в селение их радостно встретили жители, которые успели убежать в лес от татар. Увидав возвращающихся сельчан, они гурьбой высыпали из леса и бойко бежали навстречу уже оплаканным родным и близким. Слезы радости блестели на глазах матерей, обнимающих своих детей. Мужики украдкой смахивали набежавшую слезу, обнимая своих жен. На удивление, в этом селе татары никого не убили.

Сельский староста, которого все звали просто – Тит, выделил Андрею пустующий отдельный дом. Фекла с дочерьми выгнала Андрея вместе с мужиками во двор и, вооружившись вениками, тряпками, скребками, объявила войну запустению. Через два часа изба сияла чистотой, полы набело выскоблены, печь затоплена по-черному, дымом продезинфицировали избу от присутствия всякой кусачей и кровососущей живности. Остальных ватажников расположили по соседству, в таких же неказистых избенках.

Андрей первым делом занялся размещением раненых. Состояние многих из них вызывало опасение, температура поднялась почти у половины. Несколько человек находились без сознания. Осмотрев раны и сделав перевязки, Андрей не отказался от помощи хозяйки избенки, старой бабки Аграфены. Та, пошептавшись с Кузьмой, заставила ватажника снять пучки трав, развешенных под крышей избы, аккуратно разложила высушенные травы на столе. Отобрав нужные, выскочила за порог, а там уже Кузьма развел огонь в очаге и грел воду в железном котелке.

Оставив раненых на попечении старой Аграфены и Кузьмы, превратившегося в настоящую няньку для пораненных, чему Андрей был несказанно удивлен, князь отправился на поиски Луки Фомича.

Новгородца он нашел на реке, придиричливо осматривающего кораблик и громко высказывающего, что он думает о татарах и раззявах ватажниках. Эти самые раззявы шустро бегали, наводя порядок на корабле. Приметив подходившего Андрея, Лука неторопливо сошел с кораблика, встречая своего господина на берегу.

– Трофеи сегодня смотреть будем или с утра? – Лука, как говорится, взял быка за рога.

Телеги с поклажей стояли во дворе дома, где расположился на постой Андрей. Ему и самому не терпелось посмотреть, что конкретно им досталось в качестве трофеев, но он переборол себя, решив соблюсти лицо.

– Утром, Лука Фомич, – Андрей с любопытством разглядывал ушкуй. Кораблик не впечатлял размерами. «И на этих кораблях они умудряются не только плавать по рекам, но и выходят в море», – думал Андрей, поражаясь отваге мореходов.

Ушкой по своей конструкции напоминал струги донских казаков, однажды виденные Андреем на картинках. Видимо, струг и был прототипом ушкуя, или наоборот? Да какая разница? Главное, у них есть корабль!

Фантазия разыгралась не на шутку. Мысленно Андрей представил себя стоящим на палубе ушкуя, идущего на abordаж неприятельской ладьи. И то, что ладья купеческая, нисколько его не смущало, ведь не хлеб же выращивать он сюда пришел. Жажда приключений лежала в основе его решения уйти в прошлое, и, что немаловажно, ему до чертиков надоели либеральные ценности сгнившего на корню капитализма. Надоела избирательность законов, надоели двойные нормы морали, когда одним позволялось все, а другие должны были гнуть спину, чтобы чиновник-ворюга мог позволить себе еще один дом на Канарах.

Андрей вздрогнул от нахлынувших воспоминаний из прошлой жизни. Тряхнул головой и продолжил разглядывать ушкуй. В длину кораблик имел около пятнадцати метров, в ширину почти три метра. Палубы только на носу и на корме, оснащен ушкой косым парусом, исчезновение которого как раз и выводило Луку из себя. Отсутствовала также часть весел. Но это

дело легко поправить, Лука отрядил парочку плотников рубить древесину для изготовления недостающих вёсел.

Удовлетворившись осмотром корабля, Андрей решил отправиться на боковую. Тело от долгой езды на лошади с непривычки ныло. Что ни говори, а надо иметь привычку к верховой езде, а последние пять лет Андрей коней видел только на экране телевизора.

Андрей отказался от горячей еды, приготовленной заботливой Феклой, сразу же завалялся на широкую лавку спать. Клопы ночью не кусали, сны ему не снились, а если и снились, то, проснувшись, он не смог их вспомнить.

На столе стоял нехитрый завтрак, Андрей вышел во двор, направившись к колодцу, замечая, что народу во дворе никого нет. Оглядываясь по сторонам, Андрей искал туалет. Ничего похожего на него он так и не нашел, выход из положения нашелся быстро, недалеко от Андрея зиял вход в покосившийся сарай, вот туда Андрей и направился. Судя по запаху, он не первый заглянул в сарай с определенной целью. Справив нужду, побрел к колодцу, набрал в деревянное ведро колодезной водички, тщательно умылся и вернулся в дом завтракать. На завтрак Фекла приготовила вчерашнюю кашу с мясом, испекла огромный пирог, опять же с мясом, и раздобыла молока у деревенских.

После плотного завтрака Андрей отправился осматривать деревеньку.

Со стороны реки она была не особо заметна, но располагались дома на приличном расстоянии от реки, на высоком пригорке, хаотично вытянувшись вдоль берега реки. Станным показалась то, что Андрей не нашел ничего похожего на русскую баню. Все избы похожи друг на друга. Несколько домов имели явно нежилой вид – пустовали. Еще с вечера Андрей узнал, что это результат набега татар двухлетней давности. Население так и не восстановилось в деревне после татарского набега. Желających поселиться рядом с татарами не находилось, какими бы льготами рязанский князь ни приманивал крестьян. Единственная улица пустовала, ни кур, ни гусей, ни прочей живности не наблюдалось.

Вернувшись с прогулки, Андрей застал Луку за разбором трофеев. Братья помогали новгородцу вытаскивать барахло с телег и раскладывали все это богатство, сортируя по лишь им одним понятным признакам. Андрей уселся на лавку и стал наблюдать за ватажниками.

Овчинные полушубки и меховые шапки лежали на особицу, тут же прямо на глазах росла куча белья, которое парни вытаскивали из множества кожаных сумок. Судя по всему, это были запасные комплекты одежды. Одежду, снятую с убитых, складывали в отдельную кучу. В мешках еще обнаружили маленькие мешочки с шилом и иглами. В некоторых сумках парни находили татарские серебряные и медные монеты, украшения, которые аккуратно складывали на расстеленную холстину.

Большущая гора маленьких котелков возвышалась у покосившегося забора, рядом лежали сваленные в кучу фляжки.

Лука с братьями придирчиво рассматривали ножи, сортируя их на две части. Андрей не вмешивался, с интересом наблюдая за спорами, которые нет-нет да и возникали между ними по поводу того или иного ножа. То же самое повторилось, когда дошла очередь до кривых сабель.

– Вот что, казаки-разбойники, – Андрей поднялся с лавки, прошелся среди разложенного во дворе барахла, взял в руки кривую саблю. – Выбирайте себе, что потребно. Лука Фомич, ты тоже отбери нужное для рати про запас, остальное продадим.

Действительно, трофеи добрые, хотя большинство защитных доспехов представлены комплектами легкого лучника – войлочные, тканевые и даже кожаные распашные халаты с осевым разрезом, с рукавами до середины предплечья. Они чуточку отличались друг от друга, но не намного: у одних были рукава до середины предплечья, у других вместо рукавов наплечники. Интересно, что у части халатов железными пластинами бронировалась лишь верхняя часть халата, в то время как нижняя, начиная от пояса, оставалась свободной от пластин. И пластины крепились большей частью не снаружи, а изнутри, и потому со стороны были видны

лишь ряды металлических заклепок. Почти вся тканевая основа таких доспехов ярко-красного, желтого и фиалкового цветов.

Такой тип защиты Лука определил термином «куяк». На самом деле Лука Фомич назвал бронь монгольским термином – первая буква произносилась как русская «ха», и Андрей невольно засмеялся, вспомнив производные от этого слова. Первоначальный смысл выражения давно утрачен потомками, а термин продолжал бытовать на просторах некогда большой и могучей страны.

Среди трофейных броней попадались желто-коричневые кожаные доспехи, покрытые специальным лаком. Все они украшены причудливым орнаментом в виде выющейся виноградной лозы. Сам доспех представлял собой кирасу с разрезом на боку.

Главное богатство, доставшееся им от татар, – пластинчатые доспехи, которые тут называли пансырями. Нашлась также парочка броней смешанных: чешуйчатые на спине и пластинчатые на груди. У одного пансыря вместо пластин на груди были кольца. Но оба доспеха усилены на груди и спине крупными стальными досками, крепившимися к доспеху кожаными завязками, и, видимо, надевались они отдельно. Рукава и подол отделаны длинными языкообразными пластинами.

– Иж ты, какие гуси нам попались, уланы не иначе, – Лука не мог скрыть своей радости. – Зерцала-то как блестят!

Братья, словно дети новой игрушке, радовались коротким байданам. От обычной кольчуги байдана отличалась лишь размерами и формой колец, они были крупные, плоско скованные. При детальном осмотре Андрей понял, что крепились кольца на шип, что давало сочленению большую прочность. Весу в таком доспехе немного – килограммов шесть, может чуть больше.

– Лука Фомич, так она от стрелы не спасет. Кольца-то крупные, – Андрей положил доспех на место и уселся на телегу в ожидании дальнейшего представления.

– Так байдана от сабли защищает, а от стрелы убережешь – поддевают кольчугу вот такую, – Лука Фомич передал Андрею кольчужную рубашку, сплетенную из мелких колец.

– Я думал, татары плохо вооружены, – задумчиво произнес Андрей, оглядывая разложенное на холстинах вооружение. – А тут целый арсенал...

– Да, нам повезло, княже. На уланы напались, могло и иначе все кончиться. С чего ты взял, что татары плохо вооружены? – включился в разговор Сенька. – Брони у них легкие до пояса, ноги защищены батурлыками¹⁵. Кони обычно тоже защиту имеют, вон они лежат в телеге, глянь, коли охота. И конница у них кованая есть, сам видишь, сколько железа на них было вздето. А про луки тугие и говорить нечего.

– Я думал, степняки только стрелами бьют противника, – из прошлой жизни Андрей помнил, что татары – легкие всадники, вооруженные только луком и кривой саблей.

– Так и есть. Они лучники. Хорошие лучники. У каждого по два саадака, а то и три бывает. Ты посмотри, сколько хабара мы взяли... И у каждого луки сложные или сложноставные. Да вот гляди сам, – Сенька вытащил из телеги саадак – комплект стрелка из лука.

– Отец сказывал, что раньше у нас были луки, доставшиеся нам от воинственных хунну, луки были разными, но все они происходили от этого самого лука хунну. И что самое главное, такие луки были большими, а этот, ты глянь...

Саадак представлял собой набор лучника и включал в себя собственно сам лук, колчан, тетиву и саадачный нож. Луки были двух типов. Длина их отличалась, но не намного. Даже похожие луки одного типа имели разную длину, от восьмидесяти до ста десяти сантиметров. Второй тип в длину имел от ста двадцати сантиметров до полутора метров. Андрей не поле-

¹⁵ Батурлык, или поножи – доспех, состоящий из трех выгнутых железных или стальных пластин, закрывавших ногу всадника от колена до подъема и соединявшихся позади пряжками с запряжниками и наконечниками.

нился и расчехлил все тохтуи, в которых хранились комплекты, по росту складывая татарские луки.

Наверное, правильной их было называть монгольскими, но это не суть важно. Все они имели основу, состоящую из пяти кусков, склеенных из двух-трех слоев дерева, слоя сухожилий, наклеенных с наружной стороны плечей, а также двух тонких роговых полос, подклеенных к плечам с внутренней стороны, изогнутой костяной пластины с расширяющимися, как лопата, концами, которую приклеивали к внутренней стороне рукояти и примыкающим участкам плеч. У коротких луков рога имели по одной костяной наклейке с углублениями для тетивы. У более длинных рога обклеены уже двумя парами костяных пластин. Плечи у тех и других обтянуты берестой или тонкой кожей и покрыты лаком.

Понятно, что костяные фронтальные накладки не лишали участок кибяти упругости, а лишь добавляли к рефлекторному усилию деревянной основы дополнительное усилие расположенной по центру лука костяной пластины.

Андрей, внимательно слушая пояснения мужиков касательно вооружения, перебирал в руках тетиву, пристально рассматривая её, потом взял другую, третью. Все они были комбинированными – сплетены из шелковых нитей. Нити все сплошь разноцветные: синие, желтые, белые и розовые цвета. На концах стержня шелковой тетивы сделаны маленькие ушки – петли. В эти самые ушки завязывались узлы кожаных петель тетивы, которые надевались на концы лука. Такие петли значительно облегчали процесс надевания и снятия тетивы с лука.

В общем, все луки как две капли воды походили на бабкин лук, из которого Андрею частенько приходилось стрелять.

Сенька продолжал посвящать Андрея в тонкости пользования луком. Андрей не возражал, стараясь не показывать лишний раз свои знания. Авось, что интересное парень расскажет.

– Тетиву можно натягивать разными способами. Я знаю все! – гордо заявил Семен.

– Врешь, небось, – Лука аж крикнул от изумления.

Ватажники дружно усмехались в бороды, но молчали, не вмешивались в разговор.

– Не скажи, дядька Лука, – Сенька не на шутку обиделся. – Вот, к примеру, переправляешься ты через реку... А тут враг налетел, стрелы кидает. Есть способ и в таких условиях натянуть тетиву и не замочить лук. Или вот напали на стан неожиданно. Пока ты будешь натягивать тетиву, ты весь на виду, миг посекут тебя или стрелой побьют. А можно ведь лежа натянуть. Ты вот видел, чтобы татары тетиву натягивали, когда мы напали на них? То-то же. Знамо, лежа они натянули. – Сеньку так и распирало от гордости, от возможности продемонстрировать свои знания более опытным бойцам.

– Ишь ты, лежа, – Лука откровенно подначивал парня, ехидно улыбаясь.

– Ей-богу не вру.

И Сенька тут же продемонстрировал свое умение, бухнувшись на сырую землю, натянул тетиву на лук из положения лежа. Потом неспешно встал, гордо уставившись на ватажника в ожидании, что он скажет на такое. Мужики разразились одобрительными возгласами, выражая свое восхищение умению парня.

– А вот ранят тебя в руку, тогда как? Натянуть сможешь? – в разговор вступил Афоня.

Он давно уже прислушивался к ходу беседы, изредка поглаживая коротко стриженную бороду. Ратники, примерявшие доспехи, заинтересованно уставились на Сеньку, а ну что скажет пацан в ответ?

– В руку? – неуверенно протянул Сенька, растерявшись от такой постановки вопроса, и повернулся к братьям, словно ища у них помощи.

Но те скромно молчали, заинтересованно разглядывая остроносые носки своих ичиг.

– В руку, в руку, – повторил Афанасий, усмехаясь, и тут же продемонстрировал свое умение, натянув тетиву на первый попавшийся лук, используя всего одну руку, имитируя ранение в другую, старательно отведя ее в сторону. – Сможешь так?

Семен достал из налучья лук, вынул из кармашка тетиву и неловко попытался повторить действия Афони, но неудачно. Рядом братья, пытая от напряжения, старательно натягивали свои луки. От напряжения капельки пота выступили на лбу, но луки не хотели поддаваться им.

– Мало каши ели, – съехидничал Афанасий, но тут же обнадежил братьев: – Ничаво, получится со временем. Не каждому стрельцу сие по силам.

Афанасий придирчиво осмотрел луки, которые братья выбрали для себя. Хмыкнув, стал вытаскивать из налучей лук за луком и, осмотрев, возвращал их на место. После долгих поисков он нашел, что искал. Это был обычный, ничем не примечательный короткий лук, только вот верхний конец у него был чуточку длиннее нижнего. Афоня выглядел очень довольным, словно кот, обнаруживший на столе забытую хозяевами кринку с молоком.

– Дядька Афоня, зачем тебе такой лук? – Сенька с братьями удивленно уставились на Афанасия, не понимая, чему тот радуется.

Лука хитро подмигнул Андрею, как бы в предвкушении очередной серии вразумления молодых.

– Вот смотрите. Что можете сказать о хозяине лука? Какой он был лучник? – Афоня осторожно передал лук братьям.

– Да откуда нам знать? – за всех ответил Сенька.

Братья удивленно переглянулись, не зная, что сказать, и выглядели они очень растерянными.

– Ну, перво-наперво лук сей делали на заказ. И лучник был от бога. Вот смотрите: у всех луков рога по длине одинаковые, а у этого верхний рог чуток длиннее, – начал объяснять Афоня. – Хозяин этого лука понимал толк в стрельбе. Так достигается полное равновесие в броске. Центр, глядите-ка, выходит не посередине рукояти, а ближе к верхнему концу, – Афанасий сопровождал свои слова наглядной демонстрацией. – Видите? Тут помещается большой и указательный пальцы, и именно тут размещается стрела. Понятно теперь?

– Спасибо, дядька Афоня, за науку, – братья в ноги поклонились Афоне.

Ватажники, чей доспех был изрядно посечен в схватке с татарами, уже закончили примерять новые доспехи и хозяйственно упаковывали новые брони в мешки. Братья также выбрали себе по дополнительному доспеху. Остановили они свой выбор на легких полубайданах. Лука Фомич было вопросительно глянул на Андрея, но тот утвердительно кивнул головой, и Лука одобрил выбор братьев. Доспехи сидели на братьях как влитые, даже подгонять не придется. Так же выбрали братья для себя наручи и бутырлыки. Андрей и тут утвердил их выбор.

Лука Фомич с Кузьмой остановили свой выбор на смешанных панцирях с зеркалами. И теперь придирчиво разглядывали друг друга.

На разбор конной упряжи Андрей не остался, ушел со двора, извилистая тропинка привела его к реке. Уселся на бережку и предался размышлениям о жизни. Одиночество было прервано появлением Луки.

– Не помешаю? – Лука замер в ожидании.

– Присаживайся, – Андрей махнул рукой.

– Я, князь Андрей свет Георгиевич, хотел поговорить с тобой, – решительно начал Лука. – Непонятен ты мне казался. Мы ведь с мужиками как думали попервости – послужим чуток, а там... Ищи ветра в поле. А теперь прощения хотим просить, за думы нехорошие.

– Да знаю я, Лука Фомич. Не первый год живу. Люди везде одинаковые.

– Ты не думай о нас плохо. Добычу мы взяли отменную с татар. Когда ты отдал добро обратно православным, мужики недовольны остались. По правде-то, раз не уберегли они своё имущество, то и прав на него не имеют. Но когда ты роздал брони мужикам... Ты хоть знаешь, сколько это все стоит? И к раненым ты доброе отношение имеешь. Кузьма говорит, что все они встанут на ноги.

– Знаю, Лука. А чего не знаю, то о том догадываюсь. Но что мне толк в мошне тугой, когда враг нападет? А вой в добром доспехе завсегда врагов порешит и сам жив останется. Потому и сказал тебе раздать кому что нужно. Не князь дружину кормит, а дружина князя. Так у нас исстари заведено было. А кто думал иначе, тот и земли своей лишился, и живота своего. Вот так-то.

В деревеньке пришлось задержаться. Состояние раненых вызвало опасения у Андрея, и он принял решение обождать с отправлением пару дней. Часть ватажников им была отправлена на помощь сельчанам. По весне в деревне каждая пара рук на вес золота. Возражений со стороны бывших ушкуйников не последовало. Они вдруг превратились в дисциплинированных воинов, готовых выполнить любой приказ командира.

Тем временем Андрей при помощи Луки и Спиридона договаривался с Титом о лошадях. Лука советовал оставить табун на попечение деревенских. За это пришлось отдать назад часть телег, отобранных у деревенских, и добавить до ровного счета татарского серебра чутков. Увидев серебряную монету, Тит тут же согласился присмотреть за лошадками.

Спиридон же с семьей должен остаться в селе присматривать за ранеными, пока они не поправятся. Андрей оставил Спиридону довольно серебра, чтобы он мог прокормить семью и раненых ватажников.

Глава 5. Стольный град Переяславль Резанский

Нагрузив ушкуй припасами, трофейным добром, разместив раненых и покидав на дно кораблика пленных татар, отплыли с первыми лучами солнца. Река, по которой они шли, называлась Пранова и впадала в Проню. Русло реки очень извилистое, дно местами илистое.

За время плавания Андрей от Луки узнал много интересного касательно кораблестроения. По словам Луки выходило, что построить ушкуй – плевое дело. Они и сами могут, бывало и строили. Только ходить такой ушкой будет недолго – одно лето, от силы два-три. Настоящие ушкуи, как и ладьи, могут изготавливать только мастера-корабелы, владеющими секретами. А секретов там всех и не перечесть. Вроде бы все просто, все понятно, а поди, сделай качественно. Вот то-то и оно. А вышедший из рук мастера служил долго – лет по двадцать, а то и все тридцать бывало. Это при условии надлежащего ухода за кораблем. Ремонт делали периодически раз в два-три года.

Андрей уже понял, что ушкой обычная однодеревка, и теперь слушал незамысловатую технологию изготовления кораблей-однодеревок на примере обычной лодки. Луке понравилось поучать барина, и по всему выходило, что он испытывает удовольствие, видя, как барин схватывает все на лету.

«Мать честная, – думал Андрей, слушая Луку. – Вот ведь педагог пропадает! Ему бы в школу да учеников толковых, а он бегает по стране, увешанный железяками, как консервная банка, и ножичком размахивает. Такие таланты пропадают».

– Ушкой – обычная однодеревка, – услышал Андрей Луку, который, видя, что боярин задумался, повысил голос. – И делается из цельного ствола дерева, осины там али дуба.

– Так вот, – Лука поудобнее устроился на лежащих вповалку мешках и продолжил: – Осину заготавливают в любое время года. Но не каждое дерево подойдет. Лучше всего брать чернокорую, но серокорая тоже годится. Спиленную осину корят, намечая толщину бортов сторожками.

– Постой, а длина ствола осины какая должна быть? – Андрей перебил Луку.

– Ты не перебивай, – Лука недовольно поморщился. – Как есть, все обскажу. Ну, что сам знаю, конечно. Ствол, значит, берут саженой три, а то и все семь. Всё зависит от размеров потребных. Вот корят осину и сторожки ладят. Толщина бортов обычно вершок. Для сторожек иву берут и красят те сторожки краской. Потом обрабатывают нос и корму – форму значит придают им. Как придали форму, так начинают выбирать нутро заготовки. Выбирают до окрашенных сторожек. Потом на местах крепления опруги из еловой ветки али можжевельника оставляют по две дыни для каждой опруги. Дыни надобно делать небольшими, чтобы борта лучше расходились, когда намачивать будешь лодку. Опять же расстояние угадать надобно между дынями, то мастера секрет знают. Опосля лодку сушить надо. Можно в тени сушить, но лучше всего в сарае или под крыльцом еще можно.

Как высушат, то разводить начинают – наливают воду теплую. А прежде чем воду лить будешь, поставить уточки надо на корму и на нос.

– Постой, Лука, у нас другие слова бытовали у корабельщиков, ты поясни сразу, что за «уточки» такие? А то дыни всякие, уточки... – Андрей с интересом слушал и мотал на ус.

На строительстве кораблей можно было заработать. Это может принести неплохой доход, если поставить лесопилку и продавать доски корабельщикам, а то и самому наладить производство ушкуев, лодий и насадов и мелких лодочек.

– Молод ты ещё, князь. От того не уразумеешь, что вежество должен оказывать старшим, хоть ты и боярин. Не перебивай, – Лука не на шутку рассердился. – Все обскажу.

Он почесал бороду и ловко поймал какую-то живность. Раздавил ее. Андрей аж замер, увидев, кого так ловко раздавил ногтями Лука.

Лука, как нарочно, не торопился. Долго сморкался, затем ополоснув лицо речной водичкой, почерпнутой из-за борта ушкуя, долго ерзал на мешках, устраиваясь поудобней.

– Уточки, боярин, это не та живность лесная, что плавает по рекам и озерам. Так в народе доски с запилами для бортов зовут, чтобы не разорвало эти самые борта. Заливают водой теплой, – продолжал Лука. – И начинают снаружи опять сушить. Можно на солнышке оставить сушиться, а можно костры жечь. Но учти, большие костры разводить нельзя. С кострами-то борта разойдутся быстрее, но если с жаром не угадаешь, то трещины пойдут, а то значит, что начинай все сызнова. Так-то.

Лука замолчал и после небольшой паузы продолжил:

– Разводят борта до предела и ставят опруги по размерам надобным. Это значит, чтобы борта обратно не завернуло. Опруги крепят к дыням проволокой. Для чего в дыне отверстия делают. Вот как закончат их крепить, то начинают по краям набои ладить. А крепят их гвоздями. Набои должны быть сырыми, их заранее мочат в теплой воде, ну в луже какой...

«Набои – это скорее всего доски», – догадался Андрей.

– Смолят набои потом. Со всем тщанием смолят, иначе сам понимаешь... Смолить корабль нужно каждые три года, иначе пропадет ушкуй быстро, а просмоленный лет тридцать ходить будет.

– А набои из какого дерева делают?

– Так кто как. Но самое то – дуб, сосну еще можно. У нас вот сосновые набои, разве не приметил? Нет? Ну да ладно. Вот смотри, на носу и корме настил делают, а кормило крепят то к носу, то к корме. Оттого удобно плыть на таком кораблике, на речках малых не развернешься, а так перекинул весло и вперед.

* * *

До Оки добрались быстро. От рыбаков узнали, что великого князя в Старой Резани нет, потому решили плыть дальше. Ушкуй бодро бежал по волнам, гребцы слаженно махали веслами, Андрей время от времени садился на скамейку гребцов и с удовольствием махал веслом, что вызвало молчаливое одобрение команды.

До Переяславля Резанского добрались на третий день. Стоило ушкую глухо стукнуть о вымол, как с кораблика посыпались ватажники, которые принялись сноровисто вязать чалки¹⁶. Не успели опустить деревянные сходни, как тут же объявился плюгавенький сборщик налогов, в сопровождении двух детинушек с огромной грудой мышц и откровенно тупым выражением на простодушных лицах. Глазки мытника воровато бегали, губы безмолвно шевелились, когда он, то и дело сбиваясь со счета, пересчитывал людей на борту ушкуя.

Лука Фомич выложил без вопросов требуемую сумму и яростно заспорил, когда «налоговик» потребовал плату за товар, лежащий в ушкуе. Ушлый новгородец настаивал, что продавать ничего не собирается, а если и решит государь что-либо продать, то налог с проданных товаров заплатят на торгу, благо там мытники тоже имеются, и не один, а несколько.

На широкой пристани Андрей насчитал больше десятка различных кораблей. Часть из них стояла на погрузке, часть разгружалась. Полуголые амбалы споро катали бочки, таскали тюки, тяжелые сундуки.

Рядом с корабликом вертелся монашек в черной рясе и с деревянной кружкой в руках. Покрутившись еще немного, но так и не дождавшись милостыни, он потерял интерес к ушкую, шустро семена по деревянной мостовой в сторону посада.

¹⁶ Чалка – причальный канат, трос для речного судна, лодки.

Оставив команду ушкуя на берегу, Андрей в сопровождении Луки Фомича и всех троих братьев отправился в город. Лука уверенно широко шагал по бревенчатому настилу, ведущему от пристани в сторону города.

Андрей поразился мощным крепостным укреплениям города, под высокими дубовыми стенами которого ютились сотни деревянных изб посадских людей. Повсюду сновали телеги, спешили по своим делам горожане, купцы и приказчики. Андрей заметил, что многие из горожан носили на ногах настоящие кожаные сапоги, до этого все виденные Андреем крестьяне на ногах носили лыковые лапти. Только семья Спиридона выделялась среди прочих крестьян своей добротной кожаной обувью, а в городе – чуть ли не каждый второй щеголял в кожаной обуви! Одежда горожан не отличалась разнообразием, но зато была очень ярких расцветок.

Город хорошо охранялся. Компания подошла к высокой деревянной надвратной башне, у широко открытых ворот дежурили оружные вои, на самом верху, на открытой всем ветрам площадке, нес службу дозорный.

Лука небрежным жестом бросил мелкую медную монетку в оловянную кружку точной копии мытника на пристани. Худощавый мужичок, одетый в давно не знавший стирки татарский халат, явно с чужого плеча, ловко вытряхнул монетку на такую же грязную, как его одежда, пятерню, довольно оскалился, кивая головой стороже. Стражники словно нехотя посторонились, пропуская честную компанию в город. Оружия при путниках не было, Лука посоветовал оставить сабли на ушкуе во избежание неприятностей. Андрей не спорил, бывшему ватаману ватажников лучше знать, что делать.

Древний Переяславль удивил Андрея контрастами: узкая улочка, где вместо привычного асфальта лежала добротная деревянная мостовая, вывела их на весьма широкую площадь, где размещался один из городских торгов.

Торговых площадей в городе было несколько, одну из них Андрей успел мельком рассмотреть, пока шли по посадку: за стенами города, на продуваемом со всех сторон месте рядами стояли шалаши и палатки, в которых мелкие торговцы, громко зазывая покупателей веселыми прибаутками, предлагали продукты питания и всякий мелкий товар. И, по словам Луки, этот торг был не единственным в городе. Отдельно располагался торг, где татары продавали лошадей, быков, овец. В самом городе торг был посolidней: вместо временных палаток и шалашей стояли добротно срубленные лавки и полулавки. Между ними проворно сновали горожане и окрестные крестьяне, спешившие по только им ведомым делам.

Лука, уверенно лавируя между непросохшими лужами, двигался к княжескому двору. Сомнения Андрея, что попасть так просто к князю не получится, у Луки вызвали лишь веселую улыбку. Действительно, попасть на княжий двор не составило труда. Князь был на месте. Дюжие молодцы, боярские дети, опоясанные кривыми саблями, провели Андрея к князю.

Великий князь рязанский оказался обыкновенным мужиком, разве что одежда на нем не в пример прочим богатая. А так вполне обычный мужик среднего роста, с традиционной, коротко стриженной бородой, открытым взглядом темно-карих глаз, квадратной челюстью и плотно сжатыми губами.

Андрей топтался на месте, не зная, с чего начать, занятие князя не вязалось с княжеским достоинством. Князь собственноручно ухаживал за белоснежным статным арабским жеребцом.

Андрей поклонился низко-низко, как перед ним кланялись братья.

– Кто таков? – спросил князь хриплым голосом, не отрываясь от своего занятия.

– Андрей я, князь Заморских земель, – набравшись решимости, начал врать Андрей.

– Князь, говоришь? – Иван Федорович резко обернулся, впившись в Андрея цепким взглядом. Оценив внешний вид посетителя, рязанский князь неопределенно хмыкнул. – Почто один?

– Не один я, – смело возразил Андрей. – Людишек моих море забрало, а те, что выжили, от татарских сабель пали. Товары мои татары отобрали, еле ушел я от бесермен.

– Серебра не дам! – резко ответил великий князь.

Андрей опешил. При чем тут серебро? Или он решил, что я жаловаться прибежал на разбойников татар?

– Так не нужно мне серебро, – Андрей не удержался, усмехнулся, чем вызвал неудовольствие князя.

– Позволь служить тебе верой и правдой.

Все, главное сказано, теперь ход за князем. Или пан, или пропал. На худой конец, можно попробовать с московским князем договориться или в ушкуйники податься, благо ватажка опыт имеет в разбойничьих делах немалый, а потом прибрать к рукам земельку хоть у этого недоверчивого князя, хоть у татар. Основать собственное княжество.

– Служить? – князь весело рассмеялся. – Пожалуй, я возьму тебя в дети боярские или в дворные слуги¹⁷.

А вот этого не надо. Он не малоимущий княжич, от бедности служивший великому князю боярским сыном, и, кто такие слуги дворные, Андрей уже знал. Предложение более чем оскорбительное для новоявленного князя.

– Дозволь служить тебе вместе с дружиной? – Андрей все еще надеялся, что с князем удастся договориться.

– А сколь велик твой двор? – Иван Федорович уже смотрел с интересом на Андрея.

– Полсотни воев, но могу и вчетверо больше набрать, коли нужда будет, – ответил Андрей, ожидая реакции князя. – Все при доспехе добром, оружны, на конях. Да ушкуй еще есть у меня.

– Где отчина твоя? – перебил князь Андрея.

– За морем. Только нет у меня более отчины. Пращур мой вышел из Руси, взяли мы землю обетованную под себя. Да только враги одолели нас. Отец посадил меня на корабли и велел плыть обратно на Русь, а сам с моим старшим братом остался биться с погаными, – на одном дыхании выпалил Андрей загодя приготовленную сказку. Поди, проверь, правда это или нет! – А еще грамотку он отписал князьям Земли Русской. Просит не оставить в беде сироту.

Андрей достал пластиковый футляр с грамотой, которую один спившийся музейщик состряпал ему на старинной бумаге честь по чести.

– Изгой, значит? – уточнил великий князь.

Андрей предпочел не отвечать на вопрос. Тут же в руке у него появился кожаный мешочек, в который он предусмотрительно положил по совету Луки пятнадцать золотых монет византийского чекана. Лука настоял именно на пятнадцати, не больше и не меньше. Сумма огромная по нынешнему времени. Великий князь, как и все правители, имел нужду в средствах. А если Андрей может позволить себе отдать такую сумму, то не бедный он, значит, не последнее же отдает. Значит, казну сохранил.

– Прими, государь, поминок мой, – сказал Андрей, как научил его Лука, протягивая калиту с золотишком. Низкорослый мужик, стоявший рядом с князем, вновь подошел к Андрею, принимая подарок. Развязал тесемки, высыпав монетки на ладонь. Глаза у князя вспыхнули радостным огнем. Видно, прав был Лука, когда утверждал, что золото откроет любые двери.

– Хорошо, – после недолгого раздумья ответил князь. – Беру тебя на службу со всем твоим двором. Жить есть где? А впрочем, какое там...

¹⁷ *Дети боярские* – сословие, существовавшее на Руси в конце XIV – начале XVIII века. В XVI–XVII веках дети боярские вместе с дворянами несли обязательную службу, за которую получали поместья и записывались в десятки по уездам и составляли русскую конницу.

– Не изволь беспокоиться, государь. Я подворье тотчас куплю, – поспешил успокоить князя Андрей.

– Ступай, – усмехнулся великий князь. – Жди посылы от меня.

После посещения великого князя Лука, не откладывая дела в долгий ящик, потащил своего господина в храм. Андрей искренне недоумевал, зачем им понадобилось тащиться в церковь, не лучше ли заняться поисками жилья. На что Лука Фомич терпеливо ответил, что помолиться Богу никогда лишним не будет, и свечку поставить сам бог велел. Но где как не в митрополичьем дворе они могут продать золото.

Андрей тяжело вздохнул, но перестал досаждать ватажнику глупыми расспросами. Лука оставил князя во дворе, а сам убежал догонять старичка в рясе. Перетолковав со старцем, Лука сообщил, что дело выгорит. Действительно, скоро за ними пришли и повели внутрь деревянного дома.

Золото именно продавали, причем на вес. Сначала золотые кругляшки проверили на подлинность самым надежным способом – на зуб. Потом монетки тщательно взвесили на весах. Убрали в сундучок, стоящий под лавкой. Оттуда вытащили мешок с серебром. На чашку весов насыпали серебряные монетки. Андрей не мог определить, чем руководствовался старец, когда отвешивал серебро, но Лука Фомич яростно спорил, доказывая, что это самый настоящий грабеж. После долгих препирательств серебра значительно прибавилось на весах. Когда золото было продано, Андрей достал из-за пазухи еще два золотых и положил их на стол.

– Это церкви на помин души убиенных, – сказал он.

Старец дар принял, тщательно записал имена, которые продиктовал Лука, огорошенный поступком господина. Среди прочих имен Лука не забыл упомянуть Фому, зачинщика свары, приведшей ко многим смертям. После этого ватажник уже по-другому смотрел на своего господина.

Потом пошли на торг, где Лука прямым ходом зашел в первую же лавку. В ней царил полумрак. Повсюду навалом лежали тюки с разноцветными тканями.

Вежливо поздоровались с хозяином. Лавочник в подбитом мехом зеленом кафтане длиною до голениц ярко-красных сапог и шитой из синего бархата тафьей на голове начал было нахваливать свой товар, но Лука с ходу пресек словоохотливого купчину, предложив ему заработать денег, дав сведения, нужные путникам.

– Боярин наш дом решил купить в городе. Не знаешь, продает кто? – задавая вопрос, Лука выкладывал на стол горсть медных татарских монет.

После того как ловким, стремительным движением руки толстопузый коротышка-лавочник смахнул монетки со стола, выяснилось, что дом есть на продажу и даже не один, но особенно нахваливал купчина подворье купца по имени Иван Андреев сын Соловкин.

– Тебе какой интерес с того? – подозрительно уставившись на купчину, строго спросил Лука.

– Так должник он мой, а срок уже выйдет на днях, – владелец лавки уныло махнул рукой, тяжело вздыхая, и по-бабьи всхлипнул. – Да только мне в последнюю очередь долг зачтется, князь все себе заберет сперва.

– Это почему? – проявил заинтересованность Андрей, перестав разглядывать лавку.

– Иване деньги брал не токмо у меня, но и у князя нашего, – продолжая тяжело вздыхать, пояснил купчишка. – Пойдемте, я вам дома-то покажу, – он ловко вытащил из-за прилавка свое пузатое брюхо и направился к выходу из лавки, мимоходом прихватив со стола огромный висячий замок с таким же большим железным ключом.

Первые два дома внутри городских стен Андрей отмел сразу, хоть и нестарые дома, но маленькие, одноэтажные, не считать же высокую подклеть за этаж. Ораву, что приплыла с Андреем на ушкуе, в таких домах не разместить при всем желании. А вот следующий дом, на окраине посада, прямо на берегу речки, приглянулся Андрею сразу: новенький, недавно сруб-

ленный двухэтажный дом все еще пах стружкой и радовал глаз большими размерами, в том смысле, что дом состоял из нескольких больших срубов.

По периметру усадьбы размещались разнообразные хозяйственные постройки, как-то: амбары, конюшня на три десятка лошадей, хлев, поварня зимняя и летняя, мыльня и несколько сараев, о назначении которых Андрей постеснялся спросить.

Со стороны улицы из-за высокого тына совершенно не видно очень просторного двора, который являлся центром усадьбы, двор частью был закрыт хозяйственными постройками, частью высоким забором. И главное, усадьба с домом располагалась чуть в стороне от скопления других домов. Кстати, о заборе, он был из досок, а не из бревен. На улице полно луж, прямо у забора, а внутри сухо, ни капли воды не просочилось внутрь. Все дело в досках. Один край доски шире другого, доска, получается, вставляется одна в другую, оттого и не пропускал такой забор влагу.

Хозяин подворья – тот самый проторговавшийся купец. Еще нестарый, в полном расцвете сил, он мало походил на купца-заимодавца. Было в нем то, что сразу расположило к нему Андрея. Прямой, открытый взгляд светло-зеленых глаз и открытое честное лицо располагали к доверию. Купец сразу сказал, что продажа дома – вынужденная мера. Дела его совсем расстроились. Два последних года дела шли из рук вон плохо: в прошлом году ходил купец на Вятку на трех лодьях, да неудачно, еле жив остался, потеряв две ладьи и почти весь товар, подвергшись нападению черемис. Все бы ничего, оставшегося товара вполне бы хватило, чтобы начать торговлю заново, но неудачи преследовали купца уже второй год подряд, и подошел срок платить по закладным. Снаряжая караван, пришлось занять денег у местных купцов и князя Рязанского, тот часто ссужал купцов деньгами – дело обычное. Хуже всего было то, что часть отнятого разбойниками товара принадлежала князю, возвращать приходилось уже по ценам рязанского торга, а не по закупочным ценам Вятской земли. Семьям погибших тоже нужно помощь оказать, иначе не по-людски это.

За усадьбу купец запросил ни много ни мало пятнадцать московских рублей. Дороговато, конечно, ведь дом не отделан изнутри. Стены комнат обшиты липовыми досками, на которые мастера успели нанести озаменку¹⁸, и только. Лавки и те не в каждой комнате стоят, работы по отделке помещения купец планировал закончить к зиме, но видишь, как все получилось – пришлось срочно продавать хоромы. После недолгого спора, который в основном вел Лука Фомич, сошлись на десяти рублях и отправились выправлять купчую грамоту.

По дороге купец поведал, что продает еще лавку и ладью и амбары на пристани. Но боится, что не успеет продать до срока, и все равно вырученных денег будет недостаточно, чтобы покрыть долги.

Посоветовавшись с Лукой, Андрей решил сразу же посмотреть лавку, ладью и амбары. Осмотр кораблика удовлетворил Луку, Андрей-то в кораблях не разбирался, потому полностью положился на мнение специалиста: ладья совсем добрая, хотя и не новая. Амбары хорошие – нужно брать, решил Лука. Лавка, осмотренная по пути на пристань, ничем не выделялась от точно таких же соседних лавок, разве что товару в ней значительно меньше.

Долго спорили о цене. Лука – большой дока торговаться, безбожно сбивал цену, а купец уступал помалу. Андрей получал огромное удовольствие, слушая, как мужики торгуются-рядятся. В итоге Лука с купцом сошлись в цене, и они ударили по рукам.

– Без ножа режете! – купец хоть и делал вид, что недоволен предложенной ценой, но явно доволен сделкой. Через два часа Андрей стал обладателем грамоты, писанной на настоящей серой плотной бумаге, с водяным знаком в виде головы быка, подтверждающей, что купец продал ему усадьбу, лавку со всем имеющимся в ней товаром, ладью и амбары. Тощий выюноша в стареньком кафтане с чужого плеча, от усердия высунув язык, старательно вывел последнюю

¹⁸ Озаменка – предварительная разметка.

букву, осторожно присыпал написанный текст мелкозернистым песочком. Тщательно смахнув крупички песка с листа, писец громко зачитал написанный текст. В происходившем действии Андрея удивили два момента: во-первых, все присутствовавшие при сделке были грамотными, видаки, убедившись, что написанный текст соответствует действительности, поставили свои подписи на документе, после того как грамотку подписали продавец и покупатель. Самым безграмотным среди всех оказался Андрей, он с трудом мог разобрать старинный текст, но старательно вывел печатными буквами свое имя на документе. Когда грамоту подписали все участники сделки и пятеро приглашенных видаков, в число которых вошли Лука и Сенька, Андрей положил на стол две старинные римские золотые монеты и три связки продернутых за ухо на металлический стержень беличьих шкур. Они принимались в качестве платежного средства наравне с монетами. За шкурками пришлось сгонять Семена на ушкуй, когда выяснилось, что Андрей собирается платить золотом, а татарского серебра в кожаном мешочке не хватало, чтобы заплатить ровным счетом.

Во-вторых, куплю писали от лица продавца – резанского купца Ивана Андреева сына Соловкина, который подтверждал, что продал князю Андрею подворье с лавкой и амбарами. В грамотке покупатель назывался князем заморских земель, это вызвало улыбку на лице Андрея, но спорить он не стал – Лука знает, что делает.

– Вот и славно. Пора отметить покупку. Составишь компанию, Иван Андреевич? – у Андрея зародились планы в отношении купца.

– Да чего там, – махнул рукой купец, соглашаясь. – Пошли...

Тем временем Лука, не теряя времени даром, отправился на пристань заниматься разгрузкой ушкуя и транспортировкой добра на подворье. Сенька, получив золотую монету, умчался к еврею продать золотой и сразу на торг торговать столы, лавки, кровать для боярина, перину, простыни и прочие мелочи, в доме мебели не было никакой.

Андрей же засиделся с купчиной далеко за полночь. Результатом совместного обеда и посиделок стал наем купца на службу.

– Как дальше жить думаешь, Иван Андреевич? – поинтересовался планами купца на дальнейшую жизнь Андрей.

– Бог даст, не пропаду, – ответил купец.

– Хочу вот торговлею заняться, – осторожно начал вербовку купца Андрей. – Нужен мне человек, сведущий в делах торговых, – он пытливо посмотрел в глаза купчины, – платой не обижу. Пойдешь?

– Чем торговать будешь? – в светло-голубых глазах купца явно просыпался интерес.

– Разным товаром. Токмо торговать не я, а ты будешь. Мое дело ратное, сам понимаешь. Но одно скажу – без дела сидеть не будешь, Иван Андреевич. С твоей торговой хваткой и моими возможностями – мы уж как развернемся. По рукам? – Андрей протянул свою руку купцу.

– Не получится, – помотал головой Иван Андреевич.

– Что мешает? – Андрей очень удивился отказу.

– В закупы меня отдадут. Мне не рассчитаться по долгам, я говорил уже тебе об этом, – глядя прямо в глаза Андрея, сказал купец.

– Так давай серебра тебе дам? – предложил Андрей.

– Кабалу оформишь? – уточнил купец. – А все едино, что кабала, что в закупы идти, – в голосе Ивана Андреевича отчетливо сквозило отчаяние, как ни пытался он это скрыть. Судя по всему, купец согласился.

Дальше он посвящал Андрея в тонкости торгового дела. Где что купить, где продать и когда в особенности. Вся торговля завязана на речных путях и зимниках. Дорог проезжих как таковых не было. В основном пути и направления. Но указатели на импровизированных

дорогах имелись, в виде камней. Знающие люди по ним легко определяли свое местоположение и нужное направление пути.

Купец вел торговлю в двух направлениях. Оба имели свои плюсы и минусы, но были одинаково доходными. Новгород в обмен на воск, мед и меха поставлял ткани заморские. В Переяславле купец расторговывался тканями и скупал мед, воск, который реками возил или в Торжок, или в Новгород, перепродавая новгородским купцам, так как торговать напрямую с ганзейцами не имел права. Вторым торговым путем шел на Вятку. Там менял железные топоры на меха и воск, мед. С Вятки по северному пути шел в Новгород или же возвращался в Резанское княжество, а оттуда, снова нагрузившись товарами, шел в Новгород. Хлебом торговал изредка, большей частью скупая его в деревеньках и перепродавая в Переяславле и Москве. Изредка, когда в Новгороде случался неурожай, возил хлеб до Торжка. Торговать хлебом – занятие хлопотное и малоприбыльное, исключение составляют голодные годы, тогда на торговле хлебом можно было озолотиться или потерять жизнь. Разбойники не дремлют, а в голодный год любой боярский сын – ну чисто разбойник.

Путь до Новгорода из Резанского княжества относительно безопасен для больших обозов, гораздо больше шансов лишиться живота на Вятке. Новгородские купцы, когда их никто не видит, не прочь взять купца заезжего на щит, черемисы от них не отставали, тоже безобразничали потихоньку. Что и случилось, впрочем, с Иваном Андреевичем в прошлом году, когда лодыи купца подверглись нападению.

К сумеркам совместными усилиями план торговой кампании был разработан до мелочей. Андрей сразу смекнул, что барыши тем больше, если оборотный капитал велик. Торговля с «колес» не приносила большого дохода, но по местным меркам была не так уж и мала. Купцы выходили из положения, кредитуюсь на стороне, у бояр и князей. Иметь долю в торговых операциях было в обычаях местной аристократии. Иван Андреевич заверил, что передаст боярину всех своих людей, работавших на купца в прошлых годах. По договору купец оставался жить в доме Андрея, места хватало.

На следующий день Андрей проснулся далеко за полдень. Впервые за много дней Андрею довелось поспать в человеческих условиях. Сенька купил-таки настоящую кровать и перину с подушками. Князь, как вернулся с посиделок с купцом, сразу и не обратил внимания на новую мебель, упал на кровать не раздеваясь и провалился в глубокий сон, лишь с утра оценив старания парня. Вставать не хотелось.

Андрей поправил подушку, мысленно поправляя себя, что пора привыкать называть вещи своими именами – не подушка, а зголовье, или взголовье. Самая большая трудность в общении с народом на бытовом уровне заключалась в незнании названий обычных вещей в обиходе. Но Андрей делал поразительные успехи, легко запоминая названия вещей, но часто путался, применяя привычные ему названия, не совсем понятные для окружающих.

Андрей с наслаждением потянулся, стягивая с себя одеяло. Ночью кто-то заботливый раздел пьяного князя, накрыв легким одеяльцем.

Андрей натянул шаровары, обул ноги в так понравившиеся ему мягкие татарские ичтыги¹⁹ из сафьяна и отправился во двор. Набрав колодезной водички, ополоснулся и сразу почувствовал прилив сил, кровь так и забегала по жилам. Сделал разминку – стало совсем хорошо.

– Андрей Георгиевич! – купец встал ни свет ни заря, успел сделать многое, теперь вот сидел на лавке, у крыльца, греясь под лучами весеннего солнышка, в ожидании, когда князь изволит проснуться. – Надо бы челядников нанять. Сготовить там, постирать, да много чего... Я тут приглядел людишек. За воротами ждут. Так позвать? – Иван Андреевич сразу взялся за дело в соответствии с вчерашними договоренностями.

¹⁹ Ичтыгы, ичиги – татарские сапоги.

«И когда успел приглядеть? Впрочем, уже день, а вставать тут принято с первыми петухами», – подумал Андрей, опрокидывая на себя очередное ведро с холодной водой.

– Уф-ф, – фыркнул Андрей от удовольствия, – хорошо. Зови, – он принял от Федьки расшитый незатейливым узором кусок материи, означающий, видимо, полотенце, энергичными движениями стал им растираться. Затем надел красную шелковую рубаху и поданный Федором новенький расшитый золотом кафтан из татарской добычи, на ходу застегивая пряжку на шелковой опояске.

Он не знал, как себя вести с прислугой, и потому отчего-то решил, что бояре должны занимать наибольшую высоту при разговоре с челядью. Во двор вошли с десяток мужиков и баб в традиционных одеждах. На улице теплынь, а мужики вырядились, словно на дворе холода лютуют. То ли дело бабы, все по погоде одеты.

Мужики все как один: на голове конусообразные с плоским верхом шапки из валяной овечьей шерсти. Отличались шапки только цветом и степенью их износа. Кафтаны у всех практически одинаковые – шитые из сермяги. Поверх кафтанов накинута синие суконные охабни²⁰ и однорядки. Скромность верхней одежды подчеркивала обутка на ногах – красные чеботы²¹ из мягкой кожи с длинными, до колен или до бедра, голенищами. Андрей разглядел кожаные ремешки, закрепляющие сапоги, они обвивали ноги и завязывались под коленками. У бородача в необычайно длинных сапогах ремешки наверняка крепились к поясу. Колодка сапог у всех прямая, деления на правый и левый сапог еще, наверное, не знали, или горожанам было все равно, лишь бы удобно было ногам. Лишь у одного из пришедших на ногах татарская обутка – остроносые ичитыги. Под распашными кафтанами – нарядные длинные льняные рубахи, подпоясанные широкими поясами ниже талии, что придавало хозяевам, по их мнению, солидности. Женщины одеты также одинаково: рубаха, понева из шерстяной ткани, пояс, на голове убрus или сорока, на ногах лапти.

Все семейные пары неожиданно согласились на предложение оформить кабальную запись на всю семью, включая детей. Мужики было заартачились, предположив, что боярин предлагает запродаваться в холопство, но Андрей как мог растолковал разницу. За три рубля московской деньгой Андрей получал семью из двух взрослых и одного-двух несовершеннолетних детей разного возраста, за пять рублей – двое взрослых и трое-четверо детей.

Кабальная запись, по сути – временное лишение свободы с кучей приятных бонусов.

Первое – родственники получают необходимые им деньги, а можно вложить полученное серебро в торговое предприятие местного купца, или просто банально прогулять полученное серебро.

Второе – боярин тебя кормит, поит, одевает, дает крышу над головой. Чем богаче боярин – тем сытнее жизнь.

Третье – ограничение свободы временное, на определенный срок: от года до пяти лет. По окончании срока кабальной записи можно вернуть взятые деньги и стать снова свободным, но можно и не возвращать, вот тогда уж наступает полное холопство. Андрей разъяснил, что быть кабальным холопом не значит, что твои дети станут холопами, все дети, рожденные в кабальном холопстве, рождаются свободными! Это раз, а во-вторых, – продолжал объяснять разницу Андрей, – кабальная запись оформляется на всю семью, но, в отличие от принятых на Руси правил, если мужики не дай бог помрут, не успев выкупиться, то их дети холопами по «старине» не станут.

Андрей удивился, сколь велик должен быть двор боярина. Андрей утвердил всех, и Иван Андреевич повел народ к дьяку оформлять кабальные записи. После выполнения всех фор-

²⁰ Охабень – верхняя, длинная и широкая одежда, подобная однорядке, только с отложным воротником, спускавшимся от самой шеи до половины спины.

²¹ Чеботы – мужская и женская обувь, похожая на глубокий башмак с острыми, кверху загнутыми носками.

мальностей работа в доме закипела. Уже к вечеру по дому разносились запахи свежесдобитого хлеба и жареного мяса.

Потихоньку быт обитателей дома обустроивался. Андрей погряз в хозяйственных делах и чуть волком не выл от навалившихся на него забот. Первым делом приоделся сам, и ратникам пришлось справлять новую одежду взамен пообносившейся, для чего пригласили несколько швецов и устроили в доме Андрея швейную мастерскую. Перед этим купец с Лукой долго выбирали материю и цветовую гамму. А меха ушло целая прорва. В обычае народном оторачивать мехом все, что можно и что нельзя тоже. Обувь заказали по паре сапог на человека. Но с той лишь разницей, что новгородцы предпочитали обычные сапоги, а братья выпросили себе татарские ичиги. Татарская обувь необычайно удобна, Андрей сам в этом убедился, ему также стачали парочку ичиг да еще украсили затейливой вышивкой.

Конечно, можно было раздать татарскую одежку, что взяли на татарах, но Андрей решил не мелочиться, деньги позволяли, и он хотел показать заботу о своих людях. Он был уверен, что вложения вернутся сторицей.

Андрей поставил на стол сундучок со всем оставшимся серебром.

– Значит так, Иван Андреевич, – сказал он, выкладывая стопками монеты на дубовый стол, покрытый красным сукном. – Казна пусть у тебя хранится. Тебе закупать товар надобно. Лука же с Семеном могут брать у тебя серебро на свои ратные и хозяйственные нужды. Учет веди строгий, – Андрей постарался спихнуть с себя очередную заботу. – Луке нужно будет починить доспехи посеченные. Если сможешь, то продай ненужное барахло татарское – Лука покажет, что не нужно. Оружие тоже можно продать, которое нам без надобности.

– Сполню все, князь. Я за людишками послал, что товар закупать будут по деревням. Лавка почти пустая. Нужно за товаром идти в Нижний али в Новгород?

Андрей задумался. Лавка действительно опустела, после того как стали шить одежду для самого князя и его людей. Кабальным холопам тоже пришлось поменять сермяжные кафтаны на нормальные из дорогой импортной ткани, иначе не поймут Андрея, по виду его дворни судят о самом князе.

– В Новгород пойдешь, Иван Андреевич, – принял решение Андрей. – Лука с тобой пойдет. Что повезешь?

– Меха повезу и воск, камки бы прикупить, да страшно дорого, ее бы в Нижнем брать, а еще лучше в Сарае, – загибая пальцы на левой руке, начал перечислять товары Иван Андреевич. – У Ивановских выменяю на сукна ипрские. Мелочи всякой прикуплю: пуговиц там, гребешков и иного товару мелкого.

– Постой, ты что про шелк говорил? – перебил купца Андрей.

– Да пришли по осени к нам тазики, один из города Кашина²², второй из Ездея²³, на Рясском поле еле отбились от татарских казаков. Раны купцы получили страшные. Вот и пришлось им зимовать в граде. Сейчас собираются на Москву идти расторгиваться.

– Тазики – это что или кто? – заинтересовался князь.

– Купцы с Востока, на Руси кличут их тазиками, – пояснил Иван Андреевич.

Князь задумался. Восток – значит шелк. Что еще могут везти восточные купцы?

– Камка²⁴ в Новгороде хорошо идет?

– Сам два получим, может и поболее, – не задумываясь ответил купец.

²² *Кашина* – Кашан, город на Иранском нагорье. Главный центр производства художественной керамики в Иране – фаянсовой посуды и архитектурной керамики, а также центр изготовления шелковых тканей и бумагеи.

²³ *Ездея* – Йезд, город на Иранском нагорье. Один из главных центров шелкоткачества на Ближнем Востоке. Служил узловым пунктом двух караванных торговых путей: один соединял северо-запад Ирана с Керманом и портом Ормуз, другой – Хоросан с Фарсом и Барсом.

²⁴ *Камха* – обычно шелковая цветная ткань, одно- или двухлицевая с рисунком (обычно цветочным), образованным блестящим атласным переплетением нитей, на матовом фоне полотняного переплетения.

Андрей из-под лавки выдвинул еще один сундучок, в котором хранились взятые с собой зеркальца. Покрутил в руках самое маленькое с ладошку величиной и протянул его купцу. Иван Андреевич ахнул от восхищения, разглядывая собственное отражение.

– Как думаешь, сколько за него дадут? – задумчиво спросил князь.

– Это очень дорогая вещь, господин! Откуда она у тебя? – Иван Андреевич не удержался от нескромного вопроса.

– Привез с собой, – коротко ответил князь.

– Почти весь товар тазика можно выменять на нее, – купец не отрывал восторженного взгляда от диковинки.

Андрей достал еще одно и бережно положил его на стол.

– Вот, еще возьми. Забери весь товар у тазиков.

– Государь, нам его ни в жисть не продать в Переяславле, – купец ошалел от предстоящей сделки. Такими суммами еще ему не приходилось ворочать.

– В Новгороде продашь немцам, все выгодней, чем воск тащить, – предложил Андрей.

– Возьми грамотку, – князь протянул купцу исписанный ровным почерком лист плотной бумаги.

Писцом пришлось поработать Федьке, благо братья грамотные оказались.

– Я тут список набросал, что купить надобно.

Иван Андреевич отодвинул лист подальше от себя и быстро ознакомился с перечнем товаров.

– Не войдет товар весь в ладью, – сказал купец в заключение.

– Знаю, – князь кивнул головой в знак согласия. – Потому купите в Новгороде еще один кораблик. Только добрый выбирайте.

– Ну, коли так, то ладно, – купчина свернул в трубочку грамотку и спрятал ее за пазуху.

– Будет у меня к тебе просьба еще, – задумчиво сказал Андрей. – Вызнай все про купцов заморских. Сколько раз приплывают в Новгород, на каких кораблях и сколько команды на борту, есть ли пушки, тюфяки по-вашему? Про орденских купцов особо узнай. Но осторожно поспрашивай, – предупредил он купца, – чтоб не подумали плохого.

– Это можно. Когда отправляться?

– За неделю, тьфу, – Андрей быстро поправился, – седмицу успеешь собраться?

– Успею. Не сомневайся, даже раньше успею, – купец отвесил поясной поклон и быстро вышел из горницы.

Андрей, проводив купца, вернулся. Сел на резной стул. Как увидел на торгу такое чудо, не удержался – купил и заказал еще с десятков мастеру. В горнице стараниями Андрея стало вполне комфортно.

На Андрея разом навалилось столько дел, что впору было хвататься за голову. Часть забот по обустройству хозяйства взяли на себя Лука с Кузьмой и братья, но дел все одно не убавилось. Семен оказался толковым распорядителем. Младшие братья как угорелые носились по торгу, и во дворе постоянно что-то разгружали из прибывающих телег. В доме появились иконы, дубовые столы, лавки и даже ковры. Вот и сейчас Андрей услышал шум и громкие голоса возчиков вперемешку со звонким голосом Федора. Во двор заезжали груженные телеги, и парень бранился с возчиками, указывая, куда поставить телеги. «Рожь привезли», – догадался Андрей. Кладовые заполнялись различными припасами, часть припаса пойдет на собственные нужды, часть отправят в Новгород на продажу. Андрей тщательно сложил листы плотной желтой бумаги в стопку и убрал их в маленький сундучок.

Андрей спустился во двор. Щуплый пацан с веснушками на лице подбежал к хозяину и сообщил, что за воротами стоят кузнецы и просят пустить их к боярину.

– Давай пропускай, – Андрей вспомнил, что намерен сам пригласил мастеров в гости, пообещав им хороший заказ.

Мужики степенно поздоровались. В натруженных руках они мяли свои войлочные шапки, не зная, что с ними делать. Андрей выручил мастеров, перейдя сразу к делу.

– Пойдемте в дом, уважаемые мастера. Покажу, что мне надобно.

Андрей выложил на стол несколько метательных ножей и сообщил, что таких требуется три десятка штук изготовить. Мастера подивились форме ножей, балансировке, качеству стали и высказали восхищение работой мастера, изготовившего такие ножи.

– Как на подбор все, – уважительно сказали мастера, – Попробуем. Отчего не попробовать. Через седмицу готово будет.

Потом долго торговались. Сговорившись о цене, Андрей выдал задаток беличьими шкурками, которые тут были не только товаром, но и платежным средством. Впрочем, эквивалентом денег были не только шкурки, но и материя. За отрез заморской ткани можно купить деревеньку. Товарно-денежные отношения еще не в полной мере прижились на Руси, даже на торгу можно выменять нужную тебе вещь на что-нибудь нужное мастеру-кузнецу. Денег как таковых было мало в обращении, в основном хождение имели татарские монеты. Золото же вообще не в ходу. Разве что у купцов оно было, таскать медные и серебряные монеты или слитки серебра на себе не будешь, а золото – милое дело.

На такой рубль можно купить двух холопов, или плохонькую лошадь, или корову, или десяток овец, или двадцать кур. А вот хорошие лошади – стоили дорого. Рабочая лошадь местной породы на торгу продавалась не менее чем за два рубля. Ездовые лошади можно было сторговать за три-четыре рубля. Боевой конь стоил от семи-восьми рублей, и цена порою доходила до ста рублей. Аргамаки, так называли всех арабских и персидских скакунов, стоили совсем сумасшедшие деньги, чуть ли не на вес их продавали. Торговали лошадьми в основном татары. Они ежегодно гнали на продажу многочисленные табуны лошадей.

Андрей пригласил мастеров отобедать с ним. Те вежливо отказались, но Андрей настоял на своем. Во время обеда Андрей завел разговор о качестве железа. Со слов кузнецов стало ясно, что с хорошим железом в стольном граде Резанском проблем нет. Были бы деньги. Железо есть местное, возят его из-под Пронска и иных резанских мест, есть железо с северных областей. А есть и свейское, что купцы привозят из Новгорода. Свейское самое дорогое, зато лучшее, что можно купить. Вот с медью и оловом проблема. Не лучше дела обстоят с цинком. Цветного металла на Руси мало, и везут его в основном из Великого Новгорода и Новгорода Низового.

После обеда мастера откланялись. Андрей же отправился спать. Тут так принято было, что после обеда полагался сон. Такая жизнь новоявленному князю очень нравилась.

Вечером, во время ужина, Лука Фомич завел неспешный разговор о ремонте доспехов. Он уже успел потолковать с кузнецами, приходившими к князю, и показал им доспехи, требующие ремонта. Общий язык мужики нашли быстро, особенно когда Лука пообещал, помимо серебра, за работу отдать в уплату совсем уж сильно посеченные брони, ремонт которых все равно затянулся бы на пару месяцев. Так дешевле будет, а доспех добрый они еще добудут, с оптимизмом заявил Лука. Лишнее оружие они с купцом тоже пристроили татарам, продававшим в Переяславле лошадей, те скупали оружие и конскую сбрую, седла, плетки с рукоятью из морского зуба. Цену не ломили, и ушло все быстро, в уплату татары отдали три десятка маленьких степных лошадок, три коровы, пять быков, две дюжины овец, несколько тюков китайского шелка и много разных медных и серебряных монет, в основном татарских, русские монетки тоже попались среди прочих, все они чеканились с тамгой золотоордынских ханов.

Андрей вдруг вспомнил, что хотел он вооружить судовую рать арбалетами, или самострелами, как их тут еще называли. Они были в ходу у местного населения, Андрей видел с десяток самых разных самострелов, что предлагались на торгу. Лука же посоветовал не торопиться и купить самострелы в Москве или в Новгороде, тем более в стольном Резанском граде стрельников от силы три мастера.

– Тут все больше для охоты самострелы предлагают, для боя почитай совсем нет, – вынес вердикт Лука.

– Болтов еще надо к ним. Не менее трех десятков на самострел, – внес уточнения Андрей.

– А сколько самострелов надобно? – решил уточнить Лука Фомич. – У нас парочка имеется.

– У тебя под рукой сейчас почти четыре десятка. Значит, берем с запасом – дюжин пять нужно.

– Это же сколько серебра уйдет! – присвистнул от удивления Лука. – Пожалуй, в Новгороде столько сразу не наберется готовых, заказывать придется, али в Москве еще посмотреть.

– Вот и посмотри, Лука. С купцом нашим пойдешь в Новгород. Необязательно серебром платить. Возьмешь у Ивана Андреевича отрезы тканей, может, поменяешь на самострелы. С собой возьмешь с десятков людей, мало ли что в дороге случится. Присмотришь за товаром. Да еще послушаешь на торгу, что люди сказывают. Заодно купите там пару людей набойных.

– Ты же сказывал про одну ладью? – удивился Лука.

– Сказывал. Но одной, думаю, мало будет. А вот парочка – самое то. Главное, чтобы вместительные кораблики были, товару чтоб могли изрядно. На скорость не смотрите особо, но если еще и плыть ходко будут, то будет лепо. – Андрей вернул понравившееся ему словечко. – Лука, ты ведь родом с Новгорода?

– Ну да, – подтвердил новгородец.

– Наберешь людей там с полсотни. Назначаю тебя сотником. Кузьму и Афоню – полусотниками.

– Все исполним, боярин, – Лука встал и отвесил земной поклон. – За доверие спасибо. Не подведу, боярин. Живота не пожалею.

– Выступаете сразу, как Иван Андреевич скажет. Как, Иван Андреевич, готов? – спросил купца князь.

– Через три дня крайний срок.

– Что с тазиками? – напомнил Андрей.

– Таки все сговорились. Купцы отдали весь товар. Два дня торговались, взял я у них четыре дюжины выюков камхи, выюк дороги кашаньской и иной шелковой ткани, дюжину выюков бумазеи, выюк киндяки, пару выюков алачи и пять батманов фиников из Тарома²⁵, что по нашему весу почти пуд, еще купцы приплатили золотом – скрепя сердце отвалили двадцать золотых монет.

– Нехило, – Андрей очень удивился такому обмену. В запасе у князя оставались еще почти три десятка зеркал. Он, можно сказать, сказочно богат!

– Вот еще что... – купец хитро прищурился, незаметно подавая знак слуге.

Через пару минут в комнату вошли слуги, неся на руках два халата из золотого зарбафе²⁶, сафьяновые сапоги, дорогие опояски и две восточные сабли в очень простых ножнах. В ткани халатов Андрей безошибочно узнал парчу, но он уже успел узнать, что «парча» – это по-персидски значит – «кусок», именно кусками в розницу продавалась зарбафа, потому, наверное, эту ткань и стали потом называть парчой. Хотя уже сейчас можно нередко услышать от покупателя вопрос: «Есть ли парча?»

²⁵ *Дороги* – полосатая или шелковая клетчатая ткань, иногда струйчатая с золотыми, серебряными, шелковыми деревцами и травками. Употреблялась в основном на подкладку кафтанов, зипунов, летников, куяков, наручей. Бумазея – мягкая хлопчатобумажная ткань с начесом. Киндяк – хлопчатобумажная набойчатая ткань. Алача – персидская ткань из сученых шелковых и бумажных ниток. Таром – одна из малых административных единиц Ирана.

²⁶ *Зарбаф* – золотая или серебряная ткань с узорами шелковыми, серебряными и золотыми. Название ее, происходящее от персидского «зер» – золото и «бафт» – ткань, указывает на вывоз ее из Персии. Из зарбафты шились шапочные верхи, кафтаны, зипуны, ферязи, шубы и др. нарядные царские одежды.

– Вот, государь, поминки от тазиков, – с гордостью сказал Иван Андреевич, демонстрируя восточные халаты.

– Ух ты! – ничего подобного Андрей еще не видел.

Шелковые пояса застегивались на застежку из литого золота в виде крыльев бабочки. Сабли – настоящее произведение искусства.

– Булат! – ахнул Лука Фомич.

– Устрой мне встречу с этими тазиками, – попросил Андрей, любуясь узорчатой дымкой клинка с позолоченными долами на голомени²⁷.

– Так они завтра уезжают, – развел руками купец.

– Значит, сегодня устрой встречу! – сердито ответил Андрей, молниеносным движением приставив лезвие сабли к горлу купца.

– Ей-ей устрой, – сглотнул слюну испугавшийся купец, кося взглядом на клинок у своего горла.

– Ты еще здесь? – строго спросил Андрей, не понимая, откуда в нем такая властность проснулась. Ну прямо самодур-диктатор.

– Бегу! – Иван Андреевич отступал мелкими шажками от острого клинка, потом резво рванул к дверям.

– Иж ты, чуть не обделался купец-то наш, – хохотнул Лука Фомич.

– Собирайся. Со мной поедешь, – резким голосом сказал Андрей, наставив саблю на Луку.

– Так ить смеркается уже, – возразил Лука Фомич. – Не примут тазики на ночь глядя, поутру съездим, – предложил Лука, игнорируя маячившую у его носа саблю.

Иван Андреевич обернулся быстро. Не прошло и часа, как он примчался с вестью, что тазики изволят принять позднего гостя.

Хасан-Ходжа, мужчина среднего роста с ярко выраженной восточной внешностью, принимал гостя по восточному обычаю. Андрей обрадовался настоящему кофе, чарующий запах которого чуть не свел Андрея с ума. С наслаждением смакуя настоящий крепкий кофе, Андрей вызвал нешуточное удивление хозяина.

– Вы бывали на Востоке? – осторожно спросил восточный купец.

– Увы, не приходилось, – улыбнулся Андрей. – Но кофе доводилось пробовать. С тех пор я не могу без него обходиться.

– Я пришлю вам все свои оставшиеся запасы, – с улыбкой сказал Хасан-Ходжа, подливая горячий напиток в чашку гостя.

– Благодарю вас, уважаемый... – Андрей бросил быстрый взгляд на Ивана Андреевича. Очень уж не хотелось называть восточного гостя тазиком.

– Ходжа, – шепотом подсказал Иван Андреевич.

– Уважаемый Хасан-Ходжа. Позвольте узнать, куда теперь путь держать станете? – поинтересовался Андрей.

– Домой. Пора возвращаться домой. Давно уже не видел жену, детей. Скучаю по дому, – уклончиво ответил Хасан-Ходжа.

– Тогда позвольте спросить прямо. Какой товар повезете на родину? – настойчиво продолжал расспросы князь.

– В Сарае очень хорошие лошади, – лаконично ответил перс.

– Но разве на твоей родине нет лошадей? – Андрей заинтересовался, интересно, как он собирается переправлять лошадей через море? Ради нескольких кобыл стоит ли заморачиваться перевозкой лошадей степной породы.

²⁷ *Дол* – желобоватая продольная выемка на голомени клинка для облегчения его веса и усиления жесткости. Голомень, голомя – плоская сторона полосы у меча, сабли, кончара, тесака, кинжала.

– Есть, – согласился перс. – Спрос превышает предложение. Что поделаешь, воинам нужно много лошадей.

– И как велик доход? – Андрей понимал, что задает нескромный вопрос, но ждал честного ответа от купца.

– Я вижу, что князь понимает толк в торговле и чувствует выгоду издалека, – вежливо улыбнулся Хасан-Ходжа. – Я куплю лошадей по шестьдесят дирхемов²⁸ за голову, если повезет, то и по пятьдесят.

– Рубль московской деньгою, – тихонько подсказал Иван Андреевич, сам с интересом слушающий перса.

– Караванными путями я перегоню коней до Хормуза²⁹. Там погружу лошадей на корабли и отправлюсь в Индию, где продам по шестьсот дирхемов за голову. Лучшие лошади уйдут за три тысячи дирхемов минимум, – продолжил делиться планами перс.

– Прошу простить великодушно, но я имею торговое предложение, выгодное для вас, – сказал Андрей, откусывая кусочек от вяленой дыни. – Ваш товарищ погонит лошадей. Я хочу послать своего человечка с ним. Сколько лошадей вы собираетесь купить?

– Двести – двести пятьдесят, – лаконично ответил Хасан-Ходжа.

– Хорошо. Пускай будет двести пятьдесят. Столько же погонит мой человек. А вам, уважаемый Хасан-Ходжа, у меня будет иное предложение.

– Внимательно слушаю вас, князь.

– Вы вернетесь на родину и привезете мне еще столько же шелка, сколько вы продали моему купцу. Еще меня интересует восточное оружие. Очень интересует. Особенно клинки из булата. Доспехи для воинов. Редкие луки. Вы понимаете, о чем я?

– Хватит ли у вас серебра? – когда пошла речь о дорогостоящих товарах, перс отринул элементарную вежливость, задав вопрос напрямую.

– Вы получили зеркала за товар. Что вы скажете о еще трех зеркальцах? – усмехнулся Андрей. – Понимаю ваши опасения, я готов передать их вам завтра же под честное слово.

Андрей несколько не рисковал. Вернее, риск существовал, но исходил не от продавца, который никогда в жизни не подумал бы надуть торгового партнера. Разбойники, шторм на море – вот главные риски. Но честное слово купца на вес золота. Правда, не любого купца, а только восточного. Ганзейцы часто пользовались доверчивостью русских купцов, безбожно обманывая их. Можно не отдавать зеркала сейчас, перс привезет все, что нужно, и так, но Андрею важно стало получить полное доверие перса.

– Буду с нетерпением ждать вашего хазиначи³⁰, великий хан, – перс склонился в почти-тельном поклоне.

Ранг Андрея сразу же вырос до уровня великого хана. Умеют персы льстить, тут уж ничего не скажешь. Восток – дело тонкое.

– Хочу дать в спутники моих людей, посмотреть, как люди живут на Востоке, – Андрей не просил, он ставил условие.

– Как будет угодно господину. Но позвольте дать совет. Пусть ваши люди идут только со мной. Мой товарищ продаст ваших лошадей, и серебро будет доставлено вам или товары по вашему желанию. Так будет выгоднее вам. Дорога обходится страшно дорого. И пусть господин простит меня, но с неверных берут пошлину в десять долей из ста от стоимости проданных лошадей. С правоверных же лишь «закат», а это в четыре раза меньше.

– Хорошо, – согласился Андрей. – Завтра с первыми лучами солнца мои люди будут у тебя.

²⁸ Дирхем – арабская серебряная монета, стоимостью 1/10 динара.

²⁹ Хормуз – остров в Ормузском проливе.

³⁰ Хазиначи – казначей.

– Будем рады быть полезными князю, – купцы склонились в поклоне.

Еще бы, по заверениям Ивана Андреевича, зеркала тазики у себя на родине продадут минимум в десять раз дороже.

– Завтра мой человек принесет вам еще два зеркала, – на прощание сказал Андрей. – Спасибо за угощение. Кофе очень вкусный.

В доме князя этой ночью не спали. Иван Андреевич отправил гонца за верным человеком, когда приказчик прибыл в дом князя, все только его и ждали.

– Поедешь в дальние страны с тазиком, – начал инструктаж князь. – Меня интересуют цены на товары, разные товары. Особенно интересует оружие и доспехи. Все тщательно записывай. Возьмешь с собой тетрадей поболее. Вместе с тобой пойдет Фома. Он хоть и неграмотный, а присмотрит за тобой, воин Фома опытный.

– Вы только комоней выбирайте похуже, понравиться конь – сразу отберут. Придется тогда на осле ехать, – под громкий хохот собравшихся дал совет Иван Андреевич.

– Это как так отберут? – не поверил соглядатай князя.

Фома же предпочел дипломатично промолчать.

– Законы у них там такие. Православным нельзя на лошадях ездить, – уже серьезно сказал купец. – Серебра я вам в дорогу дам, пуда, я думаю, хватит. Все, собирайтесь в путь. Скоро рассвет.

Рано утром, едва взошло солнце, Андрея разбудил звон клинков. Андрей поднялся с мягкой перины, выглянул в окно и с удивлением разглядел во дворе яростно рубящихся на саблях и мечах ушкунников. Лука важно ходил между разбитыми на пары воинами и наблюдал за поединками. Парни отрабатывали бой один на один, двое против одного и трое против двоих. Андрей совсем забыл о данном себе обещании начать интенсивные тренировки. Жизнь в средневековой Руси требовала мастерского владения оружием, иначе риск быть убитым становился вполне реален. Бой с татарами показал, что уровень физической подготовки Андрея недостаточен по нынешним меркам. К броне привыкать нужно, чтобы не давила тяжестью на плечи. Неплохо бы еще овладеть техникой боевого топора и владения мечом. С такими мыслями Андрей вышел на крыльцо и потребовал принести ему саблю.

– Принеси любую из оружейной. Только живо! – грозно рыкнул невыспавшийся хозяин на парня.

Челядник стремглав бросился исполнять поручение и быстро вернулся, неся на вытянутых руках татарскую саблю.

– Как, князь, косточки разомнем? – Семен уже закончил бой, молниеносной атакой разбив защиту противника, и плашмя ударил по ноге и руке оплошавшего ушкуйника.

Судя по тому, как поморщился новгородец, досталось ему крепко.

– А давай, Сенька, поучишь меня, – Андрей взял в руки саблю.

Баланс у сабли неплохой. Лука понимал толк в оружии и отобрал для нужд княжьей дружины лучшие образцы из трофеев.

Атака Семена была стремительной, как молния. Андрей еле успел отпрыгнуть в сторону, уходя с линии атаки, и перешел к защите, даже не пытаясь контратаковать. Сенька саблей владел виртуозно. В технике Семена чувствовалась школа. Отец братьев – рубака еще тот – обучил мальцов сызмальства владеть оружием. Поединок затягивался. Семен после каждого стремительного выпада возвращался в исходную позицию и крутил мельницу. Татары так не бьются. Тут чувствовалась западная школа. Андрей выжидал, когда рука парня, находящаяся в постоянном напряжении, устанет, но Семен демонстрировал чудеса выносливости. Андрей попробовал атаковать, нанеся горизонтальный удар в правую часть живота противника, чуть ниже ребер и тут же занял исходную позицию, даже не пытаясь нанести повторный удар. Семен отреагировал не совсем обычно, нанеся рубящий вертикальный удар вниз, в центр головы князя. Андрей успел среагировать, изогнувшись всем корпусом назад, и тут же получил подножку и

растянулся на земле. Семен нанес колющий удар. Андрей перекатом ушел в сторону и в свою очередь подсек ударом ноги левую ногу Семена. Парень не удержался на ногах и свалился рядом с Андреем. Андрей, даже не пытаясь встать, изогнулся под немыслимым углом и приставил саблю к шее лежащего на земле парня.

– Ты убит, – произнес Андрей с довольным видом.

Князь поднялся и подал руку Семену, помогая тому встать на ноги. Парень выглядел ошарашенным. За десяток схваток, что он успел провести за утро, не проиграл ни одной – всегда выходил победителем. А тут такой конфуз...

Лука, внимательно следивший за поединком князя с парнишкой, поднялся с лавки, где обосновались вся старшина княжьей дружины, и повелительно махнул рукой. Против Андрея выступили сразу двое новгородцев, вооруженных короткими мечами и небольшими круглыми татарскими щитами.

Андрей не спешил атаковать, постоянно передвигался, стараясь поставить противников в неудобную позицию, когда действовать против князя мог только один, а второму приходилось выходить из-за спины товарища. Воины попались опытные и не давали князю такого шанса. Андрей натурально скакал, словно черт на сковородке. Бойцы умели работать в паре. Спасение для князя – только в быстроте передвижения. Андрей носился по двору, едва успевая уворачиваться от слаженных ударов новгородцев. Парировать удары мечей своей саблей Андрей не решался. Велик шанс, что клинок не выдержит и переломится. Будь бой настоящий, Андрей бы расправился с противниками, но в потешном бою боевым оружием можно покалечить противника или вовсе нанести смертельную рану. Приходилось осторожничать. Князь заплатился за это, получив удар по ноге. Разумеется, плашмя, но нога взорвалась вспыхнувшей болью.

– Хватит! – Лука Фомич прекратил схватку, и новгородцы отступили, дружно поклонившись князю.

– Ну что уставились? Живо продолжать! – повелительно крикнул Андрей на зевак, столпившихся на крыльце, и принялся рукавом рубахи вытирать застилавший глаза пот. – Теперь каждый день будете саблей махать – с утра и до забора! – Андрей не мог смириться с поражением и вымещал на зеваках досаду за проигрыш.

– Кхе... – Лука задумчиво чесал затылок.

– Что ты там кхекаешь? Тебя это тоже касается, – решительно заявил Андрей Луке. – Собирай всех. Сенька поучит твоих ушкуйников сабельному бою.

– Нам топорами да мечами сподручней, – Лука продолжал задумчиво чесать затылок, внимательно разглядывая носок своего сапога.

– Раз мечами владеете, то саблей махать живо научитесь, – настаивал князь.

После трех с лишним часов тренировок Андрей походил на выжатый лимон. Семен спуску не давал ни князю, ни Луке. Андрей не раз поблагодарил бабку за науку владения саблей. Умение это в прошлой жизни Андрея оставалось невостребованным, но Андрей продолжал поддерживать форму, посещая местную секцию саблистов. Техника Андрея отличалась от принятых в современном мире правил фехтования. Это и неудивительно. Откуда бабке родом из тринадцатого века было знать правила и приемы современного фехтования. Все ее умение было не в красоте и чистоте приемов, а в конкретном повреждении организма противника. Стараниями бабки Андрей владел целым набором подлых приемов. Вот теперь они пригодились! А в прошлом признанные мастера фехтования частенько пинали Андрею за несоблюдение правил поединков и применение приемов, направленных на конкретное членовредительство.

Отдохнув после тренировки и плотно перекусив чем бог послал, Андрей в сопровождении братьев отправился к кожевенным дел мастеру. Дом мастера нашли быстро. Братья знали дорогу и уверенно вели Андрея по кривым улочкам посада. Найти кожевенников на посаде

можно было по устойчивому запаху. Но местный народец словно не замечал витающие в воздухе запахи. Прохожие жались к заборам, пропуская кавалькаду.

Избы ремесленников, как и всяких людей, очень маленькие. Сначала Андрей удивлялся этому факту. Многие из мастеровых вполне зажиточные люди, леса вокруг много – бери да строй, а нет. Строились скромно из чистого рационализма. Большую избу отапливать зимой – дров не напасешься, и выстывает большая изба быстро.

Топили дома по-черному, то есть дым от печки поступал в избу. Профилактика, так сказать, санитарная обработка избы.

Семья кожевенных дел мастера проживала в обычном доме на окраине посада. Дом ни по внешнему виду, ни по внутренней планировке не отличался от сельских домов, которые Андрей успел изучить в свою бытность в Васькино. Изба кожевника, как все остальные дома в городе, имела двор, на котором размещались хозяйственные постройки и мастерская. Большую часть времени горожане проводили вне дома, ибо в избе царил полумрак. Небольшие волоковые оконца света давали чуть, а в зимнюю пору эти оконца закрывались деревянными дощечками для сохранения тепла в доме. Поэтому все домашние дела – ремонт домашней утвари, шитье, плетение из лыка – приходилось делать на свежем воздухе.

Размеры, конструкция дома говорили о социальном статусе хозяина. Мастерские побогаче, знатные люди, купцы оборудовали дома более вместительные и старались поднять кровлю повыше. Размеры каждого помещения в доме ограничивались длиной древесного ствола. Потому приходилось составлять конструкцию дома из нескольких срубов.

По наблюдениям Андрея, обычный резанский дом имел размеры не больше шестнадцати квадратных метров. На семью, состоящую из мужа, жены и двоих детей, приходилось по четыре квадратных метра. Этого хватало, чтобы устроить постель, поставить стол, лавки, сундук. Достаточно стесненные условия проживания, так что привычка к тесноте берет свое начало в седой древности. Но не эта привычка являлась причиной тесноты, а была она лишь следствием. Отапливать многокамерные помещения очень и очень затруднительно.

Кожевник был дома – работал во дворе, где стояли какие-то ящики, в которых лежали шкуры, присыпанные известью вперемешку с золой. На деревянных козлах разложены шкуры. Дети мастера, вооружившись железными стругами, отскабливали остатки мяса, жира и подкожной клетчатки с бычьей шкуры. Андрей уже обратил внимание, что большую часть времени мастеровой люд проводит вне дома, работая во дворе.

Мастер сидел за столом, на столешнице разбросаны куски кож и заготовка сапога, на полках лежали уже пошитые чеботы, ичиги, башмаки и черевички. Последние отличались особенно толстыми подошвами и носились в основном крестьянскими женщинами. Сапоги носили в основном люди зажиточные. Мастер, которого Кузька называл сапогошвец, был обыкновенным сапожником. Изготавливал обувь не только на заказ, но судя по количеству пошитой обуви, лежащей на полках, реализовывал свои изделия на городском торгу. Однако ни лавки, ни полулавки и даже шалаша не имел. Оно понятно, и так, помимо всяких разных налогов, ему еще приходилось платить татарский выход. Чан кожевенный приравнивался к сохе и облагался налогом в гривну серебром, а если еще шалаш поставить на торгу, то еще гривна будет. Проще так, на дому работать, а заказчик сам найдет мастера.

Он заказал пять кожанов, два для себя и по одному братьям. Давеча он увидел на одном боярском сыне такой кожаный кафтан и захотел иметь подобный. Мастер принял заказ к исполнению, предварительно долго торговавшись из-за цены. Князь уже привык к особенностям местной торговли, и запрашиваемая первоначально цена его больше не пугала. Он знал, что соглашаться на первую названную цену неразумно. Продавец скидывал в итоге половину цены, а то и две трети от первоначально названной. Ударили по рукам. Андрей выложил связку беличьих шкурок в качестве задатка.

Глава 6. Боярин Маслов

Через несколько дней после визита к резанскому князю у ворот усадьбы появились несколько всадников. Справились у челядника, дома ли хозяин. Андрей неспешно вышел встречать гостей на крыльцо. Всадники спешили перед воротами дома, Андрей кивнул слуге, чтобы тот принял лошадей.

– Будь здоров, князь, на многие лета, – вперед выступил здоровяк, несмотря на теплую погоду, в высокой бобровой шапке, в покрытой темно-красным шелком лисьей шубе. – От князя нашего я, боярин Константин Федорович Маслов, – с чувством собственного достоинства представился гость.

Из-за спины князя выпорхнула незамужняя Ульяна, поднесла чарку гостю. При приближении девушки спутники боярина чуть расступились. Андрей безошибочно узнал в них дворян боярина, чем больше свита, тем больше почета. Впрочем, среди вольных слуг могла затесаться парочка холопов, у состоятельных бояр холопы одеты очень богато, так сразу и не поймешь, кто стоит перед тобой.

– Эх, хороша, родимая! – боярин осушил чарку и крикнул от удовольствия, и непонятно было, кого он имеет в виду, то ли понравилось ему вино заморское, то ли девичья стать красавицы Ульянки.

– Будь желанным гостем, проходи в трапезную, подкрепишься с дороги, – князь вежливо пригласил боярина в дом, незаметно подавая знак Ульянке, чтобы скоренько собирала на стол.

Войдя в дом, боярин размашисто перекрестился на иконы в красном углу, расстегнул серебряную пряжку на зеленом шелковом поясе, украшенном четырьмя кисточками, скинул обшитую парчой шубу, подумав чуток, расстегнул шелковые петлицы на трех пуговицах, роль которых выполняли серебряные бляшки с инкрустированными в них изумрудами, и скинул на пол летнюю дорогильную ферязь в мелкую полоску. Подол ферязи искусно вышит кружевным узором «города». Оставшись в коротком, до колен, расшитом золотом темно-синем атласном кафтане с серебряным галуном и вошвами, украшенными затейливой вышивкой и с целой россыпью яхонтов. Вместо привычных Андрею пуговиц у кафтана дюжина грушевидных пуговиц из фатисов, искусно вставленных в серебряные гнезда с зубчатыми краями. На рукавах кафтана вместо пуговиц нашиты золотые гапелки³¹. На косолапых ногах боярина вместо привычных Андрею штанов красные шелковые порты, заправленные в высокие сапоги с кожаными тесемками. Сапоги не исключение – узоры в виде круга из нашитого жемчуга, в центре которого сверкает в золотом гнезде лал. Вокруг него в серебряных гнездах переливались на свету с полдюжины изумрудов. На макушке русой головы красовалась синяя атласная тафья³², обнизанная крупным жемчугом и еще украшенная серебряной запонкой с россыпью рубинов. В ухе сверкает крупным лалом серьга-одинец. Вот так, совсем простенько, можно сказать даже скромненько, так выглядел посланец великого князя, обычный резанский боярин.

«Нехилый прикид», – хмыкнул Андрей, бесцеремонно разглядывая своего гостя.

Примчавшиеся следом челядники приняли у боярина одежду. Гость с гордым видом вышагивал по комнате, внимательно осматривая помещение, изредка усмехаясь в бородавку. На вид ему было лет двадцать пять – тридцать. Росту боярин по местным меркам выше сред-

³¹ *Ферязь* – верхняя одежда длиною почти до лодыжек, без перехвата и воротника, с длинными суживающимися к запястьям рукавами. Застегивалась на пуговицы (от 3 до 10) с длинными петлицами или схватывалась на завязки. Шились на подкладке – летние и на меху – зимние. Безрукавые ферязи зимою поддевались под кафтан. *Города* – вышитый узор в виде сплошных зубцов или полукругов на краях кружев. *Галун* – узорчато-тканая тесьма или лента серебряная, золотая, или шелковая. Вошва – лоскут дорогой ткани, пришиваемый для украшения к другой ткани. *Фатисы* – драгоценный камень, употреблявшийся преимущественно на пуговицы. *Гапель* – бляшка с крючком для застегивания, застежка.

³² *Тафья* – шапочка, плотно закрывающая макушку головы.

него, с широкими плечами и узкой талией, волосы темно-русые, нос прямой, взгляд темно-серых глаз открытый, портрет довершала аккуратно подстриженная короткая борода с проседью. Знать в Резани длинных бород не носила, за короткими бородами тщательно ухаживали.

Константин Федорович остановился у окна, внимательно разглядывая хозяина дома. Оставшись доволен увиденным, пробасил:

– Великим князем нашим, Иваном Федоровичем, послан я к тебе. Вот ярлык – жалует тебя князь вотчиной, – вынув из рукава перевязанный тесемкой свиток с печатью великого князя, гость торжественно протянул его Андрею.

Андрей догадался сначала поклониться, прежде чем взять грамотку, чем вызвал легкую усмешку боярина.

– Проведал князь, что побил ты разбойников-татар, что зорили деревеньки княжеские на украине княжества. Полон ослобонил, вернул награбленное татарами! А ведь мог и не возвращать... – гость хитровато улыбнулся, подмигивая Андрею. – Что на меч взято – по праву твое. И что не хвалился победой – великий князь ценит. Посему владей землями, что ты защитил, со всеми деревеньками, пожнями и нивами, рыбными ловлями, бортями и звериным ловом.

– Благодарствую, – Андрей снова поклонился, принимая свиток. – Позволь спросить тебя, Константин Федорович, отчего ты грамоту назвал ярлыком?

– Что грамота, что ярлык – один черт, – боярин перекрестился, помянув нечистого. – Сколько лет с татарами живем, вот и перенимаем слова у них, а они у нас.

– Вот оно как... – Андрей искренне удивился, из школьной программы он помнил, что русские князья ездили в орду за ярлыком на великое княжение, но не ожидал, что ярлыком на самом деле называли любую грамотку.

– Ярлыком также называют любое послание хана, то бишь письмо, – продолжал тем временем боярин Маслов. – А все потому, что ханы ставят себя вровень с богом, и мы все для них, неважно, русские или татары, князья или мурзы, рабы хана. От того и общение царя с рабами может быть только в виде повелений хозяина своим рабам. Потому и зовут все ханские грамотки – ярлыками.

Боярин дождался, когда Ульяна накроет на стол пироги, без церемоний налил себе в чарку красного вина. Андрей не любил мед, раз попробовав русского национального напитка, он отдал предпочтение заморским винам. Вот и сейчас на столе стояли пара глиняных кувшинчиков с итальянскими винами. Через час собутельники, отринув условности, перешли в общении на ты:

– Ты вот мне скажи, боярин, когда в вотчину отправишься? Места там хорошие, но людишек – кот наплакал. Бегут православные, – сетовал изрядно подвыпивший Костя. – У меня вот тоже беда. Литва по весне набежала – людишек увели, усадьбу пожгли, скотину увели да порезали. Я по тому времени был в отъезде по делам князя нашего. В этом годе хлеба посеяли – чуть. Людишек меньше половины осталось – оброка будет совсем ничего.

Подперев рукой понурую голову, боярин Маслов как бы невзначай сказал:

– Вернуть бы людишек... Да укорот дать соседushкам. Как вышли мы из-под руки Литвы, так почитай сразу и начали набегать на наши земли литвины.

– Правильно, Костя. Укорот дать нужно нерусям! – поддакнул заплетающимся голосом Андрей.

– Да какие они неруси? – Костя сыто рыгнул, поглаживая живот. – Наши они, природные русаки. Только под Литвой ходят, – боярин тяжело вздохнул.

– Все равно, – с пьяным упрямством настаивал Андрей, – а назад не прибегут людишки твои? Не так уж и далеко Литовские земли от твоей вотчины.

– Да куда там... – помотал головой резанец. – Посадили людишек на землю уже давно. Дома пустующие дали али новые срубили. Землей наделили, скотиной. Им не все равно ли, под кем быть? Под резанским али литовским боярином. Главное, кто защиту дать может, тот

и хозяин. А оброк платить им без разницы кому. Эх, не сумел я защитить вотчину свою... Не сумел.

– Значит, если я наберу полон в землях литовских, – сделал предположение Андрей, – и посажу крестьян на своих землях, то они не побегут назад?

– А чего им бежать? Русины они и есть русины. Православные опять же. Если сможешь защиту дать от тех же татар, будут жить.

– Постой. Литва, значит, вся из русских состоит? – опешил Андрей.

– А то... Крестьяне, бояре, все наши – русаки природные. Кто сам под руку Литвы ушел, выехав вместе со двором своим, кто вместе с вотчинами перешел в Литву. Земли-то русские Литва прихапала. Не бросать же добро нажитое. И куда бежать? На Москву, что ли? – пожал плечами Константин Федорович. – Богатства на Москве сейчас не сыщешь.

– Получается, что тебя, Костя, пограбили свои же? – удивился Андрей.

– Да какие они свои... – собутыльник обреченно махнул рукой. – Каждый о своей выгоде печется, от того нет на Руси единства.

– Давай, Костя, еще по одной, за дружбу, – гостеприимный хозяин вновь наполнил чарки. – Друзьям надо помогать в беде, а если еще и прибыток от помощи той будет, то совсем лепо это! – он был не совсем уверен в правильности выбранного оборота речи, но, судя по повеселевшему лицу боярина, попал в точку и с оборотом, и со смыслом своих слов.

– Как обустроюсь в вотчине своей, так помогу тебе в твоей беде, – пообещал Андрей боярину. – Воздадим должное обидчикам твоим, боярин.

– Правильные слова сказываешь! Воздадим! – обрадовался Костя и тут же предложил: – Лучше после сбора урожая в набег идти.

– Это почему?

– Так хлеб... – удивился непониманию очевидного резанец. – И людишек возвернем, и хлеб заберем. Кормить людишек зимой придется, как без хлеба-то? Опять же по весне на семена дать... – рассуждал враз повеселевший Костя. – Я тем временем холопов новых наберу али слуг вольных найму. В той замятне, что князь Юрий с братичадом своим устроил, посекали мою дворню. Наш князь войско водил в помощь...

«Так, это интересно. Совсем забыл, что тут идет гражданская война. Значит, резанский князь участвует в сваре племянника с дядей. Как бы мне вызнать подробности? Не ровен час – попаду в историю», – озаботился Андрей.

– А из-за чего сыр-бор?

– Как ты сказал? Сыр-бор? Занятно. А вышло все так... По смерти князя нашего Олега рухнули все надежды на единство Резанских земель. В удельном Пронске, в ту пору на столе сидел князь Иван Владимирович Пронский³³. По смерти отца своего по малолетству делил он наследство отцово с братьями, но набрал силу и стал княжить самовластно. Перестал признавать старшинство князя резанского Федора Ольговича³⁴. А ведь на великое княжение резанское Федора Ольговича посадил сам хан Шадибек³⁵.

– Постой, – перебил боярина Андрей. – Резань тут при чем, я же про Москву спрашиваю.

³³ Иван Владимирович Пронский – князь Пронский и Рязанский.

³⁴ Федор Ольгович (ум. 1427) – великий князь Рязанский (1402–1427), сын великого князя Рязанского Олега Ивановича. Женат на княжне Софье, дочери Дмитрия Донского.

³⁵ Шадибек – хан Золотой Орды (1399–1407). Был сыном хана Кутлуга. На ханский престол взойшел в качестве ставленника эмира Эдигея после смерти Тимур-Кутлуга. Шадибек не вмешивался в дела царствования, предаваясь развлечениям и удовольствиям. Благодаря этому фактически всю власть в государстве захватил темник Едигей, установивший свои порядки в Золотой Орде. Недовольный сложившейся обстановкой Шадибек поднял борьбу против Эдигея, в которой победил последний. Шадибек бежал в Дербент, найдя убежище у эмира Дербента шейха Ибрахима. На просьбы послов Эдигея выдать темнику Шадибека шейх Ибрахим ответил отказом. Находясь в Дербенте, Шадибек продолжал считать себя законным правителем Золотой Орды, о чём свидетельствуют выпущенные им на Кавказе монеты.

– А притом, что незадолго до этого выдал князь Федор свою дочь за князя Ивана Владимировича³⁶, сына Храброго.

– И что с того? – не унимался Андрей.

– А то! По dokonчанию признавал резанский князь Федор московского князя Василия Дмитриевича³⁷ старшим братом, а его дядьку Владимира Андреевича³⁸ и князя Юрия Дмитриевича³⁹ равными братьями. И по dokonчанию целовал крест быть заодно с московским князем, не задирать татар, тьфу ты, прости меня господи, не ездить в Орду и не принимать послов татарских. Взамен же московский князь обещал защиту своему родственнику. А за это правда отписал себе земли, отнятые нами в Мещерском юрте, и посадил там своего наместника.

По уговору судить-рядить обиды между нашим князем и пронскими княжатами должен был митрополит, а ежели князь Пронский учинит обиду и не возвернет обидное, то великий князь Василий Дмитриевич заставит его исправиться.

– Все понял я, – такие отношения были Андрею знакомы. – Московский князь типа крышует резанского князя. То есть выступает в спорах как третейский судья.

– Не ведаю, что ты там говорить изволишь. Не понятны мне сии слова, боярин. Но да ладно. Еще обязался наш князь помириться с князьями Новосильским и Тарусским, ибо держали те руку московского князя, а вот мириться с Литвой наш князь мог не иначе, как обговорив все с московским князем.

– Хорошенький договор заключил князь... Вы же по сути попали в зависимость от Москвы!

– А что делать было? – пожал плечами Костя. – Людишек в княжестве – кот наплакал. С Литвой в ссоре, с Новосильским и Тарусским князьями в ссоре. А главное – выход ордынский задолжали за несколько лет. Тридцать тысяч рублей задолжала Резань выхода. Бояре стали отъезжать, кто на Москву, кто на Литву. Смерды и те побегли из княжества, а Московский и Тверской князья тому и рады. Переманивали смердов, обещали льготы аж на двадцать лет дать крестьянам. Землю щедро раздавали переметнувшимся к ним боярам.

Только с Литвой замирились, как князь Иван Пронский опять за старое взялся, сбегал в Орду и воротился с ярлыком на великое княжение от хана Булата⁴⁰ да еще с послом ханским, а следом за ними рать шла татарская, что дал в помощь Пронскому князю ордынский хан.

Судя по пространному повествованию боярина, московские дела были малоинтересны резанцу и рассматривались им только через призму интересов Резанского княжества.

– Я сам-то в те годы мальцом был еще, – продолжил повествование боярин. – Но отец сказывал, что обрушился князь Иван Пронский на князя Федора Ольговича всей силою татарскою. Князь наш бежал за Оку. К чести князя московского, он остался верен своему слову и дал войско, послав своих воевод. На реке Смежде сеча была великая. Татары разбили московскую рать. Коломенский воевода Игнатий Жеребцов был зарублен татарским мурзой, а муромский

³⁶ *Иван Владимирович* (1381–1422) – серпуховской князь, старший сын Владимира Андреевича Храброго и княгини Елены Ольгердовны, дочери великого князя Литовского Ольгерда Гедиминовича, правнук Ивана Калиты.

³⁷ *Василий Дмитриевич* (30 декабря 1371 – 27 февраля 1425) – великий князь московский и владимирский с 1389 года, старший сын Дмитрия Ивановича Донского и великой княгини Евдокии, дочери великого князя нижегородско-суздальского Дмитрия Константиновича. Был женат на Софье – единственной дочери великого князя литовского Витовта.

³⁸ *Владимир Андреевич Храбрый, Донской* (15 июля 1353–1410) – удельный князь Серпуховской (1358–1410), Боровский (1378–1410) и Углицкий (1405–1410), русский полководец, прозванный Храбрым, а после Куликовской битвы – Донским, младший сын князя Андрея Ивановича Серпуховского. Внук Великого князя Московского Ивана I Калиты.

³⁹ *Юрий Дмитриевич* (26 ноября 1374 – 5 июня 1434) – Звенигородский и Галицкий князь (с 1389), сын Дмитрия Донского, великий князь Московский в 1433 и 1434.

⁴⁰ *Булат* – имеется в виду хан Золотой Орды – Пулад (1407–1410), сын хана Шадибека, возведенный на сарайский престол эмиром Эдигеем (Идигу). В этом году царь Булат-Салтан воевал Литву, и междоусобная смута в Рязанском княжестве ему была выгодна. Наибольшую опасность для Булата представляли сыновья Тохтамыша, нашедшие убежище у московского государя, а так как рязанский князь связан договором с московским государем, то вполне естественно желание Булата поставить на Рязани своего ставленника.

воевода Семен Жериславич попал в плен к бесерменам. Но, слава богу, все обошлось. Пронский князь не стал заирать Москву, как татары возвратились назад, так полюбовно и решили дело с нашим князем. Оставил резанский стол Иван Пронский князю Федору, так приговорил митрополит и московский князь.

По смерти великого князя на Резанском столе вокняжил сын его, Иван Федорович, наш нынешний князь. Было это лет семь назад. А за пару лет до этого преставился великий князь Московский Василий Дмитриевич. Он сына своего малолетнего поручил опекунам: жене – дочери Витовта, тестю своему, Витовту⁴¹ значит, а также князьям Андрею⁴² и Петру⁴³ Дмитриевичам – братьям своим, и детям князя Серпуховского – Семену и Ярославу. Эти два князя по завещании отца своего, князя Владимира Андреевича Серпуховского⁴⁴, владели Серпуховом, Боровском, Радонежем, Угличем и Городцом, что на Волге.

Но власть взяла в свои руки княгиня Софья Витовтовна, а поддержал ее митрополит и боярин Всеволожский. В ночь смерти великого князя, митрополит, сказывают злые языки, послал боярина Акинфа Ослябиева – родича Осляби, что отличился на Куликовом поле, к князю Юрию Дмитриевичу, чтобы тот пришел на Москву не мешкая и присягнул малому Василию. Говорят, что дед юного княжича, старый Витовт, заставил царя Ордынского Махметку⁴⁵ ярлык дать на княжение своему внуку, только год в ярлыке не вписан был.

Князь Юрий в пути уже вызнал про ярлык, заподозрил неладное и воротился. И предъявил свои права на великокняжеский стол. Князь Юрий, муж годами зрелый, стяжал за свою жизнь славу воинскую победителя татар. Ходил на Казань и Булгар да на Руси повоевал он немало. К тому времени сыновья его вошли в силу, у него их четверо: Василий⁴⁶, Дмитрий Большой⁴⁷, Дмитрий Меньшой⁴⁸, и Иван⁴⁹, – перечислил княжичей боярин. – Васька с Дмитрием Большим, его еще Шемякой кличут, уже тогда отцу в затылок дышали. Разное говорят про то, не знаешь чему и верить. Но решение приняли они всем миром, всей землей. Послал

⁴¹ *Витовт* (1350 – 27 октября 1430) – великий князь литовский с 1392 года. Сын Кейстута, племянник Ольгерда и двоюродный брат Ягайло. Князь Гродненский в 1370–1382 годах, Луцкий в 1387–1389 годах, Троцкий в 1382–1413 годах. Провозглашённый король гуситов. Один из наиболее известных правителей Великого княжества Литовского, ещё при жизни прозванный Великим.

⁴² *Андрей Дмитриевич Можайский* (1382–1432) – третий сын великого князя Московского и Владимирского Дмитрия Ивановича Донского и суздальской княгини Евдокии Дмитриевны. Князь Можайский и Верейский в 1389–1432 гг. Родоначальник Можайских князей. Погребен в Москве, в Архангельском соборе. Удел его составляли: Можайск, Верей, Медынь, Калуга, Белозерск. Был на протяжении своей жизни верным союзником своего старшего брата Василия, а затем и племянника – Василия Темного.

⁴³ *Петр Дмитриевич* (1385–1428) – князь Дмитровский с 1389, Углицкий (1389–1405), сын Дмитрия Донского и великой княгини Евдокии, дочери великого князя Суздальско-Нижегородского Дмитрия Константиновича.

⁴⁴ *Владимир Андреевич Серпуховский* – он же Владимир Андреевич Храбрый.

⁴⁵ *Улу-Мухаммед* – хан Золотой Орды, внук Тохтамыша. В 1419–1423 гг. вёл упорную борьбу за владение Узбекским улусом. Потерпев поражение, бежал в 1423 г. в Болгарию Волжско-Камскую. С 1426 г. с помощью великого князя Литвы Витовта вернул золотоордынский престол. Распространив свою власть на Крым, установил дружественные отношения с турецким султаном Мурадом II. Из-за междоусобной борьбы в 1437 г. был вынужден бежать в г. Белев. В 1438 г. со своей ордой переселился на среднюю Волгу и, подчинив часть населения Болгарии Волжско-Камской, основал Казанское ханство. Совершил ряд походов против русских княжеств (на Москву – 1439, Муром, Рязань и Суздаль – 1444–1445). В 1445 г. пленил московского великого князя Василия II.

⁴⁶ *Василий Юрьевич Косой* – князь Звенигородский (1421–1448), великий князь Московский (1434), старший из четырёх сыновей великого князя Юрия Дмитриевича.

⁴⁷ *Дмитрий Юрьевич Шемяка (Большой)* – великий князь Московский, а также князь Угличский, князь Галицкий; сын Великого князя Московского Юрия Дмитриевича и княгини Анастасии Юрьевны, дочери последнего великого князя Смоленского Юрия Святославича.

⁴⁸ *Дмитрий Юрьевич Красный (Меньшой)* – младший сын великого князя Юрия Дмитриевича и княгини Анастасии Юрьевны Смоленской, внук великого князя Дмитрия Донского и Евдокии Дмитриевны (Евфросинии Московской).

⁴⁹ *Иван Юрьевич* – сын великого князя Юрия Дмитриевича, скончался в монашестве в 1432 г.

вестников князь Юрий по отчине своей – собирать людей охочих. Да, дело— то небыстрое, а пока княгиня Софья с князем Юрием сговорились перемирие держать до Петрова дня⁵⁰ значит.

Князь Василий с матерью времени не терял даром, тоже готовился. Изгоя, дядьку своего, князя Константина⁵¹, пожаловал уделом, отдав ему Ржеву. Князю Петру Дмитриевичу пожаловал волости Шагебал и Ликурги. Заручившись их поддержкой, он с дядьками своими и воинством московским двинулся на Кострому.

Послухи предупредили Юрия, и он бежал в Нижний. В погоню за ним отправили его брата, князя Андрея. Опять же иные людишки плетут невесть что... Будто бы князь Андрей не дошел до брата и вернулся, имея тайный сговор с ним. Нам то неизвестно. Да и без разницы сие.

Митрополит Фотий мотался туда-сюда, пытаясь примирить Юрия с братичадом. Юрий просил перемирия. А тем временем пришел ответ от Витовта.

– Постой, – перебил Андрей рассказчика. – Витовт тут каким боком затесался?

– Что тут непонятного? Али забыл, кому поручил покойный князь чадо свое? Слушай дальше, – боярин двумя большими глотками осушил очередной кубок с вином, потянулся за пирогом с зайчатиной, день-то непостный, скоромное кушать можно. Откусил. Тщательно прожевал и вновь ухватился за заботливо наполненный Андреем оловянный кубок. – Юрий муж умный, быстро смекнул, что Василий занял великокняжеский стол без дозволения хана, и тянул время – собирал войска, а сам грамотки отписывал в Орду.

– Это-то откуда известно?

– Шила в мешке не утаишь. Митрополит торопился решить дело миром и по— скорому, покуда не вмешался царь. Очень не хотелось ему ордынцев вмешивать, тем паче что следом за ярлыком ханским придет татарская рать. По нашей земле, заметь, придет, через Резанское княжество...

– Так вот почему ты все знаешь! – догадался Андрей. – Следили за соседями?

– Послухи есть везде и у всех. Есть они и у нашего князя, и бояр больших. Ты вот не успел объявиться тут, а, поди ж, на Москве уже знают о тебе... Так-о. Но слушай дальше.

Бог, видя такое, послал кару на города русские – Галич и другие города. Может быть, кары небесной испугались князья, а может, что другое, но договорились они решить дело миром, отдавшись на волю хана. Мор отступил поначалу, но на Ильин день⁵² вернулся пуще прежнего. Многие князья умерли в том годе. Великий князь Тверской Иван Михайлович⁵³, следом за ним его сын Александр, а ваккурат на Юрьев день внук Юрий, – старательно загибая пальцы продолжал перечислять Костя имена умерших от мора князей. – Князь Иван Васильевич Ярославский, князья Андрей Меньшой, Семен и Ярослав⁵⁴ Владимировичи как раз по осени пре-

⁵⁰ *День Петра-рыболова* – праздник св. апостолов Петра и Павла – отмечался 12 июля по старому стилю.

⁵¹ *Константин Дмитриевич* (1389–1434) – князь Углицкий (1427–1433). Самый младший (восьмой) сын Дмитрия Донского. Родился 14 или 15 мая 1389 года (за четыре или за пять дней до смерти отца, случившейся 19 мая). Согласно завещанию отца на случай, если родится сын, его братья выделяют ему небольшие части из своих уделов. Удел Константина много раз менялся в результате переделов между братьями, пока, наконец, за ним не утвердился Углич.

⁵² *Ильин день* – традиционный народный праздник у восточных и южных славян, приуроченный к церковному дню памяти пророка Илии, одного из наиболее чтимых на Руси святых. Отмечается 2 августа (20 июля по старому стилю).

⁵³ *Иван Михайлович* – великий князь Тверской (1399–1425). Женат на дочери великого князя литовского Кейсута, великий князь Литовский и Русский Витовт приходился Ивану Михайловичу Тверскому шурином, то есть братом жены.

⁵⁴ *Александр Иванович* – великий князь Тверской с 22 мая по 26 октября 1425 года. Юрьев день – славянский народный праздник, приуроченный к церковным дням памяти св. Георгия Победоносца. Отмечаются весенний (тёплый) 23 апреля по старому стилю и осенний (холодный) 26 ноября по старому стилю. Юрий Александрович – великий князь Тверской с 25 октября по 26 ноября 1425 года. Иван Васильевич Большой – Ярославский князь (1380–1426). После его смерти управление княжеством же перешло к его брату Фёдору. Андрей Владимирович Меньшой (примерно 1380-е гг. – 1426) – князь Серпуховской (1422–1426), Радонежский (1410–1426), Боровский (1410–1426), третий сын Владимира Андреевича Храброго. Симеон (Семён) Владимирович (примерно 1380-е гг. – 1426) – князь Боровский с 1410 года и Серпуховской с 1422 года, второй сын Владимира Андреевича Храброго и княжны Елены Ольгердовны, дочери великого князя Литовского Ольгерда Гедиминовича. Жена: с 1404 года дочь князя Новосильского Семена Романовича, княжна Василиса (умерла осенью 1426 года). Ярослав (Афанасий) Владимирович (18 января 1388/1389 – 16 августа 1426) – (удельный) князь Малоярославецкий

ставились. А бояр умерло – не счесть... Да вот еще на следующий год от мора умер последний сын Серпуховского князя Владимира Андреевича – князь Василий⁵⁵. В живых остался лишь один из всего рода – внук Владимира Андреевича, князь Василий Ярославич⁵⁶. Так, княгиня Софья Витовтовна, от имени сына своего, князя Василия пользуясь малолетством юного княжича, отняла большую часть удела его деда. По наущению матери, князь Василий забрал себе Городец на Волге, сманивая на те земли людишек суздальских князей.

Углич юный князь отдал своему дядьке, Константину Дмитриевичу, – боярин замолчал, словно собираясь с мыслями.

Андрей воспользовался паузой и вновь подлил вина в кубки. В трапезную, плавно покачивая бедрами, вплыла Ульяна, следом за ней Лукерья. Последовала очередная перемена блюд, и на столе появился непочатые кувшинчики вина взамен опустошенных собутыльниками.

– Случилась в том годе другая напасть, – промочив горло, продолжил рассказывать боярин. – Витовт ратью пошел воевать Псковские земли. Москва не могла оказать помощь Пскову. Да и не стал бы внук идти против деда, мать не позволила ему. Новгородцы посла псковским указали на дверь. Рать Витовта взяла в крепкую осаду Опочку. Два дня осаждали крепость. Татары, которых привел с собой Витовт, тем времени разоряли окрестные земли.

– Татары откуда там взялись? Далековато ведь от Орды до Пскова?

– Витовт старый хитрован. Кого в той рати только не было! И русские, и литвины, и татары друга Витовта хана Махмедки. Его как раз свергли в очередной раз в Орде, так он к Витовту убежал искать спасения. Вот Витовт и позвал хана с собой в поход на Псков. Витовт сам-то двинулся на Воронеж и застрял там на три седмицы. А тем временем под Котельно псковичи разбили Литву. Сразу же замирились. Псковичи обещали тысячу рублей выплатить Витовту. Взамен Витовт должен был отпустить пленных.

В крещение псковичи с боярами московскими привезли казну. Деньги Витовт взял, но пленных не отпустил, требуя всего откупа сразу. Просил-то литовский князь три тысячи рублей еще сверх того, что привезли послы. Делать нечего, привезли еще полтысячи рублей, а Витовту все мало.

Сам митрополит приехал замирать Псков с Литвой. Москва тогда качнулась под руку Литвы, и митрополит уговаривал псковичей заплатить, сколько просит Витовт. Опасаясь, что Литовский князь двинет рать на Москву, на помощь внуку, князь Юрий предпочел отдаться на милость хана. А что ему оставалось делать? Резань наша следом за Москвой ушла под руку Литвы. Даже пронский князь крест целовал Витовту. Если бы князь Юрий выступил противу братичада, Витовт разбил бы Юрия и уже не выпустил бы из своих лап русские земли. Орда потому и казалась предпочтительней, что сохраняла самостоятельность земель русских. Не всех, конечно, но Москва сохраняла самостоятельность. Почти...

(боровско-ярославский) (1410–1426), сын Владимира Андреевича Храброго, князя Серпуховского, Боровского и Угличского и княгини Елены, дочери Великого князя Литовского Ольгерда Гедиминовича, правнук Ивана Калиты. В 1408 году он женился на Анне, дочери Семёна Васильевича, князя Новленского, и прожил с нею три года (она умерла в 1411 году). Во втором браке с Марьей Фёдоровной Кошкиной-Голтыевой. Во втором браке имел трёх детей: сына Василия Ярославича, ставшего князем Серпуховско-Боровским и двух дочерей: Марию, ставшую супругой великого князя Московского Василия Темного, Елену – ставшую супругой Михаила Андреевича Верейского.

⁵⁵ *Василий Владимирович* (9 июля 1394–1427) – удельный князь Перемышльский и Угличский (1410–1427). Самый младший, седьмой сын Владимира Андреевича Храброго. Родился 9 июля 1394 года. От отца унаследовал Перемышль и Углич.

⁵⁶ *Василий Ярославич* (ум. 1483) – удельный князь Серпуховско-Боровский (1427–1456), Дмитровский (1447–1453) и Звенигородский (1453–1456) сын князя Ярослава (Афанасия) Владимировича и Марьи Федоровны Кошкиной-Голтыевой, внук Владимира Андреевича Храброго. Василий Ярославич объединил в своих руках почти весь удел своего деда Владимира Андреевича Храброго. Василий Ярославич стал в 1433 году шурином великого князя Московского Василия II Васильевича, когда последний женился на сестре Василия Ярославовича, Марии Ярославне. В это же время между ними был заключен договор и в соответствии с договоренностью, Василий Ярославович всегда был на стороне великого князя Московского и оставался верным договору, даже в трудные периоды его жизни Василий Ярославич всегда оставался его верным союзником.

– Костя, а Резань почему под Литву пошла? – от всех имен князей у Андрея голова шла кругом, но он уяснил главное: шла нешуточная борьба между претендентами на великокняжеский стол, которой пользовались иностранные державы, чтобы оттяпать у русских княжеств лакомые кусочки. И эта борьба отражалась на всех соседних княжествах: Тверском, Резанском и других.

– Я же сказывал уже. Людишек мало. На войско опять же серебро нужно, тех же пешцев вооружить – сколько оружия и броней надо! Крепости держать, тоже деньги немалые нужны. А где их взять? Торговля, конечно, дает прибыль, но малый. Купцы-то по Клязьме все больше на Волгу идут. Минуя нас.

Через два года Витовт ездил в Новгород, а там знатные мужи обиду ему учинили великую, назвали его изменником и пообещали наварить медов для него и его рати, если не сгинут они по пути в лесах и болотах.

Витовт хоть и был уже немолод, но собрал рать великую и летом двинул через Черный лес прямо на Порхов, взяв по пути Сабез. С ним шла тверская рать, наш князь тоже уговор имел с Витовтом, мы тоже ходили с Литвой. Пронский князь Иван Владимирович и тот дружину посылал на помощь Витовту.

В ту пору начальственными мужьями в Порхове были посадник Григорий Кириллович Посахно и честен муж Исаак Борецкий и епископ Ефимий. Они дали литвинам откупа пять тысяч рублей. Новгородцы добавили, не с руки им воевать было. Всего же от Витовта откупилась за десять тысяч рублей новгородских. Да сверх того тысячу окупа отдали за полоненных под Котельно. На пяти телегах везли откуп, столь велик он был: пятьдесят пять пудов серебра отдали новгородцы за обиду, учиненную Витовту. Тяжко стало новгородской земле, собирали тот откуп по всей земле новгородской: по рублю с десяти человек брали.

В ту пору татары чинили разор земле русской, грабили украинные земли. Большой полон увели бесермены. Царевич татарский Махмут-Ходя опустошил Галич, Кострому, Плесо и Луг. Правда, сам Галич татары не смогли взять. Дружинники князя нашего настигли татар, и была сеча. Отняли мы у татар добро и полон освободили. А воеводы наши и дядья московского князя с боярином Всеволожским ходили за татарским царевичем до самого Нижнего.

– Ты что, там был? – Андрей искренне удивился обстоятельности рассказа.

– Да почитай все бояре резанские были в той рати. Да дружины московские. Только мы опосля отстали от москвичей и подловили задний отряд татарский и разбили татар наголову. А лета четыре назад татарский царевич Айдар воевал Литовскую Русь. Верст восемьдесят не дошли татары до Киева.

В тот же год Москва воевала болгар на Волге и Каме. Огромный полон взял воевода князь Палецкий Федор Давидович Пестрый⁵⁷.

Тем временем великий князь Василий отправился в Орду в улус даруга⁵⁸ московского Булата, который был лучшим другом Василия. Вскоре в Орде князь Юрий объявился. Боярин московский Всеволожский задумал выдать свою дочь за великого князя и всячески помогал ему получить ярлык на княжение.

– Да ну? – очень удивился Андрей – Дочь боярская замуж за великого князя?

⁵⁷ *Фёдор Давыдович Пёстрый, князь Палецкий* – один из последних владетельных стародубских князей, перешедших на службу в Москву, старший из четверых сыновей удельного князя Стародубского Давыда Андреевича Палицы, Рюрикович.

⁵⁸ *Даруга* – чиновник у монголов. Название это происходит от монгольского глагола даруху – давить в смысле прикладывать печать. Отсюда Д. значит чиновник, прикладывающий печать, что по-тюркски передавалось, словом баскак. Даруги у монголов управляли завоеванными провинциями в звании наместников (поэтому Гулагиды в Персии называли себя на монетах даругами); но, кажется, главным назначением их был сбор дани. Так, в 1223 г. Чингисхан с этой целью отправил даруг в завоеванные страны. В этом значении даруги привились и у нас. Иоанн Грозный посылал Д., сборщика дани, в Сибирь. Теперь в Персии Д. – базарный полицеймейстер или низший полицейский чиновник.

– Дело обычное. Старшая дочь князя Ивана Всеволожского уже к тому году была уже замужем за князем Андреем Владимировичем Радонежским. Род Всеволожских знатен, сами-то они из Смоленских князей.

– И что, получилось?

– Да куда там. Но ярлык на великое княжение князь Василий получил. А Юрию отдали Дмитров – удел умершего князя Петра Дмитриевича.

– Это чтобы обиды не было князю Юрию? – решил уточнить Андрей.

– Ты что? Какое дело хану до обиды Юрия? Это Мурза Тигиня⁵⁹, из рода ширинов, выпросил удел для Юрия. В ту пору в Орде заматня вновь случилась. Сразу три царя на Орде было. Монгольский царь Кичим-Махмет⁶⁰ восстал против хана Махмета. Иные царевичи тоже своевольничали. Тот же монгольский царевич Айдар воевал Литовскую Русь без воли хана Махмета. Такие вот дела в Орде были...

Вернувшись из Орды, молодой княжич был посажен Улан-царевичем на стол великокняжеский в Москве. Юрий посидел-посидел немного в Дмитрове, да и съехал. Как не стало князя Юрия в Дмитрове, так мать Василия повелела наместников Звенигородского князя из Дмитрова выгнать и забрала удел под руку сына своего.

– Василий действительно взял в жены дочь боярина своего? – Андрей был уже прилично пьян и ему было без разницы, кто кого выгнал, а вот любовная тема князя заинтересовала, вдруг приспичит жениться. Хотя любовью, похоже, тут и не пахло совсем. Голимый прагматизм.

– Куда там. Он во всем мать слушается, а мать его против встала. Боярину Всеволожскому отказали. В жены сыну княгиня выбрала Марию, сестру Серпуховского князя Василия Ярославовича, внучку Владимира Андреевича Храброго.

– Всеволожские значит худародными оказались?

– Да ты что? Очень знатный род Всеволожские! Сам-то боярин Иван женат на дочери Микулы Васильевича из рода тысяцких Протасевичей. Старшую дочь боярин выдал за ноне покойного князя Андрея Владимировича Радонежского. Вторую дочь отдал за Тверского великого князя Юрия Ивановича, он, правда, лет десять как уже помер. Внука боярина Ивана, дочь князя Андрея Радонежского обручена с князем Василием Юрьевичем.

– Это что за князь? – Андрей уже с трудом разбирался в хитросплетениях родственных связей князей и бояр.

– Сын князя Звенигородского и Галицкого Юрия Дмитриевича, – после минутного молчания Костя наконец сообразил, что он сам уже начал путаться, перескакивая с одного на другое. – Так ежели бы сумел выдать боярин Всеволожский дочь за князя Василия Васильевича, великую силу взял бы боярин Иван. При любом раскладе: что Василий, что Юрий, боярину Ивану все едино, такой уж он хитрован, везде свою выгоду найдет боярин. Поговаривают, что сватал Иван Дмитриевич свою дочь за князя Юрия, когда в Орде они были. Иные люди говорят, что Юрий отказал боярину, тогда в отместку Всеволожский раздобыл ярлык на великое княжение для князя Василия. А взамен потребовал породниться, мать Василия, Софья Витовтовна, согласилась, лишь бы ярлык заполучить, а потом уже отказала. Такие вот дела.

– И что Всеволожский?

– От обиды великой он отъехал к князю Юрию Дмитриевичу, стал подбивать князя поскорее начать войну против князя Василия.

– Бежал, что ли?

– Отъехал. В своем праве боярин был.

⁵⁹ *Тегиня, мурза* – скорее всего это один из сыновей эмира Эдигея (Идигу).

⁶⁰ *Кичим-Махмед* – фактический последний хан Золотой Орды в 1428 году и 1432–1459 годах, сын Тимур-Хана. Захватил власть в Золотой Орде у своего тезки. Чтобы избежать путаницы, прозвали предшественника правителя Орды Улу-Мухаммед (то есть «старший Мухаммед»), а его конкурента Кичи-Мухаммед, то есть младший.

– Все бросил и отъехал? – не поверил Андрей.

– Ничего он не бросил. Отчина его за ним осталась, по праву, только государь московский древние права бояр своих нарушает, отбирает вотчины у отъехавших.

– О как!

– Так от дедов нам завещано. Многие бояре, имея отчины в Резанском княжестве, служат московскому князю, а раньше и Витовту служили.

– Ну и бардак у вас тут!

– Я тебе говорю, от дедов сей порядок идет, и не нам его менять.

– А почему Тверь помогала Витовту?

– Сильна Литва. Новгород обиды чинит тверскому князю. Совсем недавно Свидригайло⁶¹, ставший по смерти Витовта великим князем Литовским, женился на дочери тверского князя Ивана Ивановича. Мать литовского князя опять же из тверских княжен будет. Потому Тверь Литве помогает. Литва мир с Новгородом заключила, с псковичами тож, с ханом Махметкой. Прусы в союзе с Литвой, Тверь тем паче в крепкой дружбе с Литвой.

Свидригайло побратим князя Юрия Дмитриевича, – вдруг вспомнил боярин Маслов. – А у царевича Айдара особые счеты с литовскими княжатами, вот потому Айдар нашептывал хану Махмету не давать князю Юрию ярлык на великое княжение.

Василий к тому времени подмял под себя серпуховского князя Василия Ярославича. Не устоять было серпуховскому князю, нет, не устоять. Как тут устоишь, когда Василия поддерживали дядька князя Василия, Угличский князь Константин Дмитриевич и шурин со свояком, князь Можайский и Верейско-Белозерский. Нашего князя московский князь тоже подмял под себя. Взамен наш великий князь Резанский Иван Федорович получил военную поддержку против Кичим-хана. Этот хан враг Махметки, ну царя Ордынского, Улу-Мухаммеда, – пояснил Костя, видя, что Андрей его не понял.

– На свадьбе князя Московского по зиме в прошлом году случилась обида великая князю Юрию Дмитриевичу. Мать Василия, зело противная женщина, измыслила пакость изрядную. Князь Юрий как чуял, на свадьбу к братичаду не поехал, а были там два его сына, князь Василий и князь Дмитрий Большой. Там, на свадьбе, князя Василия Юрьевича обвинил боярин Кошкин⁶², что пояс у княжича краденый.

– Такое могло быть на самом деле? – Андрей помнил эту историю из школьного учебника, но теперь ему представилась возможность узнать, как все было на самом деле.

– Нет, конечно. Врут все. Якобы пояс тот подарен был нижегородским князем Дмитрием⁶³ князю Дмитрию Донскому, а тысяцкий Василий⁶⁴, ну из рода Протасевичей, подменил пояс на меньший, а потом украденный пояс перешел к Микуле, сыну тысяцкого Василия. Микула же был женат на дочери князя Дмитрия Константиновича. Микула дал этот пояс в приданое Ивану Всеволожскому. По смерти князя Андрея Радонежского и по возвращении из Орды лета два назад Всеволожский обручил свою внучку, дочь князя Андрея Радонежского с Василием, сыном князя Юрия, – боярин Маслов очень старался объяснять так, чтобы собеседник не запутался в именах князей и бояр. – Так вот, в качестве приданого дал Всеволожский тот пояс Василию Юрьевичу. Вот так измыслили лжу.

⁶¹ *Свидригайло* – великий князь Литовский (1430–1432). Сын Ольгерда от его второй жены, тверской княжны Ульяны, младший брат Ягайло. В 1432 году Свидригайло был свергнут с трона Сигизмундом Кейстutowичем. Однако Свидригайло получил поддержку части православных князей. В Полоцке в 1432 году он был посажен на «великое княжение русское». Началась гражданская война. В решающей битве у Вилькомира в 1435 году Свидригайло потерпел поражение. Также неудачными для него оказались военные столкновения 1437 и 1440 годов.

⁶² *Кошкин Захарий Иванович* – младший из четырех сыновей Ивана Федоровича Кошкина, московский боярин.

⁶³ *Дмитрий Константинович* – князь Суздальский с 1356 г., великий князь Суздальско-Нижегородский с 1365 г. В 1360–1363 гг. – великий князь Владимирский. Тесть Дмитрия Донского.

⁶⁴ *Василий Васильевич Вельяминов* (? – 1374) – боярин, московский тысяцкий в 1357–1374 гг.

– Значит, это неправда? Ты точно знаешь? – Андрею представилась уникальная возможность узнать правду о трагедии, разыгравшейся на той злополучной свадьбе.

– Мне ли не знать? Боярин Кошкин мне родня. Он и сказывал, как дело было. Старая карга сорвала пояс с князя Василия и такой шум подняла... – боярин опять промочил горло очередной чаркой вина и продолжил рассказ. – Братья уехали быстро. Сгоряча по дороге пограбили Ярославль, отобрав всю казну у Ярославских князей.

– Ничего не понимаю, Ярославские князья каким боком тут затесались? – продолжал удивляться Андрей.

– Руки московской ярославские княжата держались, от того и пограбили их братья.

– Понятно. Только какой смысл князю Василию, вернее его матери, ссориться с князем Юрием? Вроде бы у них все миром сладилось?

– Хм, – пьяно улыбнулся резанец. – То дело рук Всеволожского. Он все придумал, и через дурака Кошкина наплел с три короба Софье Витовтовне, а та – дура баба – и поверила.

– На кой черт ему это надо было? – искренне удивился Андрей.

– Не поминай дьявола! – строго сказал боярин, перекрестившись. – Всеволожский не смог заручиться поддержкой Угличского князя Константина, и из Твери его выперли – не посмотрели, что родня, я же сказывал, что к Юрию он убежал. Вот и хотел боярин поссорить Юрия с братичадам его, чтобы Юрий войной пошел на племянника.

– Ты, Костя, сам-то в это веришь? Получается, бояре делают в княжествах все, что им вздумается? – сделал вывод Андрей. – Слишком хитро все придумано. Не стал бы Всеволожский так подставлять себя. Он же получается соучастник кражи. Нет, тут что-то другое.

– Правильно, – легко согласился с Андреем Костя. – Мыслью я, что дело сие рук родича моего Захария Кошкина. Он с боярами Добрыньскими первейший недруг Всеволожского за то, что Всеволожский в угоду удельным князьям потеснил бояр в правах их древних. Самое главное тут – невеста московского князя Василия, дочь двоюродной сестры Кошкина. Захарий-то дураком только прикидывается, на самом деле хитрован он, каких поискать. Вполне мог переиграть боярина Всеволожского. Все ведь подумали, что это дело рук боярина Ивана...

– Князь Юрий как отреагировал?

– Собирался недолго. Двинул дружину на Москву, токмо ростовский наместник Добрыньский, друже Захария Кошкина, упредил Василия, что рать Юрия подошла к Переяславлю. Бояре московские со свадьбы все разъехались по вотчинам своим, не было времени у Василия упредить бояр своих. Василий испужался, послов заслал к дядьке своему. Токмо Всеволожский послов тех, бояр московских, поносил обидными словами. Да и те хороши, кто не знает Федьку Лжу⁶⁵? Нашли, кого послать. В ответ послы наговорили обидного немало. В общем, разъехались, ни о чем не договорившись, чему Всеволожский радовался сильно. Василий собрал бояр, кого смог, даже торговых людишек исполчил в поход.

– Как так, великий князь оказался без войска? А дружина?

– Какая дружина? Дружина Василия – его бояре, а они все в вотчинах сидели уже, кто знал, что так быстро князь Юрий в поход двинет?

– Совсем без войска оказался князь московский?

– Торговые людишки да мастеровые, разве это войско? Плюнь – разбегутся. Дружины дали князь Серпуховский, да наш князь послал бояр своих.

– И чем все вышло?

– Чем, чем? На Клязьме мы сошлись в конце апреля прошлого года, в верстах двадцати от Москвы. Торговые людишки с мастеровыми напились вареного вина, всю ночь бражничали. Дружинные посмотрели на такое дело и давай догонять. В обозе торговые людишки много вина

⁶⁵ Федор Андреевич Лжа – чингизид, старший сын Андрея Серкиза, внук татарского царевича Серкиза (Секиз-бея). Женат на дочери Ивана Яковлевича Мячко Анастасии.

привезли да перевару. Продавали всем, прибыль считая. Да токмо боком им тот прибыль вышел. Перепились все в дым... – боярин вновь надолго замолчал, воспоминания о той ночи тяжким грузом давили на его плечи, словно очнувшись, налил себе полную чашу вина, залпом выпил и продолжил рассказ. – Я там потерял всех холопов своих. Бежал, стыдно признаться, налегке, бросив доспех, токмо саблю сохранил.

– Ты что, тоже пьяный был? – продолжал задавать вопросы Андрей.

– Трезвый я был, – помотал головой собутыльник. – Подумаешь, выпил полбочонка вина. Вот холопы мои в дым напились. Утром еле на коней взобрались. Какие из них вояки? Почитай все войско наше еле на конях держалось, а пешцы так вообще стоять могли, токмо опершись на щиты.

– Князь Василий не мог запретить пьянку?

– Он первый начал бражничать с ближниками своими, а глядя на него, остальные выпивать начали.

– Ну и порядочки у вас... – усмехнулся Андрей.

– Обычное дело. С пьяных глаз Москву Тохтамышу сдавали, а Межевая река от великой пьянки перед сечей получила прозвание свое и теперича прозывается Пьяной. Потом как-нить расскажу, – пообещал Константин Федорович.

– Побили вас, а дальше что?

– Я к себе в вотчину поехал, а там разор один – Литва набегала в мое отсутствие. Людешек в полон увели, деревеньки пожгли, скотину угнали да порезали, добро мое растащили.

– Печально. А московский князь?

– В Тверь убежал вместе с матерью. Токмо князь Борис показал им отворот поворот, и те в Кострому подались. Князь Юрий Дмитриевич вошел в Москву и стал великим князем.

– Василий смирился?

– Что он может? Казну его, казну матери, бояр московских, князь Юрий отобрал. Сам Василий в плен попал. Иные люди сказывают, что боярин Всеволожский нашептывал великому князю умертвить Василия, да любимец князя, боярин Семен Федорович Морозов отговорил. Отпустили Василия с миром, дал ему великий князь в удел Коломну. Бояре московские стали переходить на службу к Василию. Юрий не препятствовал.

– Всеволожский так был зол на князя Василия, что жаждал его смерти?

– Змея он подколотная, – рассказчик в сердцах с размаху опустил длань на столешницу. – Князь Юрий, как сел на Москве, старых московских бояр подвинул, их места заняли ближние бояре Юрия. Москвичи толпами отъезжали в Коломну. Всеволожский первым понял, куда ветер дует, взял, да и отъехал к Василию одним из первых. Сыновья великого князя горячи больно. Видя бегство московских бояр, решили покарать виновника всех бед – боярина Морозова. В сердцах зарубили боярина, да и отъехали в Кострому от греха подальше. Князь Юрий на расправу скор и нрав крутой имеет, княжичам могло не поздоровиться за самоуправство такое.

– Чем дело закончилось? – Андрей уже жаждал услышать окончание пространного рассказа.

– Видя, что Москва не принимает его, князь Юрий передал столицу Василию, а сам ушел в Звенигород.

– Так взял и ушел? – Андрей опешил от отсутствия логики в поступке князя Юрия.

– Да, взял и ушел. Признал братичада старшим братом и отказал детям своим в помощи. Пришлось князю Юрию отказаться от Дмитрова, но взамен для сына своего младшего он получил от князя Василия Бежецкий Верх. Князь Василий настаивал на помощи против Литвы, но Юрий отказал ему в этом. Оно и понятно. Князь Литовский побратим Юрия.

Заклучили князья dokonчание и подписали грамотки. Юрий отправился в Галич, а великий князь Василий пошел войной на его детей, укрепившихся в Костроме. Сам-то великий

князь в войске не был. Послал воеводу своего, князя Юрия Патрикеевича⁶⁶. Токмо Юрьевичи помощь получили из Галича да с Вятки и разбили московскую рать. Братья скоровестника послали в Галич, предлагали отцу занять великокняжеский престол вновь. Юрий отказался. Василий же считал, что галичане и вятчане помогли братьям по наущению отца своего. Собрал новую рать и двинул войско к Галичу.

– Всеволожский был прощен Василием?

– Как же, прощен и обласкан милостью великокняжеской. Василий, сказывают, сам вынул очи Всеволожскому, за злой умысел боярина противу князя, вотчины боярские все отобрал князь.

– Ослепил своего боярина? Как так? – Андрей чуть не поперхнулся, услышав такое. Ничего себе порядочки!

– Просто. Вынули боярину очи и все, – для Кости такое наказание не было из ряда вон выходящим. В общем-то обычное дело. – Есть такая страсть у Василия – очи вынимать. Он так холопов своих наказывает, а бояре – те же холопы великокняжеские, так что ничего странного в наказании нет.

– А дальше что было?

– Галич обороняли сыновья Юрия, а сам он в Белоозеро подался, гонял воев князя Михаила Андреевича⁶⁷. Сыновья князя Юрия отстояли Галич, а вскоре к ним на помощь явился отец с войми своими.

Князь Василий отошел через Переяславль к Москве, гоня полон тысячами и предавши огню всю Галицкую землю. На стороне Василия выступил Новгород и князья Иван и Михаил Андреевичи. Ну и наш князь посылал рать воевать Галич, только меня в том походе не было. Я в вотчине своей был в то время.

А ноне, по весне, аккурат в Лазареву субботу, побил князь Юрий князя Василия в Ростовской земле. С Василием был князь Можайский, он после погрома вместе с матерью своей убежал к шурина своему в Тверь, а Василий убежал в Новгород.

Юрий осадил Москву, а воевода Роман Иванович Хромой⁶⁸ из рода Ратшичей отворил ему ворота Москвы. Можайский князь тем временем уже переметнулся к князю Юрию и был с ним заодно под Москвой.

В Москве князь Юрий захватил казну Василия и его мать, старую каргу Софью Витовтону, и жену его. Баб он отправил в Звенигород под присмотром верных людей.

Боярин Маслов умолк. Андрей ждал продолжения повествования. Сюжет закручивался лихо. Сценаристы боевиков удавились бы от зависти, если бы хоть немного интересовались историей.

– Я опять в той битве потерял всех своих холопов. Мы прикрывали отход князя Московского и погибли все. Жив я остался чудом. Стрела по шелому ударила, я упал без чувств, меня завалило трупами. Очнулся я поздно. Выбрался и бежать. У леса, под горой, поймал коня и в Переяславль отправился... Слушай, а давай я тебе деревеньки продам свои, что на Осетре стоят? – вдруг ни с того ни с сего предложил боярин.

– Это где?

– Река такая есть, в Оку впадает выше по течению.

– Сколько просишь? – поинтересовался Андрей ценами на деревеньки.

– Я не прошу, – усмехнулся боярин. – Я предлагаю.

⁶⁶ *Юрья Патрикеевич* – московский боярин во время правления великих князей Василия I Дмитриевича и Василия II Васильевича Тёмного, второй сын князя Патрикее Наримунтовича и Елены. Происходил из династии Гедиминовичей, был родоначальником князей Патрикеевых.

⁶⁷ *Михаил Андреевич* – князь из рода Можайских. Михаил Андреевич был сыном можайского князя Андрея Дмитриевича и княгини Стародубской Агриппины (Аграфены) Александровны.

⁶⁸ *Роман Иванович Хромой* – князь из рода Ратшичей.

– В смысле, за сколько предлагаешь купить? – поправился Андрей.

– Пять деревенок, дворов крестьянских пять на десять в них будет, землицы с лесом покуда топор и соха ходила. За пять на семь рублей отдам не торгуясь.

– Это по пятнадцать рублей деревенька получается? – на всякий случай решил уточнить Андрей. – А людишки холопы?

– Вольные, – помотал головой резанец, – Можно белками заплатить, – упрямо гнул свое Константин Федорович.

– Лошадьми возьмешь? – предложил Андрей. – Хорошие кони – татарские. Двадцать кобыл и пять на десять рублей серебром дам.

– Согласен, – удивительно быстро согласился боярин Маслов с предложенной оплатой.

– Идет, – обрадовался Андрей возможности стать владельцем деревенок. – По рукам!

– Пошли сразу грамотку составим, – не откладывая, предложил Костя, вставая с из-за стола и с трудом удерживаясь на ногах.

– погоди, – Андрей заподозрил подвох. – Ты, Костя, что получается, вотчину свою продаешь? – решил уточнить детали сделки Андрей, с интересом наблюдая за акробатическими упражнениями собутыльника, пытавшегося дойти до двери и не упасть.

– Да нет, купля моя это, у меня еще одна есть, под Тулой, а вотчина моя тут недалеко будет, – развеял сомнения нового друга боярин.

– Тогда пошли, – сказал Андрей, с трудом поднимаясь на ноги.

Хозяин нетвердым шагом вышел из-за стола, открыл крышку сундука и отсчитал пятнадцать серебряных брусочков с клеймом московского князя. Собутыльники отправились составлять купчую на деревеньки, по дороге горланя песни и задирая редких прохожих, ставших не попасться на глаза двум пьяным боярам в сопровождении дюжины воинов.

Проснулся Андрей далеко за полдень. На столе стоял кувшин с холодным квасом. Жадно выпив все содержимое кувшина, Андрей почувствовал себя намного лучше, что даже смог разглядеть свитки, лежащие на столе. Развернув свернутые в трубочку листы плотной серой бумаги, Андрей стал разбираться в их содержимом. Читались они с трудом, но все же Андрей понял, что в первой грамотке он теперь служилый князь и жалован великим князем Резанским вотчиною на реке Пранове, другая грамотка была купчей и почему-то начиналась от имени вчерашнего гостя, боярина Маслова, где тот сообщал, что продал князю Андрею деревеньки с пожнями и нивами и лесными угодьями по реке Осетр.

«Ешкин кот! Это откуда грамотка взялась? Я вчера что, деревни купил у Константина Федоровича? На кой ляд они мне сдались? Река Осетр... Черт его знает, где это... Может, у черта на куличках от моей вотчины. Стоп. У меня есть вотчина? – он попытался вспомнить подробности вчерашнего дня. – Меня признали в княжеском достоинстве и сделали боярином резанского князя, пожаловав вотчину! – наконец вспомнил Андрей.

– Проснулся, батюшка? – это дородная Лукерья появилась в дверях горницы, словно ангел-спаситель. – Кваску еще принести?

– Неси, – Андрей только и мог, что слабо кивнуть головой.

– Я мигом, – Лукерья унеслась исполнять повеление боярина.

– Доброго здоровья, боярин, – в дверях появился купец и застыл в ожидании.

– Проходи, садись. Квасу будешь? Или меду велеть принести? Может вина? – Андрею страшно хотелось похмелиться, но в одиночку пить он не решался.

– Благодарствую. От вина не откажусь, – Иван Андреевич перекрестился на иконы в красном углу и уселся на лавку.

– Лукерья! – громко позвал прислугу Андрей и, дождавшись появления Лукерьи с кувшинчиком кваса в руках, повелел унести квас прочь, а принести им с купцом кувшинчик вина.

– Так нету вина более, – развела руками прислужница. – Вы вчера с гостем своим все вино выпили. Сначала все осьмирнено вино выпили, потом и оцѣтно все выхлебали. Пока все не вылакали – не угомонились.

– Гм... – Андрей точно помнил, что вина братья по его просьбе купили два бочонка, по ведру каждый, не меньше. – Меду принеси тогда, – решил Андрей.

Лукерья недовольно хмыкнула и умчалась, вскоре появившись с медом.

– Там Лука с Кузьмой пришли, – доверительно сообщила она. – Звать?

– Зови, – обрадовался Андрей.

Когда все уселись за стол и выпили по чарке меда, Андрей попросил купца зачитать грамотки и предложил собравшимся высказать свои соображения, что дальше делать их государю.

– Что тут думать? – Лука, как всегда, был категоричен. – Надо обустриваться в вотчине, усадьбу поставить, а купля твоя никуда не денется.

Луку поддержал Иван Андреевич, а в отношении купленных деревенок купец рубанул сплеча:

– Надул тебя боярин. Как есть надул. Красная цена той купли десять рублей московской деньгой. Переплатил ты вдвое, княже. Вот шельмец, каков, – продолжал возмущаться купец. – Коней спозаранку свел с конюшни. Приходили холопы боярские и лошадок увели.

– Как увели? – Андрей от удивления даже привстал со своего любимого стула. – Я же хотел из табуна, что в селе оставили, дать ему лошадей, – князь подивился предприимчивости своего нового друга.

– Так и забрали, ты же сам велел отдать, вот они и взяли. То все слышали, – проинформировал забывчивого князя Лука Фомич, с трудом скрывая усмешку.

«Пора завязывать с пьянкой, не то потеряю уважение мужиков. Вон сидят, еле смешки прикрывают».

– Цыц! Хватит насмехаться! – Андрей с силой ударил кулаком по столу, медный подсвечник подскочил и упал со стола на пол, закатившись под лавку.

– Да мы, боярин, даже не думали, – в голос заверили Андрея Лука Фомич и Иван Андреевич.

Лишь Кузьма промолчал, старательно делая вид, что его дело – сторона. Наконец, и он не выдержал:

– Что сделано, то сделано, – Кузьма ехидно усмехнулся. – Пользу с твоей купли можно поиметь немалую. Места там хорошие, хоть и беспокойные.

– Какие такие хорошие? Хлеб не родится, земелька там – тьфу, да и только, – продолжал горячиться купец. – Татары каждый год набегают малыми ватажками.

– Ты, Иван Андреевич, не шуми. Боярин что-нибудь придумает, твое дело – торговое. Приказали тебе в Новгород идти – значит сполный. – Кузьма резким движением рубанул воздух мозолистой рукой, словно поставил точку в разговоре.

Купец, уставившись на пудовый кулак Кузьмы, враз притих и от дальнейшего спора предпочел отказаться.

– Мыслю я так, – неторопливо продолжил Кузьма, водружая на стол поднятый с пола подсвечник. – Наперво нужно плотников нанять, мужики, конечно, к топору привычные, но отвлекать сейчас их от земли не дело. Затем купить лес для хором надобно, тын можно из сырого леса поставить, а усадьбу следует из загодя заготовленного леса рубить. Там недалече лес везти. Сторгуемся по цене, нам до места лес привезут. Холопы нужны еще, пускай Лука предложит охотникам запродаваться в боевые холопы, али вольных нанять можно. Сам понимаешь, места там какие – лишними вои не будут. Опять же мастеровой люд нужен, да и просто холопские семьи. Людишками, чай не богаты те земли. Тут уж ты, Иван Андреевич, постарайся, пока не отплыл, вызнай все и куплю оформи чин по чину. Еще кузнец надобен. Кузня в Васькино есть пустая, кузнеца там давно уже нет, я узнавал. Сгинул кузнец, лихоманка забрала.

– Это легко. Кузнеца купить можно. Дорого, правда, он обойдется, но поторговаться стоит. Знаю я одного боярина, он нужду в серебре имеет. Сейчас каждый второй боярин без серебра сидит, вотчины в заклад пускают, – купец был настоящим кладом информации.

– Это почему? – заинтересовался Андрей.

– Так войско резанское побили ноне в Ростовской земле. Бояре и боярские дети дворы свои потеряли в той битве. На новых холопов деньги нужны, кони опять же, упряжь справить надобно, доспех новый, сабли острые, саадаки купить – все денег стоит, – пояснил купец, пожимая плечами, и в качестве примера привел друга князя. – Боярин Маслов потому тебе куплю свою продал, что нужда его заставила, – ответ купца был исчерпывающим.

– А как это купить кузнеца? – продолжил выяснять Андрей.

– Просто. Мастеровых на Руси мало. Бесермены, когда набегают, первым делом стараются мастеровых полонить. А бояре наши выкупают мастеровых за большие деньги. Рублей за тридцать сторговать можно.

– И что? Разве не свободным становится мастеровой, если его выкупят?

– Свободу получают только те, кого освободят в воинском походе, а ежели выкупили, то хозяину новому служат, пока не выкупятся.

– Ты, Иван Андреевич, соплей⁶⁹ купить не забудь, – напомнил Кузьма. – сотню штук, мыслю, хватит попервости.

– Сотню? Это ж сколько серебра надобно?

– Рубля два, вестимо, надо отдать будет, мыслю. Еще гвоздильну купить, нижние зубила, клещи малые, большие вроде есть там, пробойники, ножницы, подсеки, обжимки, подкладки, штампы, напильники, тиски и круговые точила, – начал перечислять список необходимого инструмента Кузьма. – Да меха еще не мешало бы заменить.

– Вот ты и походи по торгу, выбери, что надоть, а мне недосуг этим заниматься, – сказал, как отрезал, Иван Андреевич.

– Отсыпай серебра, пойду я. Что kota за хвост тянуть. – Кузьма поднялся с лавки, ловким движением поймал брошенную купцом калиту с серебром и отправился в кузнечный ряд торговать инструмент.

Вечером того же дня в доме боярина Маслова состоялся важный разговор, который определил дальнейшую судьбу Андрея, но сам он об этом не догадывался. Костя почтительно стоял прибывшим гостем и внимал словам старца.

– Из града не отлучаться. Дворовых своих вызови с вотчины. Сиди и жди.

– Так вотчина моя... – несмело напомнил боярин о своих проблемах.

– Ничего с твоей вотчиной не случится, – строго сказал старец. – Успеешь дела поправить. Нако вот, возьми. – гость бросил на стол увесистый кожаный мешочек, весело звякнувший от удара.

– Благодарствую, – Костя забрал калиту, оценивающе взвесил ее на руке, но открывать не стал – сразу прицепил к поясу.

– Царевича, что в прошлом годе со своими татарами приходил, помнишь?

– Как не помнить? Помню.

– Так вот его род кочует на украинских землях. Уговоришь друга в набег сходить. Царевич объявил себя царем ордынским. Вот и набегите на кочевье его.

– Так не справимся мы, воев мало, – покачал головой боярин.

– А тебя никто не заставляет на орду царевича нападать. Разорите малое кочевье и уйдете, но так, чтобы следы остались.

– Понимаю, – боярин усмехнулся в пышные усы.

⁶⁹ *Сопла, сопли* – специальные трубки, сделанные из огнеупорного материала для подвода из меха воздушной струи в печь.

– Раз понимаешь – делай. Главное, он не должен уйти на службу к татарам, – еще раз предупредил боярина старец.

Глава 7 Вотчина

Отплывали ближе к полудню. Ужасно болела голова, но Андрей мужественно терпел. С вечера опять засиделись до полночи с боярином Масловым. Все-таки страсть к выпивке у нашего народа уходит далеко в прошлое. Андрей поморщился от пульсирующей боли в висках, завернулся в медвежью шкуру и провалился в глубокий сон.

Шли по Оке быстро. Ветер наполнял парус, и ушкуй летел по водной глади, словно птица. Команда отдыхала. Андрей, поправивший здоровье соленым капустным рассолом, предусмотрительно прихваченным с собой в дорогу Семеном, пристально всматривался в горизонт. Нанятые ладьи едва тащились следом за ушкуем. Скорость посудин значительно уступала скорости ушкуя.

– Ничаво, догонят, – худой, как жердь, мужик в посконной рубахе и синих татарских шароварах – один из трех кормчих, согласившихся в Переяславле поступить на службу к князю, догадался о тревоге Андрея и поспешил успокоить господина.

В отсутствие Луки, отправившегося в Новгород, Афанасий взял командование на себя. Верховное командование оставалось, конечно, за Андреем, но князь предпочел спихнуть рутину на помощника.

К вечеру догнали ладьи рыжебородого Митяя, который с холопскими семьями, купленными в долг у монастырской братии, отплыл спозаранку на нанятых пузатых ладьях. Команды корабликов радостно приветствовали друг друга. Некоторое время корабли плыли рядом, но вскоре ушкуй вырвался вперед и стал стремительно оставлять за кормой неторопливые ладьи.

В устье Прони вошли еще засветло. Шли под парусами. Ветер часто менял направление, потом вообще стих. Мужики сели на весла и бодро гребли до самого вечера. Река Проня, как успел заметить Андрей, довольно широкая. Местами ее ширина достигала ста двадцати метров, а в среднем составляла не менее восьмидесяти. Андрей мысленно упражнялся, переводя метры в сажени. Получалось пока плохо. Гораздо успешнее продвигались занятия по изучению татарского языка. Андрей поразился факту, что многие люди знают несколько языков. Прямо страна полиглотов каких-то, а не древняя немытая Россия. Некоторые из ушкуйников владели наряду с татарским еще и немецким или английским языками, а то и тем, и другим.

Главными учителем татарского языка стал татарчонок Кулчук-Улан, которого все звали просто – Кулчук, по родовитости своей ставший главным над татарами, перешедшими на службу к князю. Андрей схватывал все на лету. Постепенно вся команда ушкуя перешла на татарский язык. Андрей делал поразительные успехи. У него неожиданно открылась способность к изучению языков. Без всяких учебников, лишь на живом общении он уже через пару дней понимал, о чем идет речь, и мог худо-бедно изъясняться по-татарски.

На ночевку встали засветло. Разбили лагерь и стали ждать отставшие ладьи. Тяжелогруженные кораблики подошли к берегу уже в сгущавшихся сумерках, Андрей было начал волноваться их долгим отсутствием, но, увидав вдалеке в лучах заходящего солнца силуэты кораблей, вздохнул с облегчением и успокоился.

На ужин сварили кашу. В медные котлы кинули крупы, настроголи мелко сала. Пока готовилось варево, Андрей сидел у костра, завернувшись в медвежью шкуру, – с реки тянуло холодом и сыростью. Люди, окружавшие князя, включая холопские семьи, расположились на отшибе. Улыбались, смеялись и радовались жизни, как будто не везет их князь черт знает куда... Холопам боевым все едино: доля их такая. За них думает боярин, и заботится о них боярин опять же. Но ушкуйники жили себе не тужили, и понесла их нелегкая на Дон. И вот теперь оставшиеся в живых новгородцы – слуги вольные на службе у Андрея. И что интересно, верят в князя без оглядки. И то, что впереди их ждет непростая жизнь, так от судьбы не уйдешь,

только фатализмом можно объяснить беспечное отношение людишек к своей судьбе. С такими мыслями Андрей потихоньку задремал и проснулся от толчка в спину.

– На, боярин, поснедай, – Сенька протягивал ему огромный ломоть ржаного хлеба, поверх которого густо наложены мелко наструганные кусочки холодного мяса.

Андрей огляделся. Все мужики сидели вокруг большого котла с деревянными ложками наготове, ждали, когда боярин, как старший, начнет трапезу. Андрей не спеша вытащил из-за голенища высокого сапога свою серебряную ложку. Прочитал молитву, которую успел выучить еще в Переяславле Резанском, и запустил ложку в горячее варево. Следом строго по очереди потянулись остальные. Вокруг костра собрались самые ближние, в их число с недавних пор попал татарчонок Кулчук, которого полонил Сенька (как кажется давно это было), и старый татарин Булат, принесшие клятву верности князю. Остальные татары, также присягнувшие на верность, сидели у соседнего костра, как бы и рядом со всеми, но в то же время – наособицу. С татарами Андрей серьезно нарушил обычаи. Принятие православия – обязательное условие, только при выполнении этого условия татары могли получить свободу и быть приняты на службу. Но как бы свободу он им не вернул, а вооружил, и то в качестве своих холопов. Вроде не по обычаю, но и нарушение, на взгляд Андрея, несильно серьезное.

Андрей принял как данность отношение татар к переменам в своей судьбе. Несмотря на рабство, они чувствовали себя вполне счастливо. Оружие было при них, одежда и доспехи у татар – позавидует любой свободный татарин. Кони – лучшие. Что еще для счастья надо? А то, что в рабство попали к русскому князю, так и у себя они были такими же рабами ордынского хана. Все татары – рабы хана. Раньше были рабами хана, теперь стали рабами Андрея. Только и всего. Остальное для них все осталось по-прежнему.

Глядя на татар, Андрей лениво размышлял над их внешностью: какие они татары... Мать Кулчука – русская полонянка. У Булата мать тоже русская: отец Булата взял в жены дочь русского купца из Твери. Татарская знать резко отличалась своей наружностью от простых пастухов. Потомки монгольских завоевателей имели мало общего со своим народом, основную массу которого составляли потомки кипчаков и пришедших в эти края орды покоренных ранее монголами племен.

Однако русские корни не мешали татарам грабить и убивать на Руси. Да и черт с ними. Пытаться понять поступки людей этого времени современному человеку чревато умственной перегрузкой. Нужно просто принять их такими, какие они есть. Русские это или татары.

Андрея спозаранку разбудили братья. Лагерь давно уже проснулся. Митяй с холопами погрузился на кораблики и готов был отплыть в любой момент. Андрей быстро позавтракал остатками вчерашней каши, которую братья специально припасли для него. Андрей точно помнил, что вчера во время ужина котел опустел быстро и на дне его ничего не оставалось. Вместо настоя из трав Андрей ограничился несколькими глотками красного вина из винной лядунки Семена, подаренной ему князем из татарской добычи. Его собственная фляжка осталась на ушкуе, а идти искать ее было некогда.

По Пранове шли уже на веслах, ветер не благоприятствовал. Андрей распорядился идти всем вместе. Первым шел ушкой князя, замыкающей ладья Афанасия.

По прибытии в Васькино Андрей с Лукой первым делом направились к Спиридону. Раненые ватажники поправлялись, лишь двое отдали богу душу. Из десятка раненых татар выжили не все. На поправку шли пожилой татарин – Анфал, и с ним еще трое. Кулчук очень обрадовался, что старый воин выжил. Узнав, что Кулчук вместе с остальными теперь служит русскому князю, Анфал попросился на службу. Андрей не стал отказывать.

На завалинке перед избой, греясь на солнышке, сидели Андрей и Спиридон, сменивший свою однорядку на татарский халат. Спиридону Андрей, недолго думая, утвердил на должность заместителя князя по хозяйственным вопросам, или иначе управляющим в вотчине. Иными словами, три в одном: тиун, дворецкий и ключник.

Разговор между ними шел серьезный, Андрей пытался выяснить, как отреагируют крестьяне на известие, что отныне они – вотчинные крестьяне.

– Обрадуются, но виду не покажут, – усмехаясь в бороду, заверил господина Спиридон.

– А вдруг уйдут? – засомневался Андрей, он из школьного курса точно помнил, что крестьяне имели право уходить от господина.

– Сам посуди. Зачем им уходить? – покачал головой Спиридон.

– Ну мало ли, – пожал плечами Андрей. – А если оброк я увеличу?

– Нельзя, не по старине это, – от удивления у Спиридона широко открылись глаза. – Ты я вижу, княже, мало понимаешь в наших порядках. Оброк увеличить ты не вправе, хоть в вотчине своей ты господин, но управа на тебя есть – великий князь. А уйти крестьяне не смогут. Раз князь пожаловал тебе вотчину, значит, с тобой все дела мир иметь будет. Уйти могут, но рассчитывать миру уже с тобой придется.

– За что рассчитывать?

– Как за что? Подъемные от князя получали? Получали. Отдай и уходи. Но не переживай, никто никуда не пойдет. Под вотчинником быть лепо им.

– А в чем тогда их выгода? – Андрей действительно не мог понять, в чем тут фишка.

– Сам посуди. Ты служишь великому князю. Крестьяне вотчинные тебе оброк платят и только. А от государева тягла освобождаются, а это, как ни крути, немало. Приказных кормить не надо будет, мир от кормовых большой разор имел. Бывало, приказной приедет собирать тягло и живет неделю-другую, а то и дольше, а кормят его всем миром, поминоков опять же полагается дать. Баб в ущерб хозяйству в услужение давать приходилось. А теперь все вопросы с князем ты решать будешь. Крестьянам послабление будет.

– Думаешь, не уйдут? – сомнение еще не покинуло Андрея.

– Уйти могут только те мужики, кто своим хозяйством не обзавелся. Эти могут уйти, но куда? В город? Так и там разрешение сотского получить надо. В другое княжество? А примет ли их мир – еще вопрос. К князю уходить – выгоды никакой, если только к Тверскому князю идти, он на двадцать лет освобождает от тягла, но оброк платить все одно придется. Подъемные даст не жалеючи, но опять захочешь уйти, то отдавать придется. Посему самое выгодное – быть под вотчинником или монастырем.

– Могут еще на Москву уйти. Вон сколько народу в княжестве московском развелось.

Спиридон не выдержал, рассмеялся звонким голосом.

– На Москву. Ой, насмешил. Что там не видели? Татары что в резанских землях озоруют, что в московских. Народу в Московском княжестве много от того, что выкупают митрополит с государем московским полоняников в Орде и сажают на своих землях.

– А в холопы запродаваться могут только те, кто не имеет хозяйства? – решил уточнить Андрей.

– Ну почему? Любой может. Сначала рассчитайся с миром и уж потом продавайся, кому хочешь. Но все больше молодые идут в холопы. Холопом быть не так уж плохо. Бывало был холоп, а стал боярин.

Ага, социальные лифты работают! Но свободы нет, есть воля. Отдельный крестьянин связан с миром. Сам по себе он никто, и звать его никак. Одному одна дорога – в холопы. А только мир решает, отпустить ли тебя из общины, и мир решает, стоит ли принимать чужака. Но в принципе из крестьян в горожане переход свободный, если получишь на то разрешения своей и городской общины.

На следующий день Андрей собрал крестьянский сход и, нарядившись в лучшие свои одежды, важно предъявил обществу грамотку резанского князя. Отныне село и тяготеющие к нему деревеньки с нивами и пожнями и прочими угодьями принадлежали боярину великого князя Резанского, служилому князю Андрею. А посему он, князь и боярин резанского князя, хочет пересмотреть условия оброчные. Андрей уже разобрался, что большинство крестьян на

Руси лично свободные и в принципе вправе свободно покидать обжитые места, переходя на другое место. Исходя из этой данности, Андрей подготовился к разговору с крестьянским сходом.

Уже знакомый Андрею староста деревни Тит, мужичок в татарском кафтане из добычи, отданной Андреем общине, подробно перечислил, что именно они выплачивали в качестве оброка резанскому великому князю. Внимательно выслушав жуликоватого старосту, Андрей сообщил миру о своем решении пересмотреть пункты договора аренды земли. Крестьяне по сути арендовали землю. Но, в отличие от развитого капитализма, где каждый был сам за себя, арендодатель, то бишь князь или боярин, был кровно заинтересован в большем доходе своих нанимателей земли. За долгий вчерашний вечер Андрей неоднократно обсуждал со Спиридоном все тонкости назначения сроков и размеры выплат оброка.

Андрей вопреки старине значительно увеличил величину крестьянского оброка. Взамен князь, пока не раздался возмущенный ропот крестьян, сообщил, что выделяет безвозмездно каждому двору по лошади и по полтине на покупку скотины.

– Так ить не прокормим скотинку, – запустив руки в бороду, попробовал заикнуться староста. – Сена мало запасаем. На одну овцу на зиму почитай идет три копы. А на лошадь с коровой – десять копен. Откель взять нам столько сена, когда мы косим токмо пятнадцать копен? – развел руками мужичок, недоумевая.

– И чем кормите животинку тогда? – Андрей уже знал ответ, но хотел услышать его из первых уст.

– Известно чем: овсом, соломой озимой и яровой. А если нехватка выходит, то под нож скотинку пускаем. Оттого и нету у нас скотины ноне.

– Не беда, – постарался заверить своих крестьян Андрей. – Сено у меня покупать станете. Вернее менять на меха и мед. Возьму еще навозом за сено, – озвучил свое предложение князь.

– Менять на назем? – в толпе раздался шум, мужики искренне удивились столь необычному предложению нового господина.

– Да, на навоз, – с широкой улыбкой подтвердил Андрей.

– Это мы запросто. Этого добра у нас навалом, – разом заулыбались повеселевшие крестьяне.

Староста выглядел очень довольным. По весне крестьяне вывозили навоз на берег реки, и паводком его уносило в реку. А теперь можно не выкидывать, а выменять на столь необходимое в крестьянском хозяйстве сено.

– А когда коней получим и деньги? – староста задал вопрос, волнующий всех мужиков селения.

– Да прямо сейчас. Коней Семен выделит. А серебро со Спиридона получите, – князь махнул рукой в сторону своих помощников, стоявших рядом с ним. – Вы Спиридона знаете. Он теперь будет моим управляющим в вотчине.

– Тиун значит по-старому, – поправил Спиридон господина.

Кстати, потом Андрей несказанно удивится, что Спиридон, приняв предложение князя стать дворским, автоматически стал холопом князя. Ведь в городе, когда Андрей принимал на работу управляющего, то составили договор, где был прописан пункт личной свободы наймита. Что двигало Спиридоном, когда он добровольно отказался от свободы, Андрей так и не узнал, тот же предпочитал отмалчиваться.

Надолго в деревне не задержались, Андрей очень торопился найти подходящее место под боярскую усадьбу, а Спиридон волновался из-за сроков сева. Семен по-быстрому отделил от табуна лошадок, обещанных крестьянам, Спиридон отсыпал Титу обещанное серебро на покупку скотины и между делом требовал со старосты пушной оброк. Татары во время набега не нашли схоронку, где предприимчивый Тит прятал меха. Прохиндей было попробовал схитрить, а как без этого? Якобы татары все отобрали подчистую, но вовремя спохватился, заметив

мрачные лица княжеских воев, схватившихся за сабли, и, недовольно сопя, выделил причитавшееся – меха белки, куницы, лисицы, горностая. Кстати, отчего-то мех горностая не чисто-белый, а имел чуточку желтоватый оттенок в задней части шкурки.

Кузьма вместе с коренастым мужичком в татарском халате и огромным по местным меркам богатырем в суконной однорядке поверх сермяжного кафтана отправился в кузницу.

Мужика в татарском халате звали Онисимом, и долгое время он прожил в Сарае, пока его не выкупили из татарской неволи и не сделали закупом. То есть временно несвободным, пока не выплатит серебро, потраченное на его окуп.

Богатырь – Олеша Молот, резанский бронник, переманенный хитрым Кузьмой на новое место жительства. Олеша – свободный, но и на него пришлось потратиться, утрясти вопрос с миром и выплатить тягло, положенное на него в этом году.

Через некоторое время мужики вышли из-под навеса. В деснице Олеша тащил наковальню, прижимая ее к себе «лицом», рогом кверху, а в левой руке под мышкой устроилась фигурная наковальня. Обе наковальни, вместе взятые, весили больше двух пудов, но Олеша нес их, словно пушинки. Следом за кузнецом мелко семенил Онисим, взвалив на себя различный инструмент. Кузьма тащил совсем маленькую наковальню и огромные молоты-кувалды.

– С собой заберем. Ништо, не утопнем, – весело сообщил Кузьма, отвечая на немой вопрос боярина, когда мужики аккуратно сложили инструмент в маленькие лодки, чтобы перевезти его на ладью, стоявшую на якоре недалеко от берега. Ладья не ушкуй, ей чтобы к берегу пристать, причал нужен.

Кулчук со своими людьми отправился перегонять табун вверх по реке. Конечной остановкой пути Андрей выбрал самую южную границу своих владений. И если ошибся он на пару десятков верст в сторону татар, ничего страшного. В обычаях сего времени самовольный захват земли. Тем более что резанской эта земля считается номинально, если вообще считается. Скорее земли эти – буферная зона между Резанским княжеством и татарами. Если кто и будет протестовать, так это вольные орды татарские, кочующие летней порой в этих местах, а с ними Андрей сумеет договориться, аргументы для разговора имелись – полные колчаны аргументов.

В Васькино Семен времени не терял, уговорил десяток парней запродаться в боевые холопы. Еще одна молодая семья заключила ряд – продалась в холопство на пять лет, соблазнившись условиями кабалы.

По прибытии на подходящее место, которое выбрали сразу же, как увидели с борта ушкуя, Андрей деятельно занялся строительством усадьбы. Место очень удачное, река тут делала петлю, огибая высокий мыс. Разгрузив кораблики, стали обустраивать временный лагерь.

На следующий день, не теряя времени, Кузьма распределил людей по местам, и работа закипела. Спиридону отошла часть сельскохозяйственная, Афоня занялся строительством усадьбы, Митяй возглавил лесорубов. Общее руководство строительством поручалось Кузьме, ему же досталось строительство вымола на реке.

Сам Андрей, переодевшись в татарскую одежду, оказавшуюся очень удобной, забрав с собой всех троих братьев, отправился на ушкуе к своему схрону. Тайники не потревожили ни люди, ни звери. За светлый день перетаскивали ящики на кораблик. С пушками пришлось повозиться, но справились.

Вернувшись в лагерь, заметили, что мужики времени даром не теряли. За день вершина холма лишилась многовековых деревьев, теперь народ валил вековые деревья у подножья холма. Кузьма деловито отмерял шаги, намечая контуры будущей усадьбы. Первым делом он отвел место под временную кузницу. Сарай поставить мужикам – плевое дело, два часа работы – и готово. Потом сладили горн в виде жаровни с воздуходувными мехами, расположенной на каменном возвышении со стенкой у одного из краев. Поставили наковальню на врытый в землю чурбан таким образом, чтобы верх наковальни был ниже локтя Олешы примерно на четверть

аршина⁷⁰. Точильный круг приспособили, угли из ладьи выгрузили, крицы сырого железа и уклад. Все, с утра можно начинать работать Олеше. Кузьма отрядил ему в помощь двух человек, как-никак для работы в кузне без помощников не обойтись, а среди новгородской ватажки нашлись молотобойцы. Онисим к полудню закончит со своей кузней, и начнется работа.

Спиридон отправил монастырских холопов поднимать пашню. Работа мужикам предстояла адская. Два мужика с лошадей за день вспахивали площадь равную двум четям. В хозяйстве Андрея имелись три плуга, которые он предусмотрительно прихватил с собой из чистого озорства, авось сгодятся, и надо же – пригодились. Также в наличии были несколько сох с боронами, которые Спиридон купил у крестьян в Васькино. Две сохи Спиридон привез из собственного дома. Орудиями труда на первое время крестьяне были обеспечены. Спиридон торопился, время уходило, если не успеть посеять хлеб, то остается одна надежда на гречиху.

В первый день крестьяне подняли пятьдесят четей⁷¹ пашни. На следующий день в полтора раза больше. Спиридон носился как угорелый, управляющий надеялся успеть с посевной и даже под гречиху планировал отвести больше пяти десятков четей и столько же земли под коноплю. Еще успели посеять овса четыре бочки, общим весом пятьдесят шесть пудов. Если бог даст и овес уродится, то урожай будет сам-двадцать, а если как обычно, то урожай сам-семь, сам-восемь, тоже неплохой. Что особенно радовало, так это высокая плотность засева поля, иначе редкие посевы заглушаются сорными травами.

Бабы тем временем под присмотром Феклы и ее дочерей, разбивали репище, огород по-нашему, и обширный сад. Лука Фомич предусмотрительно озаботился о будущем саде еще в Переяславле, Андрей даже не догадывался, что с собой они везли столько саженцев.

Репище стараниями Феклы получилось громадных размеров. На современные огороды репище совсем не походило. Сто сорок гряд репы, двести гряд капусты занимали семь огромных полей. Еще пятнадцать гряд свеклы, шестнадцать гряд луку-сеянцу, тридцать гряд моркови, десять гряд луку-саженцу, огромное поле гороха, пять гряд бобов, двадцать гряд огурцов. Фекла распорядилась еще по краям огуречных гряд посадить капусту. Вот это репище! Врут, когда говорят, что русские ленивые! Когда нужно, русский народ горы свернет, но закончит посадку в срок.

Дворский, в подчинении которого находились все обитатели двора, вплоть до воинов, умудрился на листе бумаги, полученной от Андрея, составить план пахотных земель и продемонстрировал свой шедевр князю, с пояснениями, где, чего и сколько посажено. В общем, шел нормальный рабочий процесс.

Прибавилось работы у охотников, плотников на Руси принято кормить мясной похлебкой, и нарушать обычаи Спиридон не собирался. Мяса требовалось много, но проблем особых с этим не было, в окрестных лесах зверей много.

Княжий терем поставили, в общем-то, быстро. Еще будучи в Переяславле, наняли два десятка плотников на полтора месяца, да из Старой Резани пришли охочие люди подзаработать. Рабочая сила, как оказалось, стоила очень дорого, каждый плотник обходился в рубль с полтиной, да бригадирам пришлось дать по три рубля, да прокорм артели – всегда за счет заказчика. При дешевизне хлеба и иных съестных припасов зарплата у плотников очень даже высокая, но дешевле рабочих просто не найти. Рабочих рук на Руси не хватало, потому и платили мастеровым много.

Плотники взяли за образец хоромы резанского князя. Дом – большое двухэтажное деревянное строение, нижний этаж которого – кладовые с массивными дверями, обитыми, для надежности, железом. Дворецкий заставил плотников установить на двери железные петли, тяжелые затворы и сразу же навесил огромные замки, купленные загодя на торгу в стольном

⁷⁰ Аршин – старая русская мера длины. Аршин равен 72 см.

⁷¹ Четь – мера площади, равнявшаяся 0,56 га.

резанском граде. В остальных избах дверные петли и засовы – деревянные, но ничуть не хуже железных.

Высокое крыльцо, украшенное длинным навесом, с дубовыми резными столбиками, вело в теплые сени верхнего этажа. Из сеней можно попасть в светлицу, другая дверь вела в заднюю половину. Большая комната светлицы была приемного зала и трапезной одновременно, за ней следовали личная оружейная боярина, образная и прочие. В задней половине располагался огромный кабинет князя, приемная для ожидания, гостевые комнаты, хозяйственные комнаты для слуг. Несколько переходов вели ко множеству других строений: конюшням, псарной, голубятне, соколиной. Особый переход вел в женскую половину, к отдельно стоящему терему. Жены у Андрея пока еще не было, но место, куда можно будет привезти молодую жену, уже появилось.

Еще плотники не успели закончить с крышами, как Спиридон умчался на ушкуе в Старую Резань. Через четыре дня он вернулся с шумной оравой мужиков, оказавшимися резчиками по дереву. Еще дворовый прикупил по случаю две дюжины полоняниц из Литвы и несколько холопов из-под Смоленска. Этих полоняников Спиридон отдал в подчинение Фекле. Работы по дому выше крыши, людишек катастрофически не хватало.

Ушкуй, вернувшийся из Старой Резани, нагружен под завязку тесаными липовыми досками. Поверх досок громоздились клетки с курами. Большую часть кур отдали крестьянам, лишившимся птицы во время набега родичей Кулчука. Себе Спиридон оставил с десятка несущек, но собирался привезти еще сотню-другую.

Прибывшие с дворецким мастеровые поселились в шалашах, поставленных на скорую руку рядом с хоромами. Артельная старшина резчиков долго шушукалась с управляющим, потом, похлебав мясной похлебки, все прибывшие завалились спать, а спозаранку работа закипела, так что к вечеру в усадьбе появились еще две избы, в которые мастеровые и переехали из своих шалашей. И лишь на следующий день они занялись тем, для чего их наняли. Опять дорого, эти мастера уже за два рубля работали.

Кузнецы прихватили с собой из города гвоздильни и успели изготовить множество гвоздей разной длины, на первое время их, по расчетам дворецкого, должно было хватить на отделку нескольких комнат. Расчеты Спиридон делал на самых настоящих счетах – деревянной рамке с продетыми в просверленные дырочки горизонтальными веревочками, на которые нанизаны вишневые косточки.

Только шляпки гвоздей не нарядные, покрывать их серебром некогда, сокрушался дворецкий. Андрей не настаивал. У каждого свои тараканы, у Спиридона вот – бзик на «наряде».

– Спиридон, может, поделишься, чего ты удумал? – поинтересовался Андрей, увидев новых людишек в усадьбе, с веселыми прибаутками таскавших доски в дом. Внутри хором раздавался веселый перестук молотков.

– Так ить, хоромы наряжаю, – оторвавшись от расчетов, Спиридон с недоумением уставился на Андрея.

– Ну-ну, – Андрей предпочел больше не вмешиваться в рабочий процесс с глупыми распросами. Будет нужен Андрей – дворецкий прибежит сам.

Мужики подшили потолки красным тесом, обшили стены липовыми досками, приколавывая их на кованые гвозди. После этого бригада разделилась на две части. Первая часть принялась за изготовление мебели, то есть столов со столешницами из столетнего дуба и лавок с рундуками. Вторая половина мастеровых, закончив с озаменкой на стенах, принялась за художественную резьбу. Из-под умелых рук резчиков рождались замысловатые картины диковинных стран: деревья, на ветвях которых сидели жар-птицы. Павлины, волки, львы бродили по высокой траве под сенью деревьев. Другие мастера, разложив на полу подволоки⁷² из липо-

⁷² Подволоки – обшивной потолок.

вых досок, резали не менее замысловатые узоры. Потом по мере готовности резные доски подшивали к потолку.

Переселяться в отстроенные хоромы Андрей не спешил. Тот, кто думает, что все так просто со строительством хором, крупно ошибается. Да, срубы поставил быстро, буквально за несколько дней, еще несколько дней потратили на то, чтобы закрыть крышу красным тесом. Но жить в хоромах еще нельзя, повсюду сновали мастеровые. Вот и сейчас, когда Андрей осматривал сделанный мастерами объем работ за день, мужики заканчивали класть полы в опочивальне и будущем личном кабинете князя.

Полы в жилых комнатах мастера клали из дубовых брусочков. В результате получился самый настоящий паркет. Эти брусочки покоились на слое песка, тщательно перемешанного со смолой. За песком специально отправляли кораблик, ибо подходящего песка в окрестностях не нашлось. В остальных помещениях пол уже настелили из обыкновенных толстых дубовых досок. В просторном и пока еще светлом кабинете князя паркет выложили полностью, теперь же приступили к его покраске квадратами, расположенными в шахматном порядке: квадрат зеленого, квадрат черного цвета. В опочивальне пол также будет выкрашен, когда мастера закончат работу.

Лавки почти готовы, мужики работали споро. В переяславском доме князя лавки скромнее намного, то ли не успели их довести до ума, то ли так изначально планировалось, но новые лавки обошлись князю в кругленькую сумму. Покупать для лавок почти ничего не пришлось, помимо досок, все необходимое привезли с собой из города, но материала ушла целая прорва. Лавок мастера изготовили огромное количество, в каждом помещении лавки ставились вдоль стен. Они делались из толстых и широких досок, на резных столбиках-подставках. По краям опушались тесом. Под лавками устраивались выдвижные шкафчики разных размеров, от больших до совсем маленьких. Каждая лавка имела собственное название, порою очень смешное. Та, которая стояла у входных дверей комнаты, в заднем углу, называлась коником, под ней всегда размещался огромный ларь для хранения различных вещей, лавки, стоявшие под окнами, назывались «красными», у стены переднего угла – «передними».

Когда пришла очередь выбирать ткани для украшения лавок, к делу подключилась Фекла, с громким криком прогнав Спиридона с его дурацкими советами. Фекла лично отобрала восточную камху, красное сукно и бархат для самих лавок, а ткани для каймы, спускавшейся с лавки, выбрала голубого, зеленого и синего цветов. Женщина в любом времени остается женщиной и справедливо полагает, что она лучше любого мужчины понимает толк в красоте, тем более такого, как ее муж Спиридон, про князя хитрая Фекла предусмотрительно промолчала. В остальном жена беспрекословно подчинялась своему благоверному. Фекла посадила девок-холопок за шитье, а своих дочерей за вышивание. В этом времени каждая баба старше тринадцати лет – настоящий профессионал. Только опять художественные изыски Феклы влетели Андрею в кругленькую сумму. Шили-то золотом и серебром. Настоящим золотом, и серебро самое настоящее.

Как все было готово, мастера обили тканью лавки, для мягкости подложив под сиденье толстые стеганые полости и войлок. В остальных помещениях полавочники сшили из ткани поскромнее. Девушки старательно сшивали клиньями отрезы разных цветов. Клин красного цвета, клин желтого, затем снова красный, желтый. Получалось очень красиво и нарядно.

Двери в комнаты также обшивались тканями, сукна и шелка едва хватало, чтобы маломальски нарядить княжеские хоромы. Опочивальня князя приобретала законченные формы, стены обтянули темно-красным китайским шелком, дубовый паркет выкрасили в зеленый цвет, вместо привычных Андрею штор на окнах от стены до стены повесили тяжелые занавеси, сшитые из тяжелой парчи, выменянной у иранских тазиков. Такие шторы делались не для красоты, а для тепла, так сказала Фекла, хотя с ними в комнате было гораздо красивей. Занавеси защищали помещение от холода и ветра.

Кстати, в сенях такие завесы тоже были, только уже из красного и синего сукна, там они выполняли другую функцию – отделяли наружные входы от дверей во внутренние помещения.

Остальные отделочные работы Спиридон оставил на потом, когда вернется Иван Андреевич с импортными тканями из Новгорода и когда господин разживется золотом и серебром в достаточном количестве.

Надвратную башню рубить не торопились, ее поставить должны в последнюю очередь. Андрей отложил на следующий год постройку более капитальных защитных сооружений, ограничился мощным дубовым тыном. Андрей наивно полагал, что все обойдется и защищать усадьбу этим летом от вора не придется.

Площадь усадьбы огромна даже по местным меркам. Внутри княжьего двора даже разместился целый сад. По самым скромным подсчетам Андрея, в усадьбе смогут найти защиту несколько сотен крестьян вместе с живностью и всем своим нехитрым крестьянским имуществом. Не усадьба, а целый городок получился.

Для семейства Спиридона плотники срубили отдельный двухэтажный дом, от которого к княжеским хоромам вел теплый переход. Избы для воинов поставили просторные, в два этажа.

Для Онисима с Олешей, как семейным людям, отдельные избы срубили, подальше от всех построек, рядом кузницы организовали. Поставили пару сараев с тесовыми крышами, над которыми торчали сложенные из плинфы трубы, вот и вся кузница. Чуть в стороне вкопали в землю четыре столба, соединили их боковыми перекладинами и круглыми засовами сзади и спереди – вот и станок дляковки коней. Внутри конь оказывался, как в клетке, и даже не мог лягаться и лишь мелко дрожал, когда Онисим его подковывал. Однако большинство лошадей на Руси не подкованы. Что поделать – подражание татарам.

Мастерские возвели с широкими окнами, чтобы можно было работать даже в зимнее время. На случай нападения врага установили мощные ставни, обитые железом. Не дай бог стрела прилетит, стекла больше нету, и взять его негде. Для мастеровых, слуг и прочего народа пришлось рубить больше четырех десятков изб.

Как-то само собой вышло, что двор усадьбы разделился на множество маленьких дворишков. Лишь перед воротами располагался вымощенный свежими досками просторный двор, в центре которого плотники установили большие столбы с массивными железными кольцами, к которым приезжавшие по делам в усадьбу привязывали своих лошадей.

Пока мужики возводили мощный тын, бабы под присмотром жены Спиридона закончили разбивать сад, высадив саженцы яблонь, смородины, вишни, сливы, груши и крыжовника. А уж овощей насадили – целое поле. Для огуречников из ближайших деревенек притащили несколько телег с навозом. Кстати, про овощи. Овощами на Руси изначально называли лакомства, например, изюм, финики, грецкие орехи, винные ягоды, в описании которых Андрей узнал виноград, ягоды рябины и калины.

Работа работой, но Афанасий не забывал и об обучении молодых холопов стрельбе из лука. Семен натаскивал парней владению саблей, Однорукий Рябой – мечом, Демьян – рогатиной. Теплым вечером Андрей сидел на завалинке, за тыном, и с интересом наблюдая, как Афоня проводит занятие. Высокий, статный воин в полном воинском облачении важно расхаживал вдоль строя новобранцев, поучая молодых:

– Лук – это оружие дальнего боя. Слабого – он делает сильным. Чтобы остаться в живых, вы должны в совершенстве им овладеть. В ближнем бою у вас пока нет шансов противу татарина. Он вас вмиг возьмет на копье или сабелькой посечет, а с луком вы для любого татарина – опасный противник. Оттого татары сызмальства учатся владеть луком. Мастеров сабли из вас Семен с Рябым сделают. Моя же задача – научить вас убивать врага издали. Хорошим стрелком стать – время потребуется много, порою бывает, что и всей жизни мало. Но попадать со ста саженей во врага хоть пешим, хоть конным – вы просто обязаны.

– Так, дядька Афоня, мы белку в глаз... – тоненьким голосом пискнул худой новобранец с россыпью веселых веснушек на лице. Андрей узнал пацана – это был парень из Васькино, вроде бы Гришкой его зовут. Приходил он к князю он вместе с отцом и серебро за холопство отдал отцу полностью.

– Цыц, – Афанасий строго посмотрел на холопа, – для начала вы должны выбрать лук по своей силе. Сейчас вы выберете лук по себе, – воин махнул рукой в сторону телеги с лежащими на ней саадачными наборами, терпеливо дожидался, когда парни расчехлят саадаки, привесят к поясам полные стрел колчаны, сделанные из бересты, и вынут тугие татарские луки из налучей. – Так, все взяли? – он внимательно осмотрел бестолково толпившихся у телеги, словно стая воробьев у кормушки, юнаков, которые совсем не походили на грозных воинов.

Им еще предстояло ими стать, сдав в ближайшем сражении свой первый экзамен, где есть только две очень простые оценки: жизнь и смерть. Права пересдачи экзамена у них нет, таковы правила. Смогут ли они сдать этот важный в их короткой жизни экзамен, целиком зависит от Афанасия.

От цепкого взгляда ушкуйника не укрылась ни одна мелочь.

– Теперь натягиваем тетиву тремя перстами правой руки. Вот этими перстами... Олухи! – Афанасий громко окрикнул двух парней, принявшихся дурачиться, передразнивая учителя.

Парни не успели отреагировать на окрик, как плеть, неожиданно появившаяся в руке воина, со свистом рассекая воздух, опустилась им на спины, сначала одному, потом другому. Шутки вмиг прекратились, лица холопов, которым едва минуло шестнадцать зим, сразу стали не по-детски серьезными. Провинившиеся втянули головы в плечи, словно опасались, что плеть пройдет по ним по второму разу.

Этих тощих, одна кожа и рожа, пацанов привел к Андрею Кузьма после торга, где он покупал кузнечный инструмент. Парней отдали Кузьме на сдачу, все равно для хозяина проку от них не было. Кто они и откуда родом, парни не знали, а прежний их хозяин такой малостью не заморачивался, ему самому они достались вместе с телегой железных криц. Парней по приказу Луки откормили для начала, одели, обули и отдали в воинское обучение. Звали их по-смешному, но традиционно для этого времени – Первуша и Вторуша. Имена не настоящие, от рождения парни носили другие имена, но кто их помнит, да и дела нет хозяину до настоящих имен пацанов, назвал так, что в голову первым пришло, и не заморачивался. Еще один пацан был в обучении с именем числительным, зовут его Третьяк, слава богу, на нем числительные имена пацанов заканчивались.

– Натягиваем тетиву до локтя левой руки и освобождаем безымянный перст, – Афанасий внимательно наблюдал за действиями учеников. – Освободили? Хорошо. Продолжаем натягивать до полной длины своей стрелы. Ну и что, что стрелы нету! – грозно рыкнул Лука на вновь подавшего голос Гришку. – Представь, что есть! Если держите лук без дрожания и переутомления – значит, лук вам по силе, и он вам подходит. Если рука дрожит, то сие значит, что силенок у вас на такой лук не хватит, лук такой для вас тяжел и непригоден. – Плеть вновь опустилась на Первушу, только на сей раз чуть пониже спины, отчего парень ойкнул и подпрыгнул как ужаленный.

Метода обучения и воспитания совсем не походила на привычную Андрею систему. Хорошо, что на Руси не знали Павла Астахова, уполномоченного по делам детей, иначе Павлу такое знакомство вряд ли понравилось, да и менять методу Афоня вряд ли бы стал, а отстранять Афанасия от процесса обучения Андрей уж точно не станет, хоть десять Павлов Астаховых будут рядом стоять и вещать о правах детей. У детей есть право на жизнь (собственно убить своих холопов Андрей был не вправе, но жизнь пацанов принадлежала князю по закону), и отстоять это право они должны сами с оружием в руках.

Андрей с интересом слушал наставления одного из лучших лучников на Руси. Сегодня холопы упражнялись в стрельбе, будучи пешими воинами. Несведущему человеку трудно представить, сколько хитростей должен знать лучник для того, чтобы остаться в живых в стремительном перестреле стрельцов. Даже стойка лучника о многом говорила понимающему человеку. Афанасий учил холопов правильным техникам русских стрельцов, обогащенных техниками Востока. Учил умениям кидать стрелы и практически одновременно прикрываться щитом, отбивать летящие стрелы таким образом, чтобы ни одна вражеская стрела не вонзилась в круглую татарскую халху, или щит по-нашему.

Афанасий въедливо и скрупулезно доводил до автоматизма навыки холопов. Самым необычным, на взгляд Андрея, было то, что каждое занятие, будь то стрельба пешим или на коне, всегда сочеталось с отработкой приемов защиты щитом от вражеских стрел. Каждый холоп, по татарской методике, побывал под ливнем стрел в легкой кольчужке, уворачиваясь от летящих стрел или отбивая их щитом. Наконечники стрел не боевые, каменные с тупым концом, такими белку бьют охотники, такие серьезных ран не нанесут, но все одно больно. Но больнее всего была плеть учителя, когда нерадивый ученик не смог увернуться от стрелы. После показательных порок на конюшне успеваемость резко пошла в гору. Придерживая руками поротую задницу, парни пару дней не могли сесть на лошадь, но уворачиваться от стрел могли и с поротой задницей. Кто знает, откуда пошла поговорка «Взяться за ум», но Афанасий часто грозил ученикам плеткой, напоминая им эту услышанную от Андрея поговорку. Во всяком случае порка здорово стимулировала умственные способности ребят, грамоту они освоили, на удивление, быстро.

Постепенно Афанасий усиливал сложность заданий, теперь нужно было не только увернуться или отбить стрелы халхой, но и в ответ поразить противника собственной стрелой, а это занятие посложнее будет. Ради интереса Андрей сам однажды попробовал, когда их с Афанасием никто не видел. Результат опечалил князя донельзя, он-то считал себя очень ловким, а оказалось, что его подготовка оценена была Афанасием на твердую «двойку». Учитывая требования Афони к своим ученикам, это неплохая оценка. Однако по требованию Афанасия князю пришлось пройти курс молодого стрельца. Но все равно максимум, на что был способен Андрей, – это десять стрел в минуту, и то только один колчан мог опустошить подряд, князю явно не хватало выносливости. Андрей был в прекрасной физической форме даже по меркам далекого будущего, а вот реалии века нынешнего говорили об обратном. Афоня, в отличие от Андрея, мог опустошить с десятков колчанов со скоростью двенадцать стрел в минуту, даже не вспотев от напряжения. Конечно, столько стрел кидать в перестреле без надобности, лучник имеет в запасе всего два колчана, но кто знает, как жизнь повернется.

Из двух дюжин учеников Афанасий отобрал лишь двоих, подающих надежды: Третьяка Мерины и Гришку Мороза, Спиридон по просьбе Афанасия и с разрешения князя освободил хлопцев от хозяйственных работ. Парни днями напролет тренировались по особой программе. Афанасий очень строго подходил к обучению, не раз и не два его плеть опускалась на спины пацанов, когда Афанасий оставался недоволен их результатами. Гришка с Третьяком готовы терпеть любые издевательства учителя и буквально боготворили его: такой шанс, попасть в обучение настоящему мастеру, случается раз в жизни. Поротая спина и крепкие тумаки – это мизерная цена за великую науку.

Афанасий упрямо вбивал в голову молодых парней, что бой со степняками – это не охота на белку. Мелочей в стрельбе из лука нет. Даже когда лучник подает стрелу, он автоматически, легким движением пальцев правой руки проверяет шероховатости на древке и целостность оперения. От этого зачастую зависит жизнь. Второго шанса кинуть стрелу противник тебе не даст, еще и еще раз вдальблывал Афанасий прописную истину в головы холопов.

В стороне слышался звон железа. Однорукий ушкуйник Рябой, потерявший кисть левой руки в том самом памятном сражении с татарами, и вечно веселый и улыбающийся Сенька

учили холопов сабельному бою и владению мечом. А где-то в поле пришедший в себя Демьян обучал молодых обращению с рогатиной. К Демьяну вернулся разум, когда братья уже потеряли надежду. Просто однажды утром Демьян вышел из избы на крыльцо и, увидав сыновей, строго спросил, где они находятся и что это за место. Громким окриком прекратив изъясления радости по поводу выздоровления батюшки, старый воин выслушал их рассказ и одобрил решение братьев. Как-то сразу получилось, что Демьян взял на себя функции коменданта усадьбы. Андрей поручил ему подготовить стражу для усадьбы. Демьян рьяно взялся за дело. Заставил мужиков наконец-то навесить обитые медными листами дубовые створки ворот. За этими листами пришлось гонять кораблик в Переяславль, и обошлись они очень дорого князю.

На самой крыше терема Демьян установил наблюдательный пост и посадил туда мальцов караулить окрестности. Этим старый воин не ограничился, собрал пацанов из холопских детей, несмотря на протесты родителей, и из них сформировал сторожевые посты, расставив их далеко в стороне от усадьбы. Появятся татары – парни успеют предупредить о появлении врага.

Усадьба обживалась потихоньку, жизнь на новом месте налаживалась. Из Старой Резани привезли плинфу, и мужики на дубовых сваях поставили настоящие русские печи. С внешней отделкой печей пришлось повременить из-за отсутствия нужного количества готовых изразцов в городских мастерских. Андрей внес небольшие изменения в конструкцию печей своего терема – теперь топили печи в боярском доме по-белому. В остальных домах – по старинке.

Холопы закончили рыть погреба, и ушкуй отправился в Пронск за хлебом и железом, кузницы испытывали уже большую нужду в железе. Запасы хлеба, взятые с собой, также подходили к концу, едоков в хозяйстве хватало. Мужики работали за пятерых, ну и ели соответственно. Благо дичи в лесах навалом. Охота позволяла не думать о запасах мяса. Ежедневно отряжали парочку охотников в лес, в основном охотой занимался Кулчук, иногда к нему присоединялись братья. Лось, кабан, медведь, зайцы – все едино. Мясо есть мясо, одними кашами сыт не будешь. Разумеется, делали запасы на зиму, бабы коптили мясо понемногу впрок. Ну и рыба, конечно, дополняла рацион, река изобиловала рыбой. Кормили в княжьей усадьбе от пуза, но и работу спрашивали ой как строго.

Вездесущий Спиридон уговорил в Старой Резани какого-то боярского сына уступить село на Оке. Желая побыстрее получить серебро за сельцо, боярский сын примчался в вотчину лично, не мешкая. Купля Андрея, как потом выяснилось, оказалась с душком – спорное сельцо. Претендовал на новое владение Андрея городской боярин Старой Резани. Конфликт уладили миром, сунули боярину отрез шелка и оформили купчую на село уже с ним, вдовесок отобрали у него выселки на берегу Оки.

Жители купленного сельца специализировались на рыбной ловле. Там же, в селе, Спиридон нашел опытного старика-рыболова, прельстившегося на пожизненное кормление. Взамен старик обязался обустроить рыбные тони, езы и коптильни в княжеской вотчине, в подчинение к нему поступали два десятка полных холопов, купленных (обменянных на несколько локтей шелка и пару выючных седел с кожаной плеткой в пополонок) за недорого по случаю, в Старой Резани у купцов, приезжавших торговать татарским полоном. По закону все получалось ровно, купцы честно выкупили полон у татар и привезли на Русь. Родственники по каким-либо причинам не смогли откупить полоняников, или нечем или некому было откупать. Кто знает, что там было, но по правде в этом случае полоняник становился полным холопом, и купец имел полное право на продажу.

Андрей перевез все свои запасы из схрана и оборудовал тайную оружейную комнату. Посвятив братьев в секрет чудо-оружия, Андрей отправился с ними на стрельбы, подальше от усадьбы. Братья быстро усвоили навык стрельбы из снайперской винтовки. Сами винтовки восторга у них не вызвали, Андрею даже обидно стало, а вот оптика привела братьев в неописуемый восторг. Через неделю братья отменно стреляли. Андрей не жалел патронов.

На укрытой от дождя тисовой крышей площадке верхнего яруса надвратной башни дворовые установили пушки. К тыну, на углах, пристроили срубы, набросав на перекрытия толстый слой земли, чтобы получились ровные площадки, и на каждой из них Андрей распорядился поставить по два орудия. Пушки спрятали под деревянными навесами от дождя и укрыли рогожей от лишних глаз. Мало ли какие гости пожалуют.

Ушкуйники уже видели «арматы» в Новгороде, и в Хлынове подобные игрушки имелись, потому долго учить ушкуйников обращению с орудиями не пришлось. Вот пороха было жалко. Не так уж много его припас Андрей. Но все равно пришлось обучать мужиков огненному бою, тратя бесценный запас. На будущее нужно будет раздобыть местного пороха, его можно купить в крымской колонии генуэзцев и в Сарае, куда порох привозили из самого Китая. Легко сказать купить – тут договариваться надо, привезут под заказ через пару лет. Если из Китая купцы доставят порох почти легально, то фряги – только контрабандой, ну и цена соответственно будет высока. Порох, именуемый зельем, стоил бешеных денег, и качество его оставляло желать лучшего. Но на безрыбье и рак рыба, сойдет и такой.

Дошла очередь до водяной мельницы с лесопилкой. Объяснив Титу принцип работы лесопилки, определились с местом ее постройки. Андрей поручил Спиридону выделить людей для строительства, но встретил решительный отпор со стороны дворецкого.

– Нету людей, – устало сказал Спиридон. – Мне еще избы рубить надобно. Хватит закупам жить на улице. На землю сажать пора их. Пускай землю расчищают, – дворецкий поспешил поделиться планами на работников и, видя недовольство господина, попятился задом. – Сено пора заготавливать, – под тяжелым взглядом господина выдал последний аргумент Спиридон, отступая мелкими шажками.

– Успеешь ты и избы поставить, и сена накопить. На пару дней всего людишек дай. И попроси Афоню помочь, пускай ратников отрядит тебе в помощь. Кстати, можешь на сенокос всех воев забрать без исключения, – предложил компромисс князь. Подействовало. Спиридон лишился работников на пару дней, а взамен получал помощь воинов почти на целый месяц.

– Я сам с Титом покумекаю, – обрадовался разрешению Спиридон. – Уж больно ты, князь, занятную штуку придумал. Сделаем твою лесопилку. А опосля и мельницу поставим, уже скоро жернова привезут.

– Ну, спасибо, Спиридон, за доброту твою, – усмехнулся Андрей.

Князь не собирался внедрять на Руси технический прогресс, как это делали известные ему книжные герои, попадая в прошлое. С лесопилкой бы разобраться... Инструкция по сборке лесопилки покоилась в навечно мертвом ноутбуке, как и весь запас знаний человечества. Впрочем, толку от нута все равно бы не было. Запасной комплект батарей Андрей взял, но про электричество для зарядки забыл. Бывает. Ему бы взять с собой маленькую бензиновую электростанцию да бензина пару бочек, но как-то совершенно выпало из головы, что в средние века нет электроэнергии. Из взятого с собой в путешествие в прошлое много чего пришлось выкинуть. Ну, зачем, спрашивается, ему тут мертвые импортные рации? Знал бы, что так выйдет с техникой при переносе, припас бы лучше допотопные проводные телефоны. Или вот отданные в залог князю «хрустальные» вазы, кто знал, что бросовый товар окажется очень дорогостоящим? Князь ссудил Андрея разными полезными и нужными вещами для строительства усадьбы, в залог Андрей отправил ему вазу. Оказалось, что ее оценили по стоимости как маленький городок с населением в пятьсот человек. Семен, отвозивший вазу князю, по возвращении сообщил, что князь резанский залог принял и добро из кладовых даст для обустройства своего боярина. Вот только ближние бояре князя намекнули Семену, что хорошо бы новому боярину оставить залог, не выкупать его. Оно и понятно, дорогую вещь продать на Руси практически невозможно, потому все дорогие вещи или берут саблей, или получают в подарок.

Конкретных полезных знаний в голове Андрея оказалось до обидного мало. Ну не помнил он полный курс химии и физики, хоть ты тресни. Он даже не смог бы отливать стекло,

никак не мог вспомнить ингредиенты, необходимые для этого процесса. Помнил, что песок нужен особый, вроде бы кварцевый или еще какой... На этом его познания в варке стекла заканчивались. А уж определить минералы и, главное, найти нужные – боже упаси. Остается ограничиться минимумом и просто вращать в жизнь, ничего не меняя. А жизнь у бояр и князей в это время веселенькая: постоянные войны и конфликты. Саблей можно намного больше заработать, чем торговлей. Это даже не вопрос. От точки А до точки Б добраться летом можно только по воде, а зимой на санях. Осень и весна выпадают – распутица. Да и много ли на лошади увезешь? Вот то-то и оно.

Глава 8. Проблемы и пути их решения

Татары вместе с братьями целыми днями носились по окрестностям, поставляя к столу зайчатину, дикую птицу, кабанов и лосей, косуль и медведей. Андрей все собирался расширить рыбную ловлю, но как-то все руки не доходили до этого. Андрей уж было совсем собрался снова завести разговор с дворецким о выделении ловцов на рыбалку, но отвлекся на шум, раздавшийся во дворе усадьбы. Выглянув в окно, Андрей узрел три десятка спешившихся у коновязи воинов в разноцветных кафтанах. Среди них Андрей безошибочно узнал своего резанского собутыльника – боярина Маслова. По всему видно, любит Константин Федорович жить красиво, вот и сейчас на боярине Маслове надет ездовой кафтан из камки темно-красного цвета. Полы дорогого кафтана украшены кружевами и унизаны речным жемчугом и драгоценными камнями. Вместо пуговиц – фатисы, петлицы с кисточками. Опушен кафтан не чем попало, а соболиным мехом. Любит Костя щегольство, тут уж ничего не поделаешь.

– Костя! – искренне обрадовался князь приезду товарища. – Рад тебя видеть! А я вот, как видишь, обустроился почти на месте, – князь не утерпел, с гордостью похваляясь успехами.

Шустрые дочки Спиридона пулей слетели с высокого крыльца терема, протягивая наперебой боярину чаши с вином.

– Испей с дороги, боярин, – старшая, Прасковья, лучезарно улыбаясь, протягивала гостю полную до краев чашу красного заморского вина.

– Трифон, коней прими, – грозно прикрикнул князь на молодого парня в посконной рубахе до колен.

Вихрастый паренек впервые в жизни видел разряженного боярина и теперь, от удивления раззявив рот, большими круглыми глазами разглядывал богатые одежды гостя.

– Проходи в дом, Константин Федорович. Будь гостем дорогим, – пригласил боярина Андрей. – Поснедаем, чай, с дороги проголодался?

– Не откажусь от угощения. Особенно от вина. В горле все пересохло – прямо пожар. А вино у тебя хорошее, – похвалил боярин Андрея, отдавая Прасковье пустую чашу.

За обедом Костя рассказал свежие новости. Потом выслушал Андрея с его печальми и заботами. Таковых имелось в наличии две – нехватка денег и людей. Из них происходили второстепенные печали. Скотину покупать нужно – коров, овец, птицу всякую. Людей катастрофически не хватает. Дворни полно, а ее прокормить еще нужно, а крестьян, работающих на земле, кот наплакал. Пара сотен смердов, проживающих в боярской вотчине, не прокормят княжеский двор, монастырские холопы за малочисленностью погоды не сделают, к тому же большинство из них – люди мастеровые, сажать таких на землю – грех.

Отделка хором не закончена. Хоромы поставить да избы для дворни срубить – плевое дело, главное, недорогое строительство, лес – вот он, рядом, платить за него не нужно. Все затраты только и всего, что заплатить за работу мастеровым, нанятым для этого дела. Но отделка помещений – удовольствие не из дешевых! Андрей прикинул на досуге вместе со Спиридоном и Феклой, во что ему обойдется внутренняя отделка хором, и ужаснулся. Триста рублей самое малое! А ведь еще внешняя отделка даже не начата! А еще есть дома челядников, о них тоже подумать надобно. Одной ткани потребно столько, что впору волосы рвать на голове!

По незнанию Андрей наивно считал, что ткани идут только на шитье одежды, а в действительности дешевая и дорогая ткань в огромных количествах шла на наряд хором князей и бояр, даже простые горожане и крестьяне использовали дешевые сукна, наряжая избу. Ну да бог с ними, с тканями, купец привезет из Новгорода достаточно и для продажи, и для внутреннего потребления в вотчине, но это значит изъять товар из торгового оборота. Так впору скоро стать несостоятельным. Скромнее жить положение служилого князя и боярина не позволяет.

Дворня совсем распоясалась, все чем-то заняты, Андрей было сунулся помочь мужикам в кузнице, но после нескольких ударов молотом по заготовке холоп-кузнец попросил своего князя уйти от греха подальше. Потом, когда будет работы поменьше, обещал научить господина махать тяжелой кувалдой правильно, со смыслом, а не бить со всей дури, как попало. И так везде, отовсюду князя вежливо прогоняли, даже в поварне, когда Андрей предложил свою помощь, на него посмотрели как на полоумного.

Костя внимательно выслушал своего друга, еле сдерживаясь от смеха. Поведение Андрея, мягко сказать, не соответствовало положению князя, но Костя, как и все обитатели усадьбы, относился к странностям друга снисходительно. В дальних странах свои обычаи, порою странные и непонятные, ничего, пройдет время, и Андрей станет вести себя, как подобает настоящему русскому князю и боярину.

– Экая беда... Ну ты, брат, даешь. Зачем покупать? А сабля тебе на что? Коров, овец, лошадей, ослов и даже верблюдов совсем рядом можно взять. И людишками разжиться знаю, как... И знаю место одно, где все это есть в больших количествах, – доверительно сообщил боярин, многозначительно смотря на Андрея.

Видя, что друг его не понимает, широко улыбаясь, предложил вариант решения проблем Андрея:

– Послан я, прося у Бога милости, над ордынскими людьми промышлять, сколько милосердный Бог помочи подаст. Доброе дело сделаем – православных отполоним, посадишь их на землю, все равно им возвращаться некуда. Да и не ждет их уже, наверное, никто. А коней продать можно – вот тебе и деньги.

– Знаю я твою выгоду, – ворчливо сказал Андрей. – Я тебе уже продавал однажды. Не забыл?

Он почти готов был согласиться с предложением друга, тем более ничего плохого в предложении Константина Федоровича не было, но обида на хитрого боярина еще не прошла.

– То когда было... – Костя дружески похлопал Андрея по плечу. – Не держи на меня зла. Сам знаешь, по хмельному делу ты тех коней мне продал.

– Да не держу я зла, – примирительно сказал князь. – Просто вдруг вспомнил.

– Так давай выпьем, – Костя вновь наполнил вином опустевшие оловянные кубки. – А завтра с утра отправимся.

– Что, уже завтра? – удивился Андрей.

– А чего тянуть? Нам собратиться – только подпоясаться, – боярин широко улыбнулся, демонстрируя крепкие, никогда не знавшие прелестей «блендамеда», сияющие белизной зубы. – Давай вели собираться дворовым. Пусть седел выучных поболее возьмут с собой. Ремни там, нитки, иголки и что еще нужно.

Костя лихо осушил до дна кубок с итальянским вином, рукавом кафтана обтер мокрые усы и вновь потянулся к глиняному кувшину. Андрей обреченно смотрел на друга, понимая, что запасы вина в усадьбе к утру резко сократятся, если совсем не закончатся.

На совете, куда Андрей пригласил Демьяна, Афанасия, Булата, Кулчука и братьев, решили принять предложение боярина Маслова. Мужикам уже изрядно надоело сидеть в усадьбе, занимаясь в основном делами хозяйственными, и им страшно хотелось размять косточки. Именно такими словами выразил общее настроение собравшихся Семен. Советники дружно кивали головами, выражая полное согласие с самым молодым княжеским советником. Младшие братья Семена хотя и присутствовали на совете, но права голоса не имели: возрастом не вышли. Больше всех рвался в поход отец братьев Демьян, но его, к великому сожалению, князь оставлял в вотчине.

Едва забрезжил рассвет, кавалькада из семи десятков всадников на маленьких степных лошадаках с заводными лошадьми выехала из ворот усадьбы.

Их путь лежал к Польному Воронежу, туда, где степь тянулась на многие десятки верст и где когда-то останавливался Батый «на Онузе». Им приходилось пробираться сквозь непролазную лиственную чащу с ее подлесками из кустарников и папоротников. Путь пролегал по лощинам, сплошь заросшим веселым густым орешником, громадными осинами. Чем дальше уходили на юг, тем чаще стали попадаться в чаще развесистых многовековых дубов лесные переползня, заросшие сочной травой. Чем дальше, тем чаще встречаются широкие поляны. Берега речушек заросли хвойными породами деревьев. Андрей заметил одну особенность: могучие боры в основном тянулись вдоль берегов рек и речушек, словно хвойный лес рвался на юг, медленно, но верно отвоевывая жизненное пространство. Благоприятные места, но единственные обитатели этих земель казаки-изгои.

Отряд только что выбрался из лощины, выбрался на широкое, поросшее ковылем поле. Андрей не успел сообразить, как татары, похватав луки, прищипорили коней, на ходу пуская стрелы. Следом за ними рванули воины боярина Маслова. Отряд набрел на стоянку казаков-изгоев. Татары россыпью бросились наутек, но стрелы вонзались им в спины. Пленных не брали, два десятка женщин и детей пали под ударами сабель. Забрав лошадей и немногочисленное оружие, на всю ватажку у татар нашлось десятков луков и полдюжины сабель да два шестопера и четыре боевых топорика, двинулись в дальнейший путь. Сотня овец и три десятка коров остались бродить по полю, предоставленные своей судьбе.

Еще раз повстречались с казаками на следующий день, те перебирались через лог, носящий название «ржавица». Такое название лога получали от стоявшей ржавой воды на дне лога, поросшего осокой. Татары не ожидали встретить в безлюдных местах русских, за что и поплатились. Опять все повторилось, татар поголовно вырезали, а скотину и лошадей бросили на произвол судьбы.

Мало, конечно, воинов уходило с боярами, но на большое кочевье Костя и не собирался нападать. Татары Кулчука выведут на нужное кочевье: есть у них один должок неоплаченный. Ясное, светлое утро обещало хорошую погоду на весь день, но к вечеру погода испортилась.

Мелкий дождик с небольшими перерывами шел всю ночь. Весь следующий день с небольшими перерывами шел проливной дождь. Жирная земля пропиталась влагой, и ноги лошадей скользили. Ремни, стягивающие выюки, намокли, поклажа то и дело норовила сместиться, и часто приходилось останавливаться, чтобы поправить выюки.

В дороге из рассказов татар Андрей узнал много интересного из жизни кочевников. Его поразила огромная численность скота в кочевьях татар. В его-то вотчине крестьяне с трудом могли прокормить корову и пару лошадей, а скотоводческие племена, кочуя с места на место, содержали десятки, а то и сотни тысяч голов скота. Самый бедный кочевник, влача нищенское существование, владел одной лошадью, одной коровой и полдюжиной овец. Для вполне скудного существования у татар считалось достаточным иметь стадо из пятидесяти голов. Владелец стада в пятьсот голов уже был вполне зажиточным человеком. Источники богатства кочевников вот уже двести лет не менялись. Вот только разбогатеть в степи можно только одним способом: захватить на Руси рабов и обменять их на скотину. Способ нехитрый – быстро и задаром.

Леса, болота и овраги сменились перелесками, наконец началась степная сторона, отчетливо запахло степью. Удача сопутствовала русским. Булат вывел их на небольшое кочевье маленького рода, своих кровных врагов, которые принимали участие в нападении на род Кулчука. Бить степняков нужно было быстро, главное, не дать никому уйти. Иначе беды не оберешься. Ближайшее кочевье в двух днях пути. Быстро нагонят степняки русское воинство, и тогда охотники превратятся в дичь, которую будут гнать, пока не затравят.

* * *

Отрядив дюжину воинов разобраться с пастухами, напряженно все вслушивались в ночную тишину. Когда воины вернулись, устранив безмятежно спящих пастухов, Андрей вздохнул с облегчением.

Чуть рассвело, атаковали кочевье. До стойбища чуть меньше версты, ближе подойти опасались быть замеченными. Коней пустили рысью, и метров за четыреста до табора перешли на галоп. Копыта лошадей предусмотрительно обвязаны тряпками, предосторожность не лишняя. Андрей натянул каменное кольцо на палец, достал лук из налуча и, уже привычным движением проверив оперение, наложил стрелу, делая глубокий вдох, натянул тетиву до уха, плавно отпустил, тетива громко щелкнула о медную пластину на левой руке. Стрела с легким шелестом ушла ввысь. Рядом боярин Маслов посылал стрелы со скоростью пулемета. Расстояние стремительно сокращалось, вот и холопы взялись за луки. Рой стрел смертоносным дождем пролился на лагерь степняков.

Из невысоких шатров выбегали заспанные татары в накинутах наспех ярких халатах, еще толком ничего не поняв, они первым делом спешили к лошадям, стоявшим у коновязей, и падали, сраженные стрелами. Андрей кидал стрелы не в людей, его целью были лошади. Жалко, конечно, лошадок, да и глупо портить добро, которое он считал уже своим, но резанец был неумолим, лошадей татарских бить в первую голову. С боярином Масловым оказались согласны все, какой-никакой опыт у ушкуйников был. Оставь татарам лошадей, и в одночасье сам станешь татарской добычей.

Почти сразу же раздались женские крики и громкий детский плач. Над ухом Андрея прошелестела стрела, от чего лоб боярина моментально покрылся холодной испариной, а сердце сковал жуткий холод. Страшно. Это в кино с героем ничего не случается, не берут его ни стрелы, ни клинки вражеские, в действительности все не так. Пускай доспех добрый, но попади такая стрелка, весом четыреста граммов прямо в лоб, и шелом не спасет.

Андрей обернулся, бросив быстрый взгляд на скакавшего следом боярина Константина. На разгоряченном лице резанца – хищный оскал, словно он не на татарина пошел, а на обычную охоту на кабана или медведя. «Черт, они все тут немного чокнутые, – успел подумать Андрей и от этой мысли сразу успокоился. – Нужно стать своим, таким же придурком, как они, иначе делать мне в этом времени нечего». Князь, стараясь не думать о смерти, бросил лук в налуч, сорвал круглый татарский щит с луки седла, прикрылся им от стрел, поудобней перехватывая рогатину.

На его пути встал пеший татарин в халате с нашитыми поверх ткани железными пластинами, с красным круглым щитом и изогнутой саблей в руках. Князь привстал на стременах и с силой толкнул рогатину вперед. Степняк успел прикрыться щитом, но булатный наконечник рогатины проткнул татарскую халху⁷³ насквозь и глубоко воткнулся татарину в грудь. Андрей, продолжая стоять на коротких стременах, резко опустил рогатину и, миновав убитого, крепко ухватившись за древко, резко выдернул ее из мертвого тела, татарский щит из ивовых прутьев остался висеть нанизанным на рогатину.

Конь грудью налетел на немолодого татарина, торопливо натягивающего тетиву на лук. Копыто боевого коня опустилось упавшему на голову. В ответ раздался чавкающий звук. Следующим был молодой, совсем безусый татарчонок, вскинувший лук, пуская стрелу в Андрея.

⁷³ *Халха* – щит, сплетенный из прутьев и увенчанный металлическим умбоном. Круглый, несколько выпуклый, диаметром около 50 см и более, этот щит по-тюркски назывался «калкан», по-монгольски – «халха» (от монгольского глагола «халхасун» – сплести из прутьев). Прутья обматывались разноцветными шерстяными или шелковыми нитями таким образом, что получался геометрический узор.

Рогатина прошла парня насквозь, а скакун Андрея, получив стрелу в грудь, с жалобным ржанием стал заваливаться на бок. Андрей успел соскочить из седла, догадавшись бросить рогатину.

Вторая кривая сабля, пернач и кистень остались на убитом коне. Щит, закинутый на спину, на месте. Поднявшись на ноги, он привычным движением перебросил легкий татарский щит на руку и отцепил ножны от пояса, Андрей обнажил свою почти не изогнутую саблю, которой можно было не только рубить, но и колоть.

Князь заметил шевеление в юрте и, откинув полог, бросился внутрь, в темноте рубя все живое. Пару раз его пытались заколоть кинжалом или ножом, в темноте толком не разберешь, но не смогли пробить доспех. Андрей чиркнул саблей по силуэту справа, рассекая плоть, развернулся и резко ударил щитом противника слева от себя. Ткнул саблей в упавшего и, убедившись, что живых больше нет, выскочил из шатра.

Чуть не сбив Андрея с ног, мимо промчался Первак, припав головой к гриве коня, следом за ним гнался разъяренный татарин на неоседланной кобыле. Андрей успел чиркнуть саблей по бедру преследователя. Татарин через мгновение свалился с кобылы со стрелой в груди. Андрей проследил взглядом, откуда прилетела стрела, и заметил Вторушу, натягивающего лук, причем целил пацан в Андрея! Стрела прошелестела совсем рядом, Андрей отчетливо ощутил дуновение воздуха и услышал резкий предсмертный хрип за спиной. Овернувшись, Андрей чуть с ума не сошел от увиденного: хрипел самый настоящий негр двухметрового роста, стрела Вторуши расплосовала горло полуобнаженному гиганту, бесшумно подкрадывавшемуся к Андрею с длинным тесаком в руке. Чисто из милосердия Андрей кольнул саблей в лоснившуюся грудь дитя Африки, в самое сердце.

Мимо князя, опять чуть не сбив его с ног, проскакал Гришка Мороз на низенькой степной лошадке, в татарском халате и в лисьей шапке на голове, на полном скаку пуская стрелу в набегавшего на Андрея татарина. Короткая именная стрела по самое оперение вошла в грудь степняка, откидывая его назад, словно на нем не было короткого кольчатого доспеха – полубайданы. Следом за Морозом промчался Третьяк с наложенной на тетиву стрелой. Этот архаровец под халат хоть кольчужку легкую напялил, не то что отмороженный Гришка, не признававший никакие доспехи, кроме татарского стеганого халата. Заметив врага, парень пустил стрелу и потянулся за следующей к притороченному к седлу полупустому колчану из бересты. Андрей, пользуясь минутной передышкой, осмотрелся.

Двое степняков, ловко орудуя булавами, увлеченно добивали дружинника боярина Маслова. Воин, раненный стрелой в правую ногу, стоял, опираясь на согнутое колено, и прикрывался от ударов булав русским щитом, сделанным из дерева и кожи. Будь у него плетеная татарская халха, то против булав у парня не было ни единого шанса, а с русским щитом он смог продержаться минуту-другую. Щит не выдерживал мощных ударов, и воин был обречен.

Князь бросился вперед, мощным ударом с плеча рубанул по шее степняка, стоящего справа, неожиданно для себя развалив его напополам. «Надо же – получилось», – обрадовался он, входя во вкус битвы.

Бросив застрывшую в теле убитого саблю, Андрей ничего лучше не придумал, как всей массой налететь на второго степняка, сбивая его с ног. Оба они не удержались на ногах и вместе упали на вытопанную землю. Андрей свалился рядом с татаринцем в очень неудобном положении, а татарин уже поднимался с колен, переключив все свое внимание на нового врага, распластавшегося на земле, словно перевернутый жук.

Дружинник боярина Маслова воспользовался моментом, наотмашь ударил саблей по ноге степняка ниже колена. Татарин дико взвыл от боли и подкосился, потеряв опору. Из обрубка ноги толчками хлынула кровь, Андрей, суетливо оглядываясь по сторонам, торопливо поднялся на ноги и прекратил мучения раненого, добив его, перерезав кинжалом открытое горло.

Князь, тяжело ступая, пыхтя, как паровоз, на ходу крестясь и бормоча слова молитвы, подошел к поверженному степняку и просунул руку в темляк, резко потянув за рукоять, вытащил из тела убитого свою саблю, подобрал валявшийся рядом щит. Позади раздался тихий свист, и к ногам князя, подпрыгивая, словно мячик, прилетела с широко открытыми глазами отрубленная голова спасенного Андреем воина.

Князь резко развернулся и столкнулся с насмешливым взглядом пожилого татарина с темным от загара, сморщенным лицом, с белыми усами и узенькой бородкой. Одет степняк в чистый новенький стеганый халат, широкие шаровары и традиционные ичеготы. В руках он держал окровавленную, очень кривую саблю и ничем не примечательные деревянные ножны, обтянутые кожей. Ратник боярина Маслова все еще продолжал стоять на ногах, но ростом стал намного ниже – ровно на голову. Кровь толчками била из тела. «Ловко срубил, – успел подумать князь, – бармица не помогла, как бритвой голову срезал поганец».

Бесермен махнул саблей. В лучах восходящего солнца ярко сверкнул золотым блеском широкий дол на голомении сабли, князь принял клинок на щит так, чтобы вражеская сталь скользнула в сторону по легкой татарской халхе, обитой тонкими стальными пластинами, начищенными до зеркального блеска. Не останавливаясь, татарин рубанул снова. Лезвие едва не резануло Андрея по лицу, инерция удара увела руку врага вниз, и Андрей снизу вверх послал свою саблю точно в солнечное сплетение противника, чувствуя, как острая сабля разрезает плотный стеганый халат, подбитый конским волосом, и погружается в тело на добрые двадцать сантиметров.

Вот тебе преимущество несильно изогнутого клинка! Кривой саблей можно только рубить, а слегка изогнутая сабля Андрея лучше приспособлена для фехтования. Кровь обогрела новенький халат, татарин, закатив глаза, стал заваливаться на спину, бессильно выронив из рук деревянные ножны и саблю.

Наклонившись над телом, Андрей освободил кисть убитого от шелковой петельки и забрал его саблю. «Табан», – по светлому и волнистому узору на клинке определил Андрей родину оружия. Разжав мертвые пальцы, отнял ножны и вложил клинок в лагалище, повесил трофей на пояс, застегнув золоченые пряжки. Перешагнув через мертвое тело, Андрей поспешил к степняку, только что подрубившему ноги у коня русского воина.

Андрей узнал ушкуйника, в падении с парня свалился шелом по типу норманнского, открывая вихрастую голову для удара. Молодой татарин в кожаном доспехе под распахнутым шелковым халатом тут же махнул саблей, и голова русского удальца отлетела в сторону, срезанная начисто. «Ловко они саблей владеют, это же надо – так точно рассчитать удар за мгновения», – успел подумать Андрей, бросаясь вперед и с размаху опуская саблю на шею врага. Бармица из нескольких толстых горизонтальных кожаных полос, пришитых на лисью шапку, прикрывала затылок и плечи степняка. На удивление, обыкновенная толстая кожа выдержала удар, а вот шея хозяина бармицы – нет. Позвонки хрустнули, голова в лисьей шапке безвольно упала на грудь мертвеца.

В следующее мгновение Андрей еле удержался на ногах, получив сильнейший удар под левую лопатку, спину обожгло резкой болью. Овернувшись, Андрей понял, что его чуть было не сбила с ног прилетевшая издали татарская стрела, хорошо хоть не бронебойная весом в четыреста граммов, а легкая пехотная, и доспех выдержал, иначе он бы уже был мертвее мертвого. На всякий случай Андрей закинул щит за спину. «Поставлю свечку, как вернемся. Второй раз уже доспех спасает», – пообещал себе князь, отметив про себя, как часто он стал поминать Бога, так скоро он по-настоящему верующим станет, и снова бросился в сечу.

Свои татары метались по табору, словно черти, издали поражая врагов стрелами, в рукопашный бой не вступая, но их действия были втрое эффективней. Пока Андрей, обмениваясь ударами, завалил своего престарелого противника, владевшего саблей легко и виртуозно,

Кулчук успел подстрелить троих конных степняков. Парень старался не дать возможности врагам сесть на коней, пускай неоседланных. Легкий конный лучник – страшная сила.

Андрей увидел одиноко стоящего жеребца под седлом. «Наш, – определил Андрей, – татары жеребцов не любят, все на кобылах скачут». Тихим шагом князь подкрался к скакуну. Жеребец подпустил к себе Андрея, пару раз фыркнув, и через секунду всадник был уже в седле. Окинув цепким взглядом табор, он бросился в самую гущу схватки. Отбил саблей чей-то клинок, чутьем уловив направление удара, вражеская сабля, отклонившись, зацепила ухо лошадки, конь рванулся вперед, вынося боярина из сечи, оставляя противников далеко за спиной. Андрей с силой потянул правый повод, развернув храпящего жеребца, прищипорил коня, посылая раненого скакуна вперед, ударил кромкой щита в основание черепа татарского всадника без шелома, тот рубился с холопами и не заметил, как Андрей появился из-за спины. В этот момент татарская сабля полоснула по спине, и татарин, нанеся удар своим железком, будучи уверен, что с Андреем покончено, отвернулся, заноса руку для удара по Кузьке. Парень как раз поднимался на ноги после падения с убитого коня. В сече лошадям доставалось не меньше, чем всадником, а порою гораздо больше. Андрей, невероятным образом извернувшись, махнул саблей, и рука татарина отлетела прочь. Андрей подмигнул уже распрошавшемуся было с жизнью пацану и погнал слабеющего коня наперерез выскочившим из-за шатра татарам. Те уже вскинули луки и успели снять стрелами пару холопов боярина Маслова. Больше натворить бед они не успели, Андрей бросил жеребца между ними, ударил с оттяжкой, могучим ударом разрубая до пояса первого, что немудрено, на противнике обычный «домашний» халат, а второго татарина оглушил ударом перекинутого на руку щита. Тренировки с Демьяном пошли на пользу, теперь закинуть щит на спину и перекинуть обратно – секундное дело.

Развернув коня, князь заметил, что Кузька отбивается от разъяренных татарок в цветастых халатах, орудующих кинжалами и большими ножиками для разделывания мяса. Кузька по молодости не решался убивать женщин, отступал, размахивая кривой саблей, не давая фуриям возможности подойти ближе. Больше Андрей ничего не увидел. Передние ноги скакуна подкосились, Андрей кубарем слетел на землю, получив в довесок сильнейший удар саблей по мисюрке-наплешнице. В голове словно взорвалась вселенная, рассыпаясь на великое множество ярко пылающих звезд, и наступил мрак...

Он очнулся, когда все было кончено. Боярин лежал на цветастом ковре, голова его покоилась на маленькой подушке. Рядом с Андреем сидел верный Сенька с обнаженной головой и тихонечко подвывал. Увидев, что князь приходит в себя, парень украдкой смахнул слезы, ручьем лившиеся из глаз, и обрадованно затараторил, от волнения перейдя на татарский язык.

– Побили мы татар. Только Кузька сильно поранен, словно кошка его исцарапала. Ага, все чело в порезах. Старая карга ногтями вцепилась ему в рожу, содрав шелом с головы, чуть было до смерти не задрала, ладно я успел вмешаться. Еще Афанасий сильно поранен, – вмиг повеселев, начал выдавать новости Семен.

Андрей сделал слабую попытку сесть, осторожно притронулся к затылку, где вздулась приличных размеров шишка, а в волосах на затылке уже запеклась кровь. В голове страшно шумело, и окружающий мир пытался исчезнуть в розовом тумане. Рвотные спазмы изуверски раздирали нутро Андрея. Князь, чуть не падая, встал на карачки и опорожнил желудок прямо на разноцветный персидский ковер. Уф... Сразу стало легче. С трудом, преодолевая тупую боль в спине, при помощи Семена, он поднялся на ноги. Перед глазами снова все поплыло, пришлось выждать, пока зрение снова не придет в норму.

– Тихо шифером шурша, крыша едет не спеша, – усмехаясь, пробормотал боярин и решился – сделал первый шаг и чуть не свалился, правая нога отозвалась резкой болью в колене. Семен подхватил господина, не давая ему упасть, и заглянул в лицо Андрея, настороженно заглядывая в глаза.

– Ты чего, государь? Какая крыша? – парень не на шутку испугался, а ну как заговариваться начал боярин?

Андрей оперся на Семена, разглядывая распоротую штанину. Три стальные пластины, защищавшие в бою ногу, исчезли, а вместо них из-под штанины выглядывала чистая льняная повязка. Андрей вспомнил падение с коня и догадался, что ногу ему отдал павший комонек.

Он посмотрел на тень от воткнутой в землю рогатины, задрал голову, посмотрел на солнце и понял, что без сознания он провалился очень долго, сейчас шел шестой час вечера по привычному исчислению. Добро все уложено в татарские двухколесные повозки, между ними тут и там попадались привычные четырехколесные русские телеги. Рядом с ближайшей телегой, нагнув татарку, пристроился сзади удалец боярина Маслова. Десятник, увидав такое дело, неспешно подошел, широко размахнувшись, ударил плашмя саблей по голому задку весельчака.

– Еще раз увижу такое – муди враз отрежу, – спокойным голосом произнес ветеран многих сражений отвалившемуся от девки удалцу с торчавшим из-под полубайданы удом. – Повтори!

– Богом клянусь, не хотел я! Бес попутал, – провинившийся упал на колени, от страха позабыв о спущенных портках и уронив от стыда голову на грудь.

– Скажу государю, чтобы лишил тебя доли, – десятник брезгливо отвернулся, потеряв интерес к виновнику нарушения дисциплины.

– Да-а-а. Крутенько, – пробормотал про себя Андрей, наблюдая картину расправы.

Андрей краем уха слышал, что подобные запреты практиковались в войсках Батыя, но потом татары, почувствовав послабление от слабых потомков Чингиза, позабыли о многих запретах, а вот русские запомнили и навсегда усвоили урок. В походе девок-полонянок запрещено трогать. Потом уже дома хоть по-одному, хоть хором пользуйте, а в походе никак нельзя.

Андрей заметил одиноко стоящего рядом с телегой Кузьму. Полубайдана Кузьмы носила отметины полудюжины сабельных ударов, к счастью, доспех ушкуйника выдюжил. Правая рука выше кисти обмотана окровавленной тряпицей, шаровары все измазаны кровью, но, видно, чужой, раз повязки не видно. Воин задумчиво крутил в руках кирасу, поворачивая ее и так и эдак.

– Чего разглядываешь? – поинтересовался Андрей, не понимая интереса воина к кирасе.

– Да вот клеймо смотрю, фряги⁷⁴ делали, – задумчиво ответил Кузьма, идя навстречу князю. Подойдя ближе, он протянул кирасу господину. – Сам посмотри, государь.

– Ну, кираса как кираса, – Андрей бросил безразличный взгляд на железку.

– Можно я ее себе возьму? – задал неожиданный вопрос Кузьма.

– Зачем тебе? – удивился Андрей.

С его точки зрения, кираса ничем не примечательна и защита доспеха – так себе.

– Надо, – уклончиво ответил Кузьма.

– Бери, если надо, – усмехнулся Андрей, гадая, что такого необычного нашел Кузьма в этой железяке.

Отпустив повеселевшего воина, Андрей отправился дальше осматривать поле битвы.

В местах ожесточенных схваток лежали посеченные лошади, татарские все больше у коновязей, а свои где попало. Раненых кобыл давно уже прирезали, избавляя от мучений. Семен сообщил, что погибло много боевых коней, из семидесяти лошадок в строю осталось двадцать одна кобыла, из них Андрею принадлежали пятнадцать. Значит, потерял он двадцать пять коней, а боярин Маслов лишился двадцати трех лошадок из тридцати.

«Черт, одни убытки, если добавить к этому посеченные брони, то набег обошелся недешево. Понятно, почему на Руси такой спрос на татарских лошадок. Свои конюшни у князей и бояр вряд ли смогут восполнить потери в лошадях. Все-таки война – дорогое удовольствие. Но

⁷⁴ Фряги – итальянцы.

добыча, надеюсь, с лихвой покроет потери. Главное, остаться в живых и победить, мертвым-то добыча ни к чему. А мертвым стать – плевое дело», – машинально Андрей потрогал шишку на затылке и вспомнил холодок в сердце, когда в спину ударила татарская стрела, когда его, беспомощно распластавшегося на сырой земле, чуть не зарезали.

Бывшие полоняники, щеголявшие в татарской одежке, выданной взамен их грязного тряпья, шустро разбирали шатры и, сворачивая их в скатки, аккуратно укладывали на повозки или навьючивая на лошадей. Татарские женщины, те, что помоложе, крепко связанные веревками, уныло стояли, склонив головы, ожидая своей участи. В тридцати саженьях за табором навалом лежали ободранные догола трупы убитых татар. Свои же убитые лежали на телегах, заботливо укрытые рогожами. Хоронить врагов, видно, никто не собирался.

– А дети где? – хриплым голосом поинтересовался князь у Семена.

– Какие дети? – На лице парня отразилось искреннее недоумение и озабоченность состоянием господина, а ну как повредился головой после удара?

– Татарские.

– В повозках сидят, кто помладше, а стариков того... Порешили их... – обычным голосом поведал страшную новость Семен.

– Собираемся и быстро уходим, – к Андрею верхом на вороной кобыле подъехал бледный как мел Константин Федорович и тяжело сполз с коня.

Байдана боярина залита кровью, на боку в доспехе огромная прореха. Это ж надо так постараться, чтобы просечь байдану, видно, с отменным бойцом свела судьба резанца.

– Раненых я распорядился положить в повозки. Убитых тоже с собой заберем. Потом схороним. Тяжело раненных своих я отпустил с богом. Твоих трое полегло, да двое пацанов пораненные сильно. Не жильцы они. Добивать сам будешь или мне добить? – деловито спросил Костя.

В обязанности каждого русского боярина входило отпускать с миром своих безнадежных раненых, вольных и холопов, без разницы. Раз продали свои жизни боярину, то эту печальную обязанность должен был исполнить Андрей лично.

– Сам отпусти, не смогу я, – нарушая обычай, попросил друга Андрей, понимая, что это единственно правильное решение – нельзя рисковать живыми ради тяжелораненых.

«Это ведь первый их бой, – успел подумать Андрей и снова согнулся в порыве рвоты. Освободив желудок, он снова обрел возможность мыслить. – Сотрясение получил, видать, приличное, вот ведь как блевать тянет... Но авось обойдется».

От костра к Андрею, держа на вытянутых руках деревянную миску, шел Федька. Подойдя к господину, парень протянул миску со словами:

– Испей, государь. Отвар это. Дюже хорошо помогает силы восстановить.

Воняло пойло страшно, преодолевая себя, Андрей маленькими глоточками осушил емкость. Действительно, как-то незаметно головокружение прошло, и боярина потянуло в сон.

– Пойду-ка, я прилягу, – сообщил князь Семену и направился обратно к ковшу.

* * *

Через два часа выступили в обратный путь, но Андрей еще спал, перенесенный заботливыми братьями на телегу. Стоило тронуться в путь, как от тряски он проснулся. Небо сильно затянуто тучами, что не радовало. К вечеру небо, слегка прояснившееся, снова заволокло тучами, и пошел небольшой дождик, но следом за ним показалось яркое солнце, и в воздухе стало просто душно.

Костя торопился быстрее уйти. Степь, она только кажется безлюдной, на самом деле кто здесь только ни шатается.

Андрей, сидя в телеге, еще долго наблюдал кружившееся над местом побоища воронье. Стервятники словно сигнализировали всем в округе: русские пришли, беда пришла! А собственно, почему русские? Татары сейчас режутся, борьба за власть у них идет не на шутку. Вполне побоище могли устроить сами татары, успокоил себя Андрей, прикрывая глаза и пытаясь уснуть на постоянно подпрыгивающей на кочках телеге. Телега – это еще гордо сказано. Примитивная повозка состоит из двух продольных досок, положенных на две оси, на которые надеты четыре колеса. Вдоль досок сделаны узкие бортики. Борты связаны двумя-тремя веревками, на которые брошены сшитые бараньи шкуры. Получается нечто похожее на качели, служащих сиденьем для путников и поклажи. Возница всю дорогу попеременно, то стоит во весь рост на передней перекладине, то сидит на специальной дощечке. Если груз достаточно тяжел, то в такую телегу запрягают от двух до пяти лошадей.

Подводу, на которую уложили Андрея, трясло неимоверно, потому князь на следующий день скрипя зубами перебрался в седло. Тоже трясет, но не так сильно. Колено уже не ныло так сильно, и вполне можно было сидеть в седле, вот только тупая боль в спине давала о себе знать, там синяк образовался размером с блюдце.

– Мы с братьями два на десять татар из пищалей положили, – отчитывался Сенька. – Но все равно, если бы не наши татары с Афонею и его мальцами, беда была бы. Надобно нам было с братьями из лука стрелы кидать. В эту пищаль-самострельную пока найдешь татарина, столько ударов сердца пройдет, за это время я бы пять стрел успел кинуть.

– Зачем же вы в оптику все время смотрели? – удивился Андрей, покачивая головой. – Моя вина. Учить вас еще нужно.

– Дядька Афоня много крови потерял. Ты посмотри его, княже, – перевел разговор на другую тему Семен при приближении резанского боярина. Костя, несмотря на рану, метался от головы обоза в хвост и обратно, поторапливая всех грозными окриками. Это было лишнее, люди и так торопились, но Костя таким образом выпускал напряжение. Пускай ругается, Косте можно.

– Овец я распорядился связать и на коней забросить. Так быстрее пойдем. Иначе не уйдем.

– Хорошую добычу взяли? – поинтересовался Андрей.

– Грех жаловаться, – поглаживая бороду, ответил озабоченный чем-то боярин, – одних панцирей дюжину взяли да в телегах посеченные кольчуги нашли. С собой паршивцы хлам таскали, кузнеца в степи днем с огнем не сыщешь.

– Ты как сам? – поинтересовался Андрей, глядя на перевязанный холстиной бок боярина. Повязка вся пропиталась кровью.

– Держусь. Достали меня бесермены. Доспех просекли начисто. Кольчуга спасла. Так, порез небольшой. В горячке боя не сразу и заметил. Руды много вытекло, потому слабость чувствую. Афоне, стрельцу твоему, тоже досталось. Рана пустячная, я смотрел, но руды мужик много потерял. Я должник Афоне. Закрыв он меня в сече. Не окажись Афанасия рядом, лежал бы я сейчас в телеге с побитыми, – боярин перекрестился и тяжело вздохнул.

– Авантюрист ты, Костя.

– Кто? Какой такой вантюрист? – боярин не понял Андрея, враз насупившись. Поди бесчестит его друг?

– Человека так зовут, который бросается сломя голову во всякие рискованные дела, – широко улыбаясь, разъяснил Андрей значение слова боярину.

– А... Так жить веселей. И живешь в полный рост, наслаждаясь каждым миготом жизни! – философски заметил боярин Маслов.

Возвращение домой подзатянулось. Тяжелогруженный обоз тянулся крайне медленно. Каждый раз, останавливаясь на ночевку, приходилось ремонтировать выючные ремни, конскую упряжь. Все-таки Костя молодец, что предупредил Андрея о необходимости взять с собой

ремкомплект, иначе им пришлось бы совсем худо. За каждой связкой из пяти вьючных лошадей закрепили по одному человеку, который должен был следить за состоянием ремней и ежедневно ремонтировать износившуюся упряжь. Еще стада сильно тормозили продвижение каравана. Боярин Маслов беспрестанно поторапливал, старался боярин уйти как можно дальше от разоренного кочевья. При всем желании Кости держать заданный темп постоянно не получалось. Каждые два часа приходилось делать короткие остановки, осматривая выюки, подтягивать подпруги. Идти приходилось шагом, рысью тяжело навьюченная лошадь быстро стирает себе спину.

Утром вставали засветло, но все равно, как ни торопились, на сборы уходило от двух до трех часов, к тому же лошади перед выходом пьют мало, следовательно, приходилось останавливаться у первого водоема и ждать, пока все лошади изволят напиться. Вначале им удавалось держать приличный темп, за день проходили до сорока верст, а как пошли леса, то скорость резко упала. Двадцать верст в день – это хорошо, а бывало и по семь верст в день делали. В лесах пришлось отказаться от связок, лошади мешали одна другой. Упавшая или забежавшая за дерево лошадь останавливала всю связку. Поломанные повозки бросали, чинить некогда, перекладывали поклажу на лошадей и шли дальше. Из-за постоянных остановок и низкой скорости каравана боярин сильно нервничал. Немудрено, они сейчас легкая добыча для врага.

Среди пленных татар нашлись родичи Кулчука. Четверо молодых парней и совсем еще юная татарка. На вид худой девчонке не больше двенадцати лет – совсем еще ребенок. После разгрома родного кочевья они с остальными родичами попали в род победителей, но несколько дней назад приезжали купцы и купили пленников, выглядевших сильными, а слабых и хилых не стали покупать. Андрей договорился с Костей и забрал осиротевших татар к себе, поручив их Булату. Девчонку пристроили ухаживать за ранеными, а парней Кулчук отрядил в нуты⁷⁵ на помощь погонщикам скота.

Поход совершенно вымотал Андрея. Возвращение домой обремененными добычей – самая тяжелая и трудная часть похода, требует огромных физических и моральных сил. Нужно обладать недюжинными организаторскими способностями, чтобы суметь привести добычу и полон домой. С каждым днем Костя все больше мрачнел, боярин постоянно рассылал дозоры присмотреть за тылами. Маслов все еще опасался погони. Андрей в противоположность резанскому боярину был сама беспечность. Если в первую неделю не случилось погони, то и ждать врагов нет смысла, считал Андрей, но возражать другу не решался. В конце концов кто тут старожил? Через леса и болота татарам не пробраться, проводников у татар нет, наивно полагал Андрей.

* * *

Когда показались знакомые места, Костя вздохнул с облегчением. Бояре хотели отправить Федора в усадьбу, предупредить о скором прибытии бояр из похода, чтобы готовились там, в усадьбе, баньку истопили, столы накрыли, но оказалось, что станицы и разъезды Демьяна давно уже срисовали возвращение хозяина из похода, и парочка мальцов ускакала в усадьбу еще вчера вечером. Через три дневных перехода повозки расположились внутри стен усадьбы. Просторный двор вместил бы в пять раз больший обоз. Андрей с удовольствием спешился, кинул поводья подбежавшему мальцу, принял из рук Прасковьи корец и с наслаждением промочил горло. Катерина дала испить с дороги боярину Маслову.

– Отличное у тебя вино, боярин Андрей. – Костя залпом осушил корец и мимоходом ущипнул Катерину за мягкое место.

Девка, зардевшись, тонюсенько пискнула ради приличия.

⁷⁵ Нуты – погонщики коров.

– Баньку изволите? – с лукавой улыбкой поинтересовалась Прасковья у господина.

– Пожалуй, – Андрей широко улыбнулся девчонке.

Дочки Спиридона нравились Андрею, но по местным меркам девки были совсем не красавицы, слишком худы. Полнота очень ценилась в древнерусском обществе, чем полнее, тем краше считалась женщина.

– Собери пирогов, да пиво прихвати нам с собой, – ласково отдал распоряжение Андрей.

Чуть прихрамывая на правую ногу, поднялся по дубовым ступенькам на высокое крыльцо дома и стал наблюдать, как вольные слуги с холопами суматошно носились по двору, разгружая повозки.

Кузьма деловито рылся в телеге, перевернувшись гору различного барахла. Найдя то, что искал, он вытащил из мешка железную кирасу. Поискав глазами Спиридона, воин с силой запустил кирасой в управляющего. Дворецкий ловко поймал посылочку, недоуменно уставившись на Кузьму.

– Не нравится поминонок? – весело заржал Кузьма, поддержанный громким хохотом дворни, почувствовавшей потеху.

Спиридон внимательно рассмотрел кирасу, повертел и так и сяк, прикидывая размер. Получалось, что размер не его.

– Ты никак влезть в нее хочешь? – продолжал веселиться Кузьма.

– ??? – почувствовав подвох, дворецкий уставился на воина тяжелым немигающим взглядом.

– В Новгороде из таких кирас лопаты зело хорошие делают. – Кузьма сжалился над княжеским тиуном. – Фряги ковали кирас этот, но лопата получится не хуже.

Под оглушительный хохот дворни Спиридон плюнул в сердцах, но кирасу отложил в сторону, в хозяйстве сгодится.

Константин Федорович тем временем придирчиво отобрал нескольких молодых татарок и заявил:

– Пусть этих сначала отмоют в бане. А ну, марш мыться, чумазые, – грозно прикрикнул боярин на полонянок.

– Добре, – Андрей не прочь был расслабиться после нескольких недель воздержания.

Оставив друга присматривать за размещением обоза, Андрей в своем кабинете принимал отчет о состоянии дел в усадьбе.

– Иван Андреевич в Пронск ушел расторговаться, – вернувшийся из Новгорода Лука Фомич поспешил развеять опасения Андрея по поводу отсутствия купца в усадьбе. – В добром здравии все вернулись.

– Рад видеть тебя, Лука Фомич! – Андрей крепко обнял своего воеводу. – Пожалуй, ты и начинай сказывать первым, – решил Андрей, усаживаясь в резное кресло, обитое красным бархатом.

Князь, несмотря на усталость, чувствовал приятную легкость в теле, избавившись от тяжелых доспехов и облачившись в широкие синие льняные штаны, просторную рубаху с косым воротом и домашний кафтан из персидской зеленой камки, удобно развалившись в кресле, приготовился слушать отчет о вояже мужиков в Новгород.

– Чего сказывать? Знатно расторговался купец. Иван Андреевич, как вернется, все подробно сам обскажет. Я, как уговаривались, привел с собой пять десятков воев добрых. Как урядились, положил за службу по рублю в год каждому, ну и одежда, доспех, кони, прокорм за твой счет. Большинство – люди семейные. Женок с детьми пришлось с собой брать. Дома для них ставить надобно. – Лука замер в ожидании реакции князя, жилье для ратников предоставляет князь, а вот как с семейными быть? А ну как закладную потребует князь оформлять на дома? Андрей молчал, обдумывая услышанное. Население усадьбы увеличивалось, и возникла необходимость где-то расселять народишко.

– Ладьи торговали недорого. Кораблики еще хорошие, – не дождавшись реакции князя, продолжил Лука Фомич. – Так что с домами решил, княже? Рубить дома-то? Вои все хорошие, лично всех знаю, а что семейные, так-то даже лучше.

– Ну, раз лично всех знаешь... Принимай их к себе под начало. Дома рубить, рухлядь нуждающимся выделим, из татарской добычи посмотри, – объявил свое решение князь, на его уставшем лице отразилась озабоченность, не за горами зима, а половина людишек в усадьбе в летней одежде. Очнувшись от дум, Андрей вспомнил о главном. – Самострелы купил?

– А то как же. Семь десятков без одного и болтов по два десятка на каждый.

– Добре, – Андрей одобрительно кивнул головой, переведя взгляд на коменданта усадьбы. – Теперь ты, Демьян.

– Глину заготовили. Кучи за тыном насыпаны. Спиридон людишек не дает только, – пожаловался на родича Демьян.

– Так ить в поле работ непочатый край, а людишек мало. И так ратников пришлось на покос отправлять, – возмущенно подал голос дворецкий, бойко вскочив с лавки.

– Вот! Я тебе дал людей, а у меня работа встала, – укорил Демьян своего зятя.

Спиридон набрал полную грудь воздуха, намереваясь продолжить перепалку с шурином, но Андрей упредил дворецкого.

– Цыц, я сказал! Сядь, Спиридон! По порядку давайте. Опосля скажешь, что тебя касается. Продолжай, Демьян. Что ты с глиной собрался делать?

– Тын у нас на валу стоит, так сверху вал глиной обмазать хочу.

– Глиной обмазать вал? Зачем? – удивился Андрей.

– А то как же. Ежели враг на приступ пойдет, то водичкой польем вал. Сырая глина не хуже льда, ворогу несподручно подниматься на вал станет.

– Верно! – одобрительно кивнув головой, согласился князь. – Дальше что?

– Башню надвратную срубили, ну сам видел. Тюфяки твои туда подняли. Огненный припас там же сложили. Тюфяки поставили по этому, самому пере... пери...

– Периметру, – весело улыбнувшись, подсказал Андрей трудное для Демьяна слово.

– Вот оно самое. На каждую сторону башни по два тюфяка. Ямы-ловушки вырыли. Потом покажу где. Стражу поставил. Двое в воротах и один на верхотуре сидит. Мальцов из семей холопских забрал к себе. Поставил их в сторожки тайные, в верстах сорока от усадьбы. Всего пять сторожек пока, нужно больше. Две сторожки за речкой поставил, на всякий случай. Самострелы твои пристреляли. Нам бы еще простых самострелов, твои самострелы уж больно мудреные.

– Ничего, приноровитесь.

– Чаны привезли, во дворе установили под стенами. Смолы припасли, но немного. Бабку Аграфену я забрал из села, в усадьбе поселил. Лекарка нужна своя в хозяйстве. Вроде бы все.

– Добро. Теперь ты, Спиридон.

– Озимые посеяли. Жатва идет полным ходом. Из тех денег, что ты оставил на хозяйство, купил я с десятков телиц. Кур сотни две уже есть, да гусей с три дюжины. Конюшенный двор поставили, также воловечный двор для волов, телиц и иной мелкой скотины. Наметил, где деревеньки поставим. Лес вырубили, часть к лесопилке свезли, часть на башни Демьяну сгодился. Остальное лежит на месте. Избы холопам ставить надобно, но то не к спеху.

Спиридон с вызовом посмотрел на воеводу, сидевшего на «красной» лавке рядом со своим другом Демьяном. По всему видно, дворецкий успел поцапаться еще и с Лукой Фомичом. Воевода предпочел проигнорировать слова Спиридона.

– Кузнецы плуги изготовили по подобию, что ты привез. Три десятка плугов уже есть, сох почитай четыре десятка имеется, – стал перечислять Спиридон. – Бороны есть, сколько нужно. Косы кузнец изготовил в достатке, да косилки по чертежу твоему сделали. Теперь проблем с

сенокосом нет. Сена заготовили достаточно. Косилка твоя уж очень хороша. Онисим с Олешей обещали к Покрову дюжину изготовить таких косилок, да завтра еще одна готова будет.

– Спиридон, – прервал управляющего Андрей. – Там скоро скотину пригонят. Больше двух тысяч баранов, быков сотни три, коров две сотни да лошадей дюжина табунов. Половина из них доля боярина Маслова. Может оставить нам баранов и коров с быками себе? – предложил Андрей. – А Маслову его долю чем другим отдать? Сена хватит, если всю скотину себе оставим? – засыпал вопросами управляющего Андрей.

– В табуне, сколько голов, сто али сто пятьдесят? – уставившись в резной потолок, озаченно спросил управляющий.

– Сто пятьдесят, – уточнил Андрей.

Спиридон ненадолго задумался, в уме производя расчеты. Губы управляющего смешно шевелились, когда он умножал цифры по новой методике, перенятой у князя. Таблицу умножения Спиридон, на удивление, освоил быстро и в уме считал не хуже калькулятора.

– Хватит, – заверил Андрея дворецкий. – Еще накосим, время есть. Постараемся.

– Тогда часть баранов, коров и быков крестьянам раздай, тем, кто согласится взять живность. Но больше двух голов на хозяйство не давай, – предупредил князь управляющего, – не прокормят крестьяне много скотины зимой. Оброком дополнительно обложи с той живности, – вспомнив о своей выгоде, тут же приказал Андрей и уточнил условия материальной помощи. – Отрабатывать скотину без надобности. Скажи, князь дарит скотинку.

– Тогда я еще часть баранов под нож пуцу. Шубы сошьем людишкам, зима не за горами. Завтра же пушай Онисим струги да скобели начинает ковать. Еще бы сапогошивцев прикупить, хоть бы парочку.

– Разве мало тулупов на татарах взяли? – возразил князь, позабыв о пришлых новгородцах и их семьях, но на всякий случай решил уточнить: – Сколько надо шкур на шубу?

– Да по-разному. От десяти до пятнадцати овчин, да по две телятинки, да сукна, если не нагольные шубы шить – по два локтя потребно, – выдал полный расклад дворецкий.

Получается, что не такое уж и большое стадо привели из набега. Но на первое время овчин должно хватить, в случае чего, можно снова сходить в набег, решил Андрей.

– Еще бы кафтаны шубные пошить, – дворецкий нагружал господина проблемами. – По шесть-семь овчин уйдет на кафтан.

– Да шей ты что хочешь, – отмахнулся от Спиридона Андрей.

– Так я швецов привезу из града?

– А сами что, не сошьем? – у Андрея от забот начала болеть голова.

– Столько не успеем, – отрицательно помотал головой дворецкий. – Придется нанимать швецов.

– Ну и сколько надо за работу отдать?

– Три али пять алтын⁷⁶ за кафтан, да на прокорм дать. Как договоримся. Я что еще хотел сказать-то... Холопы, что отправлены были разведать бортные уголья, сказывали, что нашли они три деревеньки. Крестьяне самовольно дворы поставили, охотой промышляют, бортничеством. Мы их под твою руку привели, оброк определили.

– Добре. А что с пчелами?

– Так споймали. Борти изготовили. Пять десятков. Да на гвозди поменяли у крестьян еще столько же. Осемь пчельников устроили. Избы срубили, в них холопов семейных поселили, пушай за пчелами ходят.

– Людишек мало, а дел много. Крестьян оброчных привлечь, что ли? Может согласятся за плату? – предложил Андрей.

⁷⁶ Алтын – старинная русская единица денежного счёта. С XV века равнялась шести московским или трем новгородским деньгам.

– Не согласятся, государь, – помотал головой управляющий. – Своих дел у них полно.
– Холопов, что ремесла знают, оставил в усадьбе?
– Да. Часть в избах живет, остальные пока на улице.
– Холопам объяви, что через пять зим свободу получают. Земля, дом, скотина все останется при них. Оброком обложу, да и только.

– Треть.

– Что треть? – князь вопросительно уставился на дворского.

– Оброка будут давать треть, а не как все, по старине дают, – разъяснил Спиридон.

В этот момент в дверях объявился боярин Маслов. Осоловелыми глазами уставился на присутствующих.

– Баня готова, – сообщил Костя, уже изрядно хмельной, но еще твердо стоящий на ногах. – Айда, мужики, в баню.

– Ну что, мужики? – Андрей отложил лист желтой бумаги, на котором старательно делал пометки гусиным пером, почти без жирных чернильных клякс. – Пошли попаримся? – Андрей встал из-за стола, показывая, что официальная часть закончена, а впереди всех ждет банкет.

Шумной толпой все отправились в баню. Баня получилась в лучших традициях вакханалий новых русских конца девятидесятых годов двадцатого века. Море пива, меда и вина, и конечно же девки. Костя лично отобрал пленниц для честной компании, остальных полонянок боярин широким жестом отдал на ночь воинам и дворовым холопам. С условием – товарный вид не портить. Мужики с веселыми прибаутками похватывали полонянок. Еще большую радость доставили им две двадцативедерные бочки меда, которые по приказу Андрея Спиридон выделил из запасов князя.

Вакханалия продолжалась всю ночь. Дворовые девки только успевали таскать подносы с разной снедью и кувшины с хмельными напитками.

Андрей выбрал из полонянок худенькую девчонку с гибким, словно тростинка, станом и большими глазами. Девчонка оказалась танцовщицей, вовсе не татаркой, а родом из Хорезма, откуда ее привезли четыре года назад. Каким ветром ее занесло в плен к татарам, Андрей не спрашивал, и так понятно, что не купили.

На следующий день Андрей обнаружил себя лежащим на кровати, а под правым боком у князя мирно посапывал маленький комочек, положив тонкую изящную ручку на грудь князя. Слева устроилась русоволосая девица, уткнувшись головкой в плечо Андрея. К своему ужасу, в девах Андрей опознал дочерей Спиридона. Андрей попробовал пошевелиться, чувствуя тяжесть в ногах. Поднял голову и разглядел спящую в ногах танцовщицу.

«Вот попал так попал, – лихорадочно думал Андрей, боясь пошевелиться и ненароком не разбудить девушек. – С полонянкой все понятно – караваш⁷⁷. Что хочу, то и делаю с ней. А вот дочки Спиридона... Они-то как тут оказались?».

Сколько князь ни силился вспомнить события прошедшей ночи, так и не смог. Помнил только, что они всей честной компанией после баньки продолжали пировать с дворней во дворе. Помнил, как, еле стоя на ногах, учил танцевать вальс полонянок, как пели песни с дружком боярином, а потом как обрезало. Пустота. Память отшибло напрочь. Плюнув на это бесполезное занятие, бесцеремонно растолкав девушек, поднялся с кровати и натянул порты. В голове сразу зашумело-загудело... С трудом передвигая ноги, голый по пояс Андрей спустился во двор и направился к колодцу. Подбежавший челядник тут же набрал колодезной воды и обкатил князя холодной водичкой. Набрал еще одно ведро, повторил. Князь довольно фыркнул. Приняв из рук служанки вышитое оберегами полотенце (и когда успели нашить и украсить вышивкой?), оберся насухо, внимательно наблюдая за работой дворни.

⁷⁷ Караваш – по-татарски рабыня.

Жизнь в усадьбе была ключом. Слуги и холопы бойко разгружали с повозок награбленное в походе добро, Спиридон, властно покрикивая на дворовых, внимательно следил за разгрузкой.

Одновременно дворецкий успевал беззлобно переругиваться с наседавшими на него татарами. Булат с Кулчуком требовали от Спиридона отдать им трофейные юрты. Спиридон вяло отбивался от них, аргументируя свой отказ тем, что татары живут в собственных избах и юрты им без надобности, а превращать усадьбу в татарский табор Спиридон не собирается.

На крыльце с глиняным кувшинчиком в руках восседал боярин Маслов собственной персоной, наряженный в татарский халат из парчи, взятый в набеge. На голову резанец напялил традиционную тафью, и теперь в таком колоритном прикиде он выглядел ну чисто татарин.

Поправлял боярин свое здоровье красным вином из запасов князя. Имея такого друга, не приходилось опасаться, что вино скиснет. Костя по мере сил и возможностей вносил свою лепту в руководство процессом разгрузки, время от времени покрикивая на нерадивых, по мнению боярина, холопов. Речь типичного представителя средневековой элиты была так замысловата, что любой дворник из двадцатого века позавидовал бы мастерству боярина выражаться столь емко.

– Да отдай ты им эти треклятые юрты, – дружески советовал Маслов дворецкому. – Жалко тебе, что ли? Все равно до зимы недалеко, а холода начнутся, так сами они из юрт в избу сбегут, греться на печке. Наши бояре, которые из Орды выехали, все первый год в юртах жили. Перезимовав в юрте, сразу избы срубили.

– Да забирайте что хотите! – Спиридон с раздражением отмахнулся от наседавших татар.

– Мы только юрты возьмем, остальное нам без надобности, – обрадовался Булат.

Андрей, внимательно следя за перепалкой дворни, подошел к крыльцу, на ступеньке которого сидел резанец.

– Проснулся наконец-то! – обрадовался Костя другу. – Долго же ты спишь! Давай добычу начинать делить, а то время уходит, – предложил боярин. – Нако испей вина, легче станет, – видя состояние князя, друг протянул Андрею ополовиненный кувшинчик с фряжским вином.

Андрей осушил кувшин до дна, обтер поданным прислужницей затейливо вышитым рушником рот, тоскливо взглянул на сваленное в кучи добро и ответил:

– Давай без меня. Договорились же – поровну все. Овец только я заберу всех, если ты не против.

– Забирай. Мне хлопот меньше, – легко согласился Константин Федорович и заверил друга: – По справедливости все поделю.

Андрей поднялся на крыльцо и неожиданно вспомнил, что еще хотел сказать Косте.

– Полон татарский сразу уводи. Мне оставь ту худенькую, что со мной была вчера, и родичей Кулчука. Остальной полон, как уговорились...

– Как урядились – твою долю в серебро превращу, – клятвенно пообещал боярин Маслов. – А чего токмо одну татарку оставляешь?

– На кой ляд мне много? Мне одной за глаза хватит. – Андрей, если честно, не представлял, что делать с полоном, и желал побыстрее избавиться от него. – Ты в вотчину свою как добираться думаешь? Может, ладьи возьмешь? – предложил Андрей. – Все быстрее будет. Спиридон за солью собрался идти, на обратном пути заберет кораблики.

– За корабли спасибо, – степенно поблагодарил Костя. – Долю твою от продажи полона в Переяславле получишь. Татар, я думаю, в неметчину продать, неча им тут мозолить глаза, не дай бог окажутся родичами московских бояр. Разговоры лишние нам ни к чему, – поделился видами на полон Константин Федорович.

– Лады, – Андрей утвердительно кивнул головой и обернулся к стоявшему рядом Луке. – Ты, Лука, покличь Демьяна. Вместе с ним отберите сразу, что потребно. Остальное пускай Иван Андреевич продает.

Вернувшись в спальню, Андрей сестер уже не застал, видимо, девчата убежали хлопотать по хозяйству. В углу, свернувшись калачиком, лежала обнаженная танцовщица.

– Оденься, – по-татарски приказал ей Андрей.

– Ничего нет из одежды, – тонюсеньким голоском пропищала рабыня. – Мое платье сожгли, а другого не дали.

Князь задумался, и верно, тряпье полонянки, изрядно поизносившееся, сразу же бросили в огонь. Искать Фёклу Андрею было лень, и, махнув рукой на рабыню, Андрей завалился спать. Через минуту хорезмийка была уже в его постели, и князь, недолго думая, подмял под себя хрупкое девичье тело.

Вечером, натешившись в любовных утехах, он отвел полонянку на поварню к хлопотавшей над ужином Фекле и распорядился одеть девушку и пристроить ее по хозяйству. Оставив девчонку на попечении жены Спиридона, Андрей с чистым сердцем отправился в оружейную.

Под хранилище оружия к хоромам пристроили две большие клетки. Запасов оружия и доспехов скопилось уже на не один десяток воинов. В оружейной, как и ожидал, Андрей нашел своих воевод. Мужики деловито осматривали и складывали отобранное для нужд княжеской дружины оружие. Вскоре к ним появился боярин Маслов и с ходу огорошил мужиков известием, что с утра он думает отплыть, и хочет перед отплытием обсудить с князем планы похода на Литву. Андрей обреченно вздохнул, положил на место клинок, в котором безошибочно опознал турецкий ятаган, и побрел за Костей в горницу, заранее догадываясь, чем закончится обсуждение похода.

День был постный, но стол ломился от всяких яств, Андрей сразу вспомнил, что не ел со вчерашнего вечера, вернее ночи. На ужин Фекла подавала уху сборную, уху из окуня, уху из плотвы, щуку, леща и язя парового, кисели разные: холодные и горячие. За поглощением скромной пищи договорились, что Андрей будет готов выступить в поход через две седмицы. Встречу назначили в столице княжества. Андрей предложил идти на ладьях, так, по его мнению, сподручней будет переправлять добычу домой. Костя с предложением друга согласился, но заявил, что кораблей у него нет. Разве что наймет он кораблики для своей дружины на время похода. В верховьях Оки их будут ждать лошади, Костя позаботится об этом, недалеко от Тулы у Кости есть поместье.

На удивление, боярин Маслов практически не пил во время обеда, ограничился опустошением двух не самых больших кувшинов с заморским вином. Из всех напитков резанский боярин предпочитал красное вино. Если вина не было, то в ход шел мед ставленный. Недешевое это удовольствие пить ставленный мед, кстати. Заморские вина стоили гораздо дешевле традиционного русского напитка наивысшего качества.

В спальне Андрей обнаружил ждавшую его Прасковью. Судя по всему, Спиридон и Фекла уже в курсе нахождения дочери в спальне князя. Андрей не стал заморачиваться моральным аспектом ситуации и принял нахождение девушки в своей постели как данность.

Утром, еще до зари, Прасковья тихо поднялась, стараясь не потревожить спящего Андрея, и бесшумной тенью выскочила из спальни. Притворившись спящим, Андрей наблюдал, как стройная девушка, собрав одежду в узелок, беззвучно ступая босыми ногами по полу, выскочила из опочивальни. Повалившись еще чуток на перине, Андрей решил, что и ему пора вставать.

Костя давно уже был на ногах, голос резанца громким басом раздавался на весь двор. Выйдя на улицу, Андрей застал друга за распеканием своих дворовых людишек. Друзья крепко обнялись на прощание. Боярин уходил по реке на корабликах Андрея, отрядив часть своих людей перегонять конские табуны в свою вотчину напрямик через Пронское княжество.

Глава 9. Оглан

День прошел незаметно, в хлопотах по хозяйству. Разбирали трофеи, сложенные в амбарах и просто сваленные под навесами. Андрей распорядился выстелить коврами полы в доме и повесить несколько персидских ковров на стены в кабинете. Не спеша вместе с Лукой отобрали ценные экземпляры оружия из оружейной и развесили на стенах кабинета сабли, мечи, кинжалы.

Часть трофейных ковров Андрей подарил Фёкле. Отмахнувшись от слов благодарности, Андрей взял с лавки саадак, предупредил женщину, что, если нужен будет, чтобы искали его за тыном, и присоединился к холопам, набивавшим руку в стрельбе из лука. Афанасий взял за правило ежедневно тренировать ушкуйников и дворню в стрельбе из лука. Вместе со всеми посылая стрелу за стрелой в лисий хвост, висящий на длинном шесте в качестве мишени, Андрей силился понять причину беспокойства, охватившего его к вечеру. Когда в усадьбу вернулись холопы, тренировавшиеся под руководством Демьяна владением рогатиной, Андрей поделился своими страхами с комендантом усадьбы. Демьян выслушал князя внимательно. Ему самому показался странным быстрый уход из усадьбы боярина Маслова. Торопливость боярина еще можно объяснить желанием побыстрее вернуться в свою вотчину и сбыть с рук полон татарский. Но при всех теплых чувствах, которые испытывал Андрей к другу, князь понимал, что Костя – тот еще пройдоха. Демьян успокоил князя, немедленно распорядившись усилить сторожевые. В дозор отправились самые опытные воины. Если предчувствия князя верны, татар заметят загодя и упредят о набеге. А что татары придут – Демьян почему-то не сомневался. Непроходимые леса и болота только кажутся непроходимыми, они не помеха татарам, наследили резанцы знатно. И разве что слепой не увидит, откуда приходила рать воевать татар.

Андрей распорядился срочно уводить табуны лошадей к Пронску. Пока еще светло, успеют отогнать лошадок подальше от усадьбы. Стада коров и овец отправили с пастухами подальше в лес. Ушкуй Лука прикопал прямо на берегу, закидав сверху различным хламом. В окрестные деревни отправили гонцов предупредить о возможном появлении татар. Андрей справедливо решил, что лучше перебдеть, чем недобдеть.

Через три дня в усадьбу прискакал гонец с дальней сторожи. По усадьбе моментально разнеслась весть – татары! Беда не приходит одна: из Васькино прискакал сын старосты с вестью, что пронские бояре грабят село.

Андрей сгоряча хотел послать воинов накостылять соседям, но Лука Фомич отговорил Андрея от опрометчивого шага.

– Татары их переймут. Вот увидишь. Разбегутся татары по окрестностям грабить и нарвутся на пронских бояр. Кто бы ни победил, нам легче будет, – авторитетно заявил Лука.

– Ничаво. Отсидимся, а потом навестим соседушек, поговорим по душам о набеге разбойничьем, – поддержал Луку Демьян. – Тын у нас крепкий, воев достаточно. Отсидимся.

Андрей не собирался сидеть в осаде. Взяв с собой своих татар и воевод, князь объезжал окрестности и обдумывал план уничтожения татар.

– Так где, ты говоришь, они станут лагерем? – переспросил князь Кулчука.

– Вот на том пригорке. Место хорошее, с реки ветерок комаров сдувает, водопой близко. И далеко видать все, – еще раз повторил сказанное татарчонок.

– Ясно. А как они штурмовать усадьбу станут?

– С наскока попытаются взять попервости. Не получится – лагерь разобьют. Только тын наш – защита хлипкая очень. Закрутят карусель, стрелами закидают, да и подцепят арканами бревна и вывернут их из тына. Вот тут и начнется...

– Карусель, говоришь... – задумчиво произнес Андрей.

Татары появились через три часа. Ворота усадьбы успели затворить перед самым носом татар, под защиту каких-никаких стен спешили мужики и бабы с окрестных деревенок. С добрый десяток селян не успели добраться до усадьбы и были перехвачены появившимися степняками.

Татары накатывались яркой разноцветной массой, оставляя за собой тучи пыли. Как и предполагалось, половина татарского отряда проскакала мимо усадьбы дальше вниз по реке. Но и тех степняков, что остались под усадьбой, хватило за глаза. Не менее двух с половиной сотен всадников насчитал Андрей в татарском отряде, а то и больше. С ответным набегом пришли опытные воины. Полсотни закованных в железо всадников на породистых лошадях, остальные сотни – бронные уланы на низеньких степных лошадаках, сплошь покрытых кожаными попонами.

К воротам подскакал знатный татарин в усиленном хатангу дегеле⁷⁸ сиреневого цвета с металлической накладкой на груди и черкасском шеломе на голове, две ниспадающие вниз кольчатые бармицы защищали затылок и лицо степняка. Погарцевав перед затворенными воротами, татарин громко выкрикнул:

– Эй, урус! Сдавайся! Открывай ворота, серебро давай, жену давай! – нахально потребовал шельмец, весело скалясь. Минут пять чертяка упражнялся в нанесении обидных слов, явно проигрывая словесную перепалку новгородцам. Затем широко размахнувшись, татарин перекинул через тын мешок.

Окровавленный куль упал на землю. Андрей махнул рукой, холоп подбежал к мешку, перерезал веревку и высыпал содержимое мешка на землю. С глухим стуком из мешка выпалились отрубленные детские головы. Мужики, глядя на них, забормотали слова молитвы, осеняя себя крестом. Матери убитых, надрывно завыв от тяжкого горя, бросились к отрубленным детским головкам и громко заголосили, причитая над несчастной судьбой сыновей, прижимая родимых к груди, глядя по волосам, целуя в обескровленные губы.

– Баб всех убрать со двора! Живо! – жестко приказал Андрей, князь не мог спокойно смотреть на убитых горем матерей. – По местам, чертяки!

В толпе раздался громкий шепот: «Дозорных мальцов споймали нехристи. Детей не пожалели».

Перед глазами Андрея промелькнули картины недавнего нападения на кочевье. Там тоже были убитые дети. В горячке боя чего не бывает... Но вот так... Сознательно убивать детей ради устрашения... Этого Андрей понять не мог и, главное, не хотел понимать. Князь твердо решил не щадить никого.

– Урус! Царевич дает тебе время подумать. Только недолго. Если не откроешь ворота, секир башка будет! – татарин злобно засмеялся, повернул коня и поскакал прочь.

Кто-то из стрельцов, стоявших на стене, не удержался, пустил стрелу, и татарин кубарем слетел с убитого коня. Торопливо вскочил на ноги и шустро засеменял короткими кривыми ножками в сторону своих сородичей. Вторая стрела вошла убежавшему степняку точно между лопаток, широко взмахнув руками, татарин распластался на земле, суча ногами. Через минуту он затих, отойдя в мир прекрасных гурий, впрочем, насчет гурий Андрей сильно сомневался.

Андрей еще раз внимательно оглядел татарское войско. Сверкая золоченым доспехом, на чистокровном арабе важно восседал коротышка-царевич. Рядом с ним выстроились с полсотни всадников, закованных в броню похлеще немецких рыцарей. Тяжелые могучие кони защищены не меньше всадников, налобники у коней вызолочены и сверкают так, что смотреть больно. Пожалуй, вот она – знаменитая тяжелая конница татар.

– С богом! Как карусель закрутят, сразу начнем по моей команде, – отдал распоряжение Андрей.

⁷⁸ *Хатангу дегель* – монгольский пластинчатый доспех типа бригантины.

Заняв позицию на верхнем ярусе надвратной башни, Андрей отдал распоряжение братьям, вооружившимся снайперскими винтовками:

– Сначала царька снимите, на том пригорке в живых никого не должно остаться.

Парни согласно кивнули и заняли позиции рядом с князем. Ждать пришлось недолго. Татарский царек – толстый карапуз в вызолоченном доспехе – повелительно махнул рукой. Татарские сотни двинулись вперед, по дуге обходя усадьбу. Андрей поразился четкости и слаженности маневра. Над усадьбой раздался визг – хоть уши затыкай, и в защитников усадьбы полетели первые татарские гостинцы – каленые стрелы. Начался массированный обстрел усадьбы. Сразу же появились раненые и убитые. Кто-то из защитников не утерпел, высунулся из-за тына, пытаясь разглядеть врага, и поймал каленую стрелу. На таком расстоянии татарские стрелы прошивали доспех навывлет, если только зеркало могло остановить вражескую стрелу, да и то не любое, а только булатное. Андрей поежился от не вовремя нахлынувшего воспоминания о чуть было не ставшей роковой татарской стреле. Под лопаткой снова заныло, хотя синяк уже почти сошел.

– Начали! – глухим голосом подал команду Андрей и плавно потянул за спусковой курок.

Терминатора, державшего в руках пику с бунчуком⁷⁹ о трех хвостах, закованного в железо с ног до головы, как ветром сдуло. Выпустив пику из рук, воин выпал из седла. Товарищи убитого даже не шелохнулись, невозмутимо продолжали стоять на месте. Андрей прицелился в соседа убитого терминатора и снова выстрелил. Второй, третий, четвертый, шестой... Все. Андрей поднял правую руку, слуга, повинувшись сигналу князя, поднял стяг над башней.

На поле, перед усадьбой, с громким ржанием десятками падали татарские лошади, скидывая своих всадников. Демьян спрятал в траве воткнутые в землю под углом бердыши и связал их между собой стальным тросом. Лезвия бердышей вспарывали брюхо низеньких татарских лошадок, а натянутый стальной трос не давал коннице проскочить мимо. Этот прием давно на вооружении русской пехоты и сам по себе был очень эффективен, татары, побывавшие на поле Куликовом, смогли бы подтвердить это. Не зря, ой не зря тогда темник Мамай спешил своих улан и погнал лучших своих воинов на позиции русской пехоты пешим порядком.

Задние ряды татар, не успев совладать с лошадьми, врезались в это месиво, давя копытами своих товарищей. Те из всадников, кто сумел справиться с кобылой, взяли чуть правее, но попадали в волчьи ямы с остро заточенными кольями. В этот момент по очереди выстрелили пушки надвратной башни, следом отозвались орудия на угловых площадках. Импровизированная картечь, целиком состоящая из кусков нарезанной железной проволоки и свинцового дроба, со свистом унеслась в сторону улан – элитных татарских воинов. Андрей не ожидал, что картечь нанесет такой ошеломляющий урон всадникам. Половину оставшегося на конях отряда как корова языком слизала.

Со стен усадьбы лучники посылали стрелу за стрелой, стражники Демьяна разрядили самострелы. За минуту на татар пролился дождь из полутысячи каленых гостинцев. Некоторые из всадников утыкало стрелами так, что они стали походить на ошестинившегося ежа.

Ворота усадьбы широко отворились. Крещеный татарин Серафим, бывший раб резанского князя, но получивший свободу при крещении, выпустил за ворота свору боевых псов. Немного, чуть больше дюжины, но все собачки в кожаных доспехах, защищавших тело. Псы с громким лаем схлестнулись не на жизнь, а на смерть с татарскими псами, выжившими под ливнем стрел. Следом за собаками, с места взяв в карьер, промчались бывшие ушкуйники. Лука Фомич, пользуясь моментом, лично возглавил атаку двух десятков воинов на конях и ударил по бесерменам, довершая полнейший разгром татарского отряда. Оставшиеся в живых два десятка степняков, увидав несущихся вскачь русаков, изготовивших рогатины к бою, бро-

⁷⁹ Бунчук (крымско-тат. buncuk) – древко с привязанным хвостом коня, служившее в XV–XVIII веках знаком власти.

сились наутек, на скаку пуская стрелы, но были перехвачены сидевшими в засаде уланами Кулчука.

Андрей спустился по шесту вниз, принял поводья у слуги, не спеша сел на коня. С татарским войском покончено, можно теперь не торопиться. Деморализованные разгромом и гибелью военачальников легкораненые уланы, потерявшие коней, сопротивления не оказывали, дали себя повязать. Однако пленных было мало, картечь и стрелы сделали свое дело. Княжеские воины бродили по полю битвы, деловито добывая раненых.

Спиридон, как всегда, в своем репертуаре: уже выгнал дворню на поле собирать добро, нисколько не смущаясь предсмертными криками врагов. Холопы уже выкатили пустые бочки и с веселым смехом разделявали конские туши, вырезая лучшие куски – нечего мясу пропадать, солонины впрок много можно заготовить. Иной холоп, подобрав татарский джид, колол раненого сулицей, прежде чем вытряхнуть его из доспеха или раздеть до исподнего.

Ратники собирали стрелы, железные болты, оружие, сдирали с убитых доспехи, с погибших лошадей снимали кожаные, стальные, стеганные доспехи и укладывали трофейное добро на телеги. Все были чем-то заняты. Среди этого людского муравейника суетливо шнырял Спиридон, следя, чтобы ничего не оставили, даже самой захудалой иголке найдется применение в хозяйстве. Спиридон под шумок выпросил у Андрея разрешение забрать все железные кирасы «мейдин фряги», после того как железка попала под копыта лошади, смысл в ее ремонте исчезал, а Спиридон найдет кирасам применение: лопаты из таких скорлупок зело хорошие получаются. Спиридон уже потолковал с кузнецами, и мужики заверили дворецкого, что переделать кирасы в лопаты – раз плюнуть. Но среди трофейных доспехов попала лишь одна кираса, и Спиридон остался страшно недоволен.

Андрей решил взглянуть на труп татарского оглана. Все-таки не рядовой татарин – царских кровей. Что-то, а царевичей себя Андрей совсем не ощущал. Мало ли что наплел татарин, у них там, в Орде, царевичей словно блох на собаке. Подъехав к месту гибели царской особы, боярин неторопливо спешил, передав поводья сопровождавшему его Семену. Склонившись над мертвецом, Андрей расстегнул золотую пряжку на ремне, снял ерехонку с головы убитого. Хороший шелом, весь в позолоте, да что там позолота! Камней-то сколько! По венцу шеломы, в золотые гнезда вставлены изумруды, яхонты и лалы. Всего четырнадцать драгоценных камней! Не дешевые понты, однако. Упакован оглан в дорогой прикид – авторский доспех, ручная работа, эксклюзив.

Панцирь и зеркало на царевиче хорошие: доспех посеребрен, а булатные доски зеркала вызолочены. Жалко только, испортили бронь братья, но не беда – кузнец починит. Такой доспех нестыдно подарить князю Резанскому. Хороший поминочек князю, Иван Федорович точно обрадуется такому подарку, а вот обрадуется ли он, что его боярин лишил живота коротышку оглана – другой вопрос...

Князь в задумчивости смотрел на убитого царевича и не заметил, как появился его верный воевода. Лука Фомич, сердито нахмурив брови, разглядывал убитого оглана, смотревшего в небо совсем неузкими, широко открытыми голубыми глазами.

– Жизни спокойной нам тепереча более не будет, – Лука пнул носком сапога распластавшийся на траве труп царевича.

– Ты о чем, Лука Фомич? – очнувшись от собственных дум, спросил Андрей.

– Царевич это. Теперь татары станут мстить, – глядя прямо в глаза господину, ответил воевода. – За голову твою я не дам и медного пуло, а моя голова за кумпанию слетит.

– Да наплевать, – Андрей обильно сплюнул. – Перестань, Лука. Волков бояться – в лес не ходить, – беспечно ответил князь воеводе. – Меня больше волнует, как Иван Федорович отреагирует?

– Знамо как: выдаст татарам на смерть лютую, – усмехнулся Лука.

– Ну, это мы еще посмотрим, – горячо возразил Андрей. – Бог не выдаст, свинья не съест.

Андрей подобрал знак власти царевича – булаву с яблоком⁸⁰ из чистого золота, украшенную драгоценными камнями и жемчугом, снял пояс с убитого, тоже произведение искусства, достойное музея. Ножны опять же по традиции искусно украшены, а кривая сабля – настоящий булатный клинок – нейриз, с узором такого же цвета, как основа, без всяких украшений и позолоты.

Остальные мертвецы своей внешностью совсем не походили на татар. Это видно по доспеху и дорогому оружию, и кони у них непростые, Кулчук первым делом со своими архаровцами примчался ловить коней, но это понятно. Для татарина конь – прежде всего. Булат тем временем с десятком верховых отправился по следам татар.

– Куда это они? – Андрей смотрел на несущихся вскачь всадников.

– На Сенькин наволоок, коней пригнать татарских, – посмотрев вслед удаляющимся всадникам, пояснил воевода.

Да, действительно. Широкий заливной луг, носивший имя Сенькина наволока – отличное место для пастбища лошадей, где еще татарам оставить заводных скакунов? Только на Сенькином лугу.

Андрей последний раз посмотрел на тело убитого царевича и отдал приказание Луке:

– Вытряхните из доспеха эту падаль.

– С телом что делать? – спросил воевода. – Как-никак царевич.

Перед глазами Андрея калейдоскопом промелькнули картинки отрубленных детских голов сторожи.

– Собакам скормить, – коротко ответил Андрей.

– Да как можно? Это же царевич!!! – Лука Фомич набрал в грудь побольше воздуха, собираясь перечить своему государю. В голове новгородца никак не укладывалось такое святотатство.

– Ты меня не понял? – Андрей резко развернулся, рукой ухватил воеводу за шею, притягивая голову Луки вплотную к себе.

Волна неподконтрольной ярости захлестнула Андрея, такого с ним прежде не бывало никогда. Образ жизни давал о себе знать, прятать истинные чувства не было необходимости, и зверь, дремавший в Андрее, вырвался на свободу. Бешено сверкая очами, Андрей внятно повторил, чуть повышая голос:

– Я сказал скормить собакам!

Отпрянув от князя, когда тот ослабил железный хват, воевода с перепугу выпустил воздух, незаметно крестя пупок. По ходу дела душегубец Лука нашел на свою голову хозяина-отморозка похлеще, чем сам бывший атаман ушкуйников.

– Как прикажешь, государь, – Лука почтительно склонился в поклоне.

Андрей отвернулся от воеводы, пытаясь совладать с собой, остановил свой взгляд на поверженных терминаторах. Рыжебородый Митяй вместе со старым Ахметом добивали раненых, обдирая доспехи.

– Хоросаньской земли⁸¹ бояре, – уважительно отозвался о погибших Митяй, снимая доспех с мертвеца.

– Не татары? – Андрей и сам удивился странной внешности убитых, ничуть не походивших на татар, и спросил новгородца: – А ты почему знаешь?

– Так я отроком ходил с отцом вместе, с тазиками в Хоросанскую землю, там их и видал, – не отрываясь от дела, ответил Митяй.

⁸⁰ *Яблоко булавы* – набитый гвоздями шар, венчающий металлический жезл. Яблоко делали из золота, серебра, булата, железа, хрусталя, украшали бирюзой и драгоценными камнями. На Руси и у татар булава оружие и знак власти, военначалия.

⁸¹ *Хоросаньская земля* – Хорасан, северо-восточная область Ирана.

Мать честная! Сначала монголы, которые совсем уже не монголы, татары, которые больше походили кто на мордву, русских, болгар, больше, конечно, на кипчаков, потом дитя Африки, а вот теперь еще персы нарисовались среди татар. Не хватает только русских бояр и князей и немецких наемников найти на службе у татар для полного счастья! Кто знает, может, и встретятся на пути русские-ренегаты? Только вот ренегатами их никто тут не считает, вот беда. Понятия государства еще нет, служат сюзерену, кто больше платит, тот господин и повелитель. Служишь татарскому оглану – значит, татарин, князю-русаку – значит, русак ты. Все просто, как три рубля. И никакого национального вопроса, будь он проклят трижды. Никакой национальной вражды. Врагов убивают из чистого прагматизма (добро защитить свое, землю отчую или отнять у соседа), а не из-за национальной розни.

Так, а это что? Двое мертвецов лежат со стрелами в груди! Никак Гришка с Третьяком отличились, больше некому. Мало дострелить на таком расстоянии, нужно еще и попасть! Виртуозы хреновы, им что приказано было делать? Стрелять атакующих татар, а не выпендриваться перед князем. Ну и получают они на орехи.

* * *

Андрей вернулся в усадьбу. Во дворе не протолкнуться от груженных телег, с которых дворня торопливо перетаскивала добро в амбары, оружие складывали отдельно от прочего – это уже Лука Фомич будет оценивать и разбирать, что для дружины оставить, что на торг отправить, а что в кузню на лопаты и косы перековать.

Бабка Аграфена пользовала раненых, таких набралось почитай с пять десятков. Все с ранами разной степени тяжести от татарских стрел. Двое вновь прибывших новгородцев, ходившими с воеводой в короткую атаку, умудрились поймать татарские стрелы: один в грудь, другой в живот. Четверо молодых парней с полудюжиной девок помогали старой лекарке. Первым делом раненых обмывали, многие крестьянские бабы и дворовые холопки, пораненные татарскими стрелами, со страху обделались. От раненых воняло так, что хоть нос зажимай и не дыши вовсе. Это обычное дело при ранениях. Потому сначала их обмывали, а уж потом оказывали первую помощь и переодевали в чистое.

За несколько минут татары пролили на усадьбу дождь стрел. Андрей мысленно прикинул их количество, получалось около трех тысяч стрел, и как итог семь десятков стрел нашли свои жертвы. А может, и больше. К лекарке сразу обратились лишь те, кто серьезно ранен. Вот семилетний малец стоит, ожидая своей очереди, баюкая культию, замотанную в окровавленную тряпицу. Стрела срезала кисть малышу, мать, оторвав от подола тряпицу, перетянула руку повыше кисти. Пацан до сих пор находится в шоке, еще несколько минут, и он потеряет сознание, на лице пацана проступила мертвенная бледность. Кузьма достает из огня раскаленный топор, подавая знак помощникам держать пацана. Кто знает, выживет ли малыш?

Царапины и неглубокие порезы за раны не считают, перемотают тряпкой, и ладно. А что было бы, если бы татар было не две сотни, а больше? Бревна тына оказались слабой защитой, татарские стрелы прошивали их насквозь, если бы Андрей сам не увидел, то никогда в жизни не поверил бы в такое.

Во дворе лежат почти три дюжины мертвых тел, укрытых рогожами. Этим уже ничем не поможешь. Сердце словно сдавили железные тиски, казалось, что еще чуть-чуть, и он сойдет с ума, что еще немного и вновь неподконтрольная ярость захлестнет его сознание. Андрей остановился над мертвыми телами, зашептал слова молитвы, чувствуя свою вину в смерти этих людей. Монотонный ритм молитвы действовал успокаивающе. Окончив молитву, Андрей отправился на поиски депрессанта, на ходу пиная колосившиеся, словно пшеница, татарские стрелы. Сердитое мычание раненой скотины действовало на нервы. Во время обстрела бык, пораненный парочкой стрел, взбесился, оборвав веревку, державшую его на привязи. Словно

пушинку, монстр выбил закрытые на массивный засов двери сарая и выскочил во двор, успев стоптать насмерть двух крестьянок, прежде чем упал утыканный десятками стрел, лившимися, словно дождь с неба.

Нужное лекарство обнаружилось на летней кухне. Поймав хорезмийку за длинную тугую косу, Андрей утащил девку в спальню и, не снимая доспеха, взгромоздился на перепуганную досмерти девчонку. Чуть было не придушил бедняжку, но отпустило, ярость, затмевавшая сознание, ушла, оставив пустоту в душе. Оставив тихо рыдающую рабыню на кровати, Андрей вернулся на улицу. Во дворе его уже ждали. Взяв с собой вернувшихся улан Кулчука и четыре десятка новгородцев, Андрей по темноте отправился выручать своих крестьян. Лошадям без разницы день или ночь, они в темноте хорошо видят, в отличие от всадников.

К рассвету домчались до села. Андрей посоветовался с Булатом, как лучше напасть на татар. Голова у татарина светлая, Булат разом придумал план нападения. Андрей легко перенимал тактику ведения боя у татар и отправил в село дюжину новгородцев навести там шороху. Русские вои ворвались в деревеньку с веселым гиканьем и визгом, зарубив нескольких осоловевших от сытости и плотских утех пеших татар, попавшихся им на пути.

На удивление, разбойники быстро опомнились, но русские, развернув коней, уже поворачивали назад, прихватив с собой татарских лошадей. Почти сотня ордынцев бросилась в погоню и, доскакав до зарослей кустарника, попала в засаду, под наведенное орудие. Раздался залп, и не менее четырех десятков преследователей вылетели из седел, сраженные картечью. Из леса, заходя с флангов, появились уланы Кулчука, осыпая оставшихся в живых ордынцев стрелами. Новгородцы, развернув коней, ударили плотным строем и смяли татар. Началась рубка. Татар было изначально больше, чем русских, но артиллерия, безусловно, уравнила шансы.

Андрей вскинул короткий тугой лук (настоящий монгольский, свой спортивный он давно убрал за ненадобностью, сила натяжения татарского лука в четыре раза больше, чем спортивного, и убойная сила не в пример больше), на секунду задержал дыхание, и вот уже русобородый татарин падал с коня с короткой стрелой в груди. С монотонностью автомата он кидал бронебойные стрелы, и ни одна стрела не прошла мимо цели. Уланы царевича дрогнули, поворачивали коней вспять, пытаясь выйти из ближнего боя. Андрей бросил лук в налuch, ухватил поудобней рогатину и, оставив Гришаню с его другом дальше вести обстрел, пустил своего тулпара⁸² с места в карьер. Следом подгоняли своих аргамаков Сенька с братьями.

Гришка Мороз со своим товарищем ни в какую не соглашались вздевать брони, щеголяли в стеганых татарских халатах, предпочитая убивать врагов издали, и не искушали судьбу в ближней схватке, где у них не было никаких шансов остаться живыми, а на расстоянии им с их ловкостью и тугими луками ни один татарин не страшен.

У ордынцев еще был шанс на победу, но паника сделала свое черное дело. Андрей привстал на стремях и с силой вогнал наконечник рогатины в спину беглеца. Стальное жало рогатины пробило щит, висевший за спиной улана, и вспороло железные кольца доспеха, вонзилось в спину татарина на длину ладони, ломая позвоночник.

Бросив застрывшую в теле убитого рогатину, князь орудовал любимым шестопером, проламывая затылки беглецам и круша грудные клетки смельчакам, осмелившимся оказать сопротивление. И снова ярость затмила разум князя. Он мощным ударом вынес татарина из седла. Ремешок шестопера лопнул, и железная палица выпала из рук князя. В ход пошла кривая сабля. Андрей не чувствовал вражеские удары в горячке боя, безрассудно пренебрегал защитой, и чуть было не поплатился за это жизнью. Татарин с жиденькой бородкой и отвисшими усами, в стеганом халате поверх кольчатого панциря извернулся и с оттягом полоснул князя саблей поперек живота, но тут же поплатился за это: клинок князя отсек степняку кисть, сжимавшую саблю. Татарин пронзительно заверещал от боли и бросил коня в сторону, пытаясь уйти из

⁸² *Тулпар* – богатырский конь.

сечи. Андрей добивать подранка не стал, хватало других врагов. Все равно с такой раной татарин в бою не выживет.

Из деревни татарам подоспела подмога, и силы противников вновь уравнились.

Князь чиркнул по загривку степняка, рассекая бармицу из кожаных пластин, татарин закачался в седле, но Андрей переключил внимание на следующего врага. Перс-терминатор в пластинчатом стальном панцире лихо отсек голову новгородцу и полоснул по бедру другого княжеского воя. Убитого Андрей признал, воин из тех, кто пришел с Лукой из Новгорода, кажется, у него жена молодая и двое детей мал мала меньше. Жаль парня, но ничего уже не исправишь. Можно только отомстить. Андрей ударил хлестко, вложив в удар всю силу, перс прикрылся щитом.

Щит хоросанца, помимо центральной пластины – умбона, имел еще по краям дополнительно четыре умбона меньших размеров. Фигурные пластины усиливали щит и были инкрустированы золотом и красными и синими ярко сияющими в лучах солнца яхонтами. Все это: ярко сияющая позолота на пластинах щита, шелома, нагрудной пластины доспеха, искрящиеся всполохи драгоценных камней, яркий блеск позолоты налобника богатырского коня перса – не дешевые понты, а тонкий расчет.

Все это очень мешало Андрею сосредоточиться на убийстве врага, отвлекало внимание, взгляд то и дело пытался сконцентрироваться на очередном искрометном всполохе лалов. В бою красота камней несла смерть.

В лучах восходящего солнца князь продолжал обмениваться ударами с врагом, но воинское мастерство противников было равным. Доспех у перса отменный, Андрей уже несколько раз доставал своего противника, но сабля князя не причинила большого вреда золоченому доспеху, лишь оставляла неглубокие царапины на нем. Конь хоросанца, также защищен конским панцирем из позолоченных стальных пластин. Такие конские доспехи могли позволить себе только элитные воины или богатая знать.

Улучив момент, когда противник закрылся щитом от молниеносного удара Андрея, князь привстал на коротких стременах и, оттолкнувшись, прыгнул на противника. Они вместе свалились с коня на землю, причем нога терминатора застряла в стремени, и он свесился с коня вниз головой, кольчужная бармица откинулась, и Андрей вонзил выхваченный кинжал в открытое горло перса.

Страшно хотелось пить, схватка с терминатором совершенно вымотала Андрея, во рту соленый привкус крови, перс задел его бронированным локтем, разбив в кровь губы и чуть было не выбив передние зубы. Андрей потрогал языком верхние передние зубы: два шатаются, зараза! Стоматологов тут в помине нет, протезистов и подавно! Скотина! Андрей со всей злостью ударил мертвеца по лицу, выламывая ему зубы набалдашником кинжала. Он не успокоился, пока не выбил ему все зубы.

Действительность мало походила на то, какими представлял себе Андрей противников Руси – татар. Все, кого он сегодня убил, отменные воины в отличных доспехах и оружием владеют виртуозно. Выжить в такой мясорубке можно только по воле Бога. Удача благоволит Андрею, он это чувствовал, и ничто: ни конское ржание, ни дикие визги татар, ни частая барабанная дробь сабельных ударов по металлу – не могло отвлечь его от главного – убей, чтобы выжить.

Брань все еще продолжалась, звон железа, крики боли, пронзительные визги раздавались отовсюду. Князь, сплевывая с разбитых губ сгустки крови, уворачиваясь от сабельного удара, ловко поднырнул под брюхо низенькой татарской лошадки и со всей силы полоснул кинжалом, вспарывая брюхо животине. Успел вовремя отпрыгнуть, увернувшись от вываливающихся наружу внутренностей. Всадник не успел соскочить с убитого коня и упал вместе с кобылой. Андрей не мешкая, ударом ноги сломал шею распластавшемуся на земле степняку.

Тупая боль обожгла спину, удар оказался настолько силен, что чуть было не сбил Андрея с ног. Резко обернувшись, князь бросил кинжал в от удивления раззявившего беззубый рот татарина с длинными пшеничного цвета усами. Сын бескрайних степей сжимал рукоять сабли с обломленным клинком. Острое лезвие кинжала вошло точно в открытый от изумления рот мужика, ломая редкие гнилые желтые зубы. Недоумевающий татарин ушел на небеса, пировать с прекрасными гуриями и размышлять там о том, каким образом русский витязь остался жив, а он, нукер царевича, воспарил на небеса. Андрей засмотрелся на удивительной красоты пояс убитого татарина и чуть было не отправился за ним вдогонку.

Сабля лихого улана вскользь ударила по шелому князя, в ушах раздался колокольный звон, и Андрей навзничь упал на землю. Ну, сколько можно! Опять по голове ударили! То зубов лишают, то голову срубить норовят! Слава богу, сознание не потерял, иначе стоптали бы конями за нечего делать. Андрей изловчился и быстро поднялся на ноги, крепко ухватившись за выпавшую из рук саблю, висевшую на шелковом шнурке, обмотанном вокруг кисти.

Подкрался сзади к степняку, рубившемуся с уланом Кулчука, и, уцепившись левой рукой за плечо татарина, стащил степняка с коня. Кольнул саблей в лицо распростершегося на земле неудачника и птицей взлетел на трофейного коня.

Окинув взором место битвы, Андрей остался доволен увиденным. Он отстегнул бармицу от железных пуговиц на нагрудной пластине доспеха, с наслаждением вдыхая пахнувший травами воздух. Устало стащил мисюрку с головы. Прицепив шлем к луке седла, Андрей обтер пот, застилавший глаза, шапкой. Острая боль обожгла левое ухо. Андрей ухватился рукой за пораненное место и грязно, от души выматерился в сердцах. Мочку уха срезало татарской стрелой, глубоко оцарапав скулу, и она висела на тонкой полоске кожи. Кровь лилась ручьем. Морщась от боли, Андрей резким движением оторвал срезанную ткань. Спешился, наклонился над покойником, отрезал от халата относительно чистый кусок ткани, приложил к кровоточившей ране. «Интересно, как я буду выглядеть, ну скажем, через пять лет? Безухий, беззубый – это точно. Лишь бы руки-ноги целы, да голова осталась на месте, да еще один важный орган, без которого жизнь не в радость», – отстраненно подумал Андрей.

Бой подходил к концу. Среди разбойников улан было мало, всего около сотни, остальные простые пастухи в стеганых халатах. Слава богу, среди татар оказался лишь один персидский терминатор, но и в одиночку он натворил дел: половина убитых русаков – его работа.

Исключая машину смерти родом из Персии, тяжеловооруженные уланы еще могли противостоять воинам Андрея в сече, а пастухи-скотоводы – нет. Гришка Мороз со своим дружкой Третьяком и татары Кулчука не дали разбойникам возможности рассыпаться и закидать русских воев стрелами. Опять повезло. Рассыпясь татары по полю, и посекали бы русских стрелами за милую душу.

– Кулчук, – морщась от боли, позвал князь своего верного слугу.

– Тута я, хозяин, – татарчонок выглядел весьма довольным, и как не радоваться парню, ведь свершилась кровная месть. Именно воины оглан-царевича разорили родное кочевье Кулчука, не пощадили ни женщин, ни детей. Сейчас от некогда большого рода Кулчука в живых осталось меньше двух десятков.

– Много бесермен убежало? – спросил Андрей, глядя вдаль на мчавшегося прочь степняка. За ним наперегонки в погоню бросились несколько татар с Гришаней-стрельцом.

– Нет, немного, – парень весело повертел головой. – Но пленные говорят, что полусотня рассыпалась по округе в поисках добычи. Дозволь людей отправить, найдем разбойников быстро.

– Уланы среди них есть? – Андрею очень не хотелось потерять добрые доспехи, в которых щеголяли татарские элитные воины под усадьбой, в качестве трофеев им достался один металлолом.

– Уланы спину не показывают врагу, хозяин. Все они тут лежат, – Кулчук рукой показал на поле сражения. – То пастухи в округе промышляют.

– То-то я думаю, что все пленные нам достались бедноватые, – покачал головой князь. – Значит, говоришь, уланы спину не показывают?

– Бегство с поля боя и плен у нас караются смертью, хозяин, – гордо вскинув голову, ответил парень, смотря прямо в глаза князю. – Мы монголы, а не эти... татары, – не отводя взгляда, твердо произнес парень с гордостью за свой народ.

– Ладно уж. Иди. Монгол, – улыбнулся Андрей.

Ответ Кулчука ему пришелся по душе. Среди степняков сейчас единства нет. Режут они друг друга почему зря.

– Посмотри, как там, в деревне, а беглецы от нас никуда не денутся. Возьмешь людей и поймаешь остальных, – распорядился Андрей.

Когда князь верхом на трофейном белом коне в сопровождении нескольких всадников появился в деревне, там творился настоящий бедлам. Марфа, жена ключника Тита, тридцатилетняя бабенка толщиной в два полных обхвата и почти под два метра ростом, гоняла по улице Кулчука, лупя почему зря парня мокрой тряпкой. Татарин весело уворачивался от разъяренной бабенки и весело скалился, успевая дразниться.

– Чего это у вас тут происходит? – спросил князь у улыбающегося Тита.

– Этот шельмец с нехристями своими появился, как черт, и давай кричать, что весь полон теперь его, мужиков, значит, он посечет, а баб, ну того... И давай рассказывать, что он с Марфой будет делать. Понятно, все перепугались, бабы голосить начали, а этот шельмец возьми и подними личину. Как пути наши перерезал, так Марфа на него осерчала. Вишь, поймала шельму, – довольно заметил Тит, видя, как Марфа догнала хохотавшего во весь голос Кулчука и, отбросив тряпку, стала крепко целовать своего избавителя.

– Не ревнуешь? – спросил Андрей спокойно смотрящего на это безобразие Тита.

– Чего? Неа, – Тит догадался, о чем спросил князь. – Сейчас можно. Мы ведь думали, того... сгинем.

– Это как сгинем? – очень удивился Андрей. – Не верили, что обороню я своих крестьян?

– Ить мы как думали, много бесермен прибежало, осадили усадьбу твою они. Хвастались нехристи, что уже на рассвете гулять они будут в усадьбе, – начал оправдываться княжеский ключник.

– Попировали они. – Андрей ухмыльнулся, вспомнив, как побили они татарскую рать под стенами усадьбы.

– С этими татями что делать будешь, княже? – спросил Тит, показывая на телеги, на которых лежали связанные кожаными ремнями люди.

– Кулчук! Хватит тебе с Марфой целоваться! Сейчас тебя муж оглоблей поколотит за безобразие такое, – громко крикнул Андрей молодому татарину. – Почему этих не освободил?

Парень ужом выскользнул из горячих объятий Марфы и задал стрекача, пока разгоряченная бабенка его опять не поймала. Подбежав к князю, доложил:

– Так Тит сказал, что это тати. Пронские бояре с воями. Они село грабили, когда татары налетели, – парень произнес это по-татарски, но Тит его понял и сам стал рассказывать, как дело было.

– Налетели изверги на рассвете, слава богу, никого не посекли. Связали нас, а сами шерстить по избам кинулись. Потом напились меду и завалились спать, а тут бесермены нагрянули. Татарва их отлавливала поодиночке и на телегу. Радовались, что сильные вои попались, да все бронные, дорого продать их можно.

– А чего? Можно и продать! – Андрей подошел к телеге и внимательно рассматривая сваленных на ней кулями связанных по рукам и ногам пронских горе-воjak. – Продать татарам,

а вырученное серебро пропить! – и под громкий хохот собравшихся завершил свою мысль: –
Чтобы другим татам не повадно было безобразничать в моих владениях!

Глава 10. Сельскохозяйственная

В один из солнечных дней, когда служилый князь и боярин великого князя Резанского вместе со своим дворецким объезжал сенокосные угодья или пожни, как их тут еще называют, зашел между ними разговор о разведении скота. Андрей искренне удивлялся, почему в деревнях почти нет скотины. Если есть, то порода очень мелкая, коровы необычайно тощие.

– От того, что сена мало, – Спиридон прищлепнул надоедливую мошку и продолжил: – Вот в усадьбе почитай никого не осталось, кроме стражи, всех отправил я на косьбу. В деревнях то же самое, пустые деревеньки стоят сейчас. Крестьяне сено заготавливают. Только не успеть им накосить потребное. Других дел по хозяйству много, оттого косят почитай все лето. По ночам зачастую тоже. Иной раз с одного покоса по два раза сено берут.

– Если все лето косят, отчего сена не хватает? – продолжал расспросы Андрей.

– Так на двор тех пожней приходится чуть больше чети. Вон смотри лужок-то, – Спиридон махнул рукой в сторону покоса, где ратники Луки как заведенные махали косами. – Крестьянин этот лужок ден пятнадцать косить будет. В копны скидать потом сено надобно. Трава в копнах стоит в ведренное время по три дня, а в ненастье с седмицу и более. При просушке мечут в стога и скирды, а копны возят на лошадях опутанные веревкой.

– Мы же много сена заготовили, – возразил Андрей.

– Так то мы. Косилка твоя конная в день столько накашивает, сколько вся деревня за несколько ден.

– Не все же косилками косим, вот мужики косами машут. Споро работа у них идет, – снова возразил Андрей.

– Крестьяне все больше горбушами косят. Спина затекает быстро, если горбушей косить, – пояснил Спиридон.

– И что, везде сена не хватает или только в нашем княжестве?

– Где как. По Оке укусы хорошие. А так скотина впроголодь стоит. Иной год крестьяне солому с крыш всю повыдергивают. На Москве луга хорошие, по Москве-реке, по Лопасне, Клязьме. А пустошное и всякое лесное и болотистое сено волокнисто, но не споро для корму.

– Обычно сколько сена накашивают?

– С этого лужка, – Спиридон махнул рукой в сторону покоса, – деревенька о три двора запасет в хороший год пять на сорок волоковых копен.

– А в копне сколько?

– Пуда четыре.

– Это сто восемьдесят пудов, – подсчитал Андрей. – И не хватает?

– Не хватает, знамо дело, – ответил Спиридон.

Хочешь не хочешь, а пришлось заняться князю сельским хозяйством со всем вниманием. Увеличение поголовья скота вызывало опасения за сохранность скотины. Как перезимуют овцы и бараны? За лошадей сердце болело. И судя по увиденному воочию, и слова Спиридона и Демьяна это подтверждали, дела у крестьян со скотинкой обстояли аховым образом. Андрей тщательно записывал полученные от мужиков сведения и по вечерам, оставшись один, при свете восковых свечей пытался систематизировать информацию. По всему выходило, что без помощи боярина крестьяне не смогут самостоятельно улучшить ситуацию с содержанием скотины.

«Действовать прямыми приказами, – думал Андрей. – Не тот вариант. До крепостничества еще далеко. Крестьяне мои – обычные арендаторы. Ведут хозяйство по “старине”... Стоп. А холопы? Через пять лет холопские семьи получают свободу и землю с хозяйством. Вот с холопов и надо начинать нововведения».

Крестьянский двор из четырех душ обоего пола имел до набега татар в среднем две лошади, одну корову, пять-шесть овец и столько же свиней. Как обстоят дела со скотиной в других княжествах, Андрей собирался вызнать у купца и Луки, но пока решил отложить это дело на потом. Главное сейчас, разобраться с собственным хозяйством и по возможности повысить его товарность.

Достаточно высокая мобильность населения, связанная в первую очередь с феодальными войнами, где главная ценность трофеев заключалась в полоне, не позволяла выявить региональную особенность в содержании скота. По всему выходило, что это дело будущих столетий, когда Русь избавится от татаро-монгольского ига и угрозы Казанского и Астраханского царств. К слову сказать, Казань со своим ханом уже здесь была. Но представляла собой печальное зрелище. Московские рати и новгородские ушкуйники совершенно razорили Казанские земли. В Астрахани же сидел собственный хан, а ханов поменьше, которые не признавали власть Золотой Орды или астраханского хана, было что блох на собаке.

На зимнее время крестьянский скот помещался в хлеву, который ставили под одной с избой крышей. Часто над хлевом располагался сеник. Но большинство крестьянских дворов в вотчине Андрея содержали скотину под навесами во дворе или же рядом с двором, огораживая навесы забором. Под крытыми соломой навесами делали хлева, закуты и ставили плетенки. Овцы отдельно, свиньи отдельно, корова отдельно, лошади отдельно.

Крестьяне кормили скотину три раза в день. Коровы и лошади были очень мелкие. Андрей еще не понял, то ли порода такая, то ли от бескормицы, но собирался из похода на приграничные литовские земли пригнать с десятков-другой голов скота, надеясь, что там порода покрупнее. Местные коровы молока давали всего ничего, а жирность его чуть выше магазинского. Этот факт попервости возмущал Андрея до глубины души. Живет в деревне, а молоко нежирное совсем! Боярин чувствовал себя обманутым, но таковы были реалии средневековой деревни. Андрей дал себе слово улучшить жирность молока, по крайней мере в своем вотчинном хозяйстве. «В крайнем случае купец через ганзейских купцов торгует мне немецких коров, а можно еще из Англии привезти парочку телок», – решил Андрей.

В зимнее время по утрам и вечерам дойных коров кормили и доили в избе. Во дворе скот получал овсяную, ячменную и изредка пшеничную солому. Сена, как сказал уже Спиридон, катастрофически не хватало. Парадоксальность ситуации не могла уложиться в голове молодого боярина. При огромных просторах сена не хватало! И дело было не в лени его крестьян, как первоначально полагал Андрей, – причина была элементарна. Все дело в русском климате и коротком лете. При сроке сенокоса в тридцать дней две трети времени уходило на покос травы. Производительность труда крайне низкая, в день крестьянин едва скашивал пятую часть десятины. Седмица уходила на сушку да на стогование от трех до пяти дней. Запасало крестьянское хозяйство при таких сроках от ста двадцати до ста восьмидесяти пудов сена, может, чуть больше в хороший год, что по-любому не позволяло прокормить большое количество скотины. Вот и косили вплоть до сентября месяца, часто ночами, работая наизнос. Разумеется, кормовые качества травы в сентябре уже были ниже, значит, и расход больше.

Исходя из общепринятых на Руси норм кормления скотины, Андрею придется вносить свои изменения в нормы. Боярин собирался даже написать инструкцию по содержанию скота для Спиридона, чтобы он довел ее до сведения холопских семей. Андрей старательно вспомнил нормы на корм животине, бытовавшие в хозяйстве бабки. Учитывая, что лошади и коровы тут мелкие, то и корма им требуется меньше, но все равно по расчетам Андрея выходило, что на одну лошадь нужно было при нормальном рационе не менее семидесяти пудов сена, а в идеале сто – сто пятнадцать пудов. На корову требовалось семьдесят пудов минимум, лучше, конечно, сто пудов. На одну овцу тридцать пудов сена, да еще веников заготовить для овец нужно. Если лошадь или корову можно кормить соломой, то овцы питаются только сеном. Андрей понял,

отчего крестьяне не любят держать много овец. Обычно одну-две. Лишь в крепких хозяйствах держат от пяти до десяти овец.

«Сена мы заготовили изрядно уже, да еще накосим, – размышлял Андрей. – Значит, можно коней не продавать по осени, по весне большую цену дадут на торгу за добрую и сильную лошадь. Забивать всех овец, пожалуй, тоже не стоит. Прокормим. Хватит сена подкинуть моим крестьянам. Меха по весне за сено возьму или воском. Пожалуй, сено еще на продажу останется. В общем, все не так уж и плохо. Перезимуем».

Крестьяне кормили от нехватки сена скотину соломой. Недаром же Спиридон так и сыпал специфическими терминами. Урожай тут оценивался двояко. Какова солома и каково зерно? По терминологии Спиридона это звучало так: «ужин» и «умолот». Спиридон так и сказал: «Хлеб ноне ужинист».

Кормили скотину в основном ячменной соломой. Давно уже крестьяне заметили, что от ржаной соломы у скотины крошатся зубы и нападет на скотину хворь разная. Но от бескормицы в дело шла любая солома: и ржаная, и гороховая. Вот и получалось, что в плохие годы половину рациона рабочей лошади составляла ржаная солома. С шести четей поля ярового овса крестьянин получал сто восемьдесят пудов соломы. А как выяснил Андрей, крестьяне ограничивали рацион коровы тридцатью – сорока пудами сена. Остальной корм составляла солома. Калорийность же сена по отношению к соломе составляла, как вспомнил Андрей, примерно три к пяти. Разумеется, и этого заменителя не хватало. Тогда начинали кормить скотину ржаной соломой, которая в основном шла на технические нужды, на ремонт крыш и на подстилку скоту. Вот и обдирали по весне солому с крыш, лишь бы сохранить скотинку до первой травки. Дело доходило даже до того, что обессиленную скотину подвешивали на веревках, чтобы не упала от бессилия. Такова была суровая реальность деревенской жизни в средние века. А если к этому добавить длительный период кормежки сухим кормом да суровые русские зимы, то остается удивляться, как в таких условиях русский крестьянин умудрялся сохранить скотину и даже откормить бычка на продажу. Отсутствие достаточного количества кормов было основной причиной худосочности и малорослости скотины. Ведь в лютые морозы скотина должна потреблять кормов как минимум больше в три раза.

По весне крестьянина ожидала новая беда. Если изможденную недоеданием лошадь, прежде чем начать пахать, отпустить подкормиться на луга, то от молодой травы зачастую лошадь получала новую хворь. А если ждать и выпускать животинку пастись уже подросшей травой, то задерживаются в сроки вспашки, а тут еще, как на грех, татары набегут, и велика опасность совсем пропустить все сроки. Оттого многие крестьяне по осени продавали одну из двух лошадей, а по весне опять покупали. В этом было рациональное зерно, несмотря на кажущуюся невыгодность такого подхода к делу. Ведь лошади по весне стоили дороже, чем осенью. Одну лошадь зимой прокормить легче, и минимизируются риски падежа и пропуска сроков вспашки.

Поступая так, крестьянин действовал исходя из чистого рационализма. Потери в деньгах были приемлемой платой за снижение рисков. Иначе можно было потерять всё. Князь, боярин придет на помощь в случае чего. Даст лошадку, но не за красивые глаза даст. Отдавать придется и по цене дороже, чем на торгу. А не отдашь в срок – прощай свобода. Закуп, конечно, не полный холоп. По сути это то же рабство, только временное, пока долг не отдашь или не отработаешь. Но не факт, что сможешь рассчитаться и выкупиться. Как выход, один из сыновей продавался в холопство, чтобы семья могла рассчитаться по старым долгам. Именно так Андрей вербовал молодых парней в холопы. И проблем с вербовкой не испытывал. А те деньги, что находили холопы в карманах убитых врагов боярина, если не пропивались, переправлялись в отчий дом и были большим подспорьем в крестьянском хозяйстве.

Надои коров мизерные. Андрей сделал нехитрый подсчет. Получалось – не больше четырехсот пятидесяти литров с коровы. Молоко перерабатывалось в масло. Масла выходило две-

надцать килограммов с коровы в год. Масло сразу же перетапливалось, и топленое масло было главной целью переработки молока. О сметане, твороге и сырах можно было не вспоминать. Нет, сметану делали, но очень в малых количествах. Сыр практически не делали.

На выпас скотину, по устоявшемуся обычаю, выпускали на Егория, но бывало и по весеннему снегу гоняли скотину в лес на «веточки». А что прикажете делать, если корма закончились? От таких условий содержания скотина часто болела, и нередко были падежи скота.

После долгих раздумий Андрей решил разбить свои стада и локализовать их, организовав скотоводческие хутора. Но для этого нужны были люди, а людей было мало. Поход, задуманный боярином Масловым, оказался очень кстати. И дело не только в том, что серебро кончалось. Похоже, боярская вотчина могла существовать только лишь при условии подпитки военной добычей. Итак, решено. Работников наберет в этом набеге. Зиму прокормить полоняников не проблема. Агенты купца всюду скупали зерно в Пронском княжестве и в окрестностях стольного града, да и крестьяне скоро оброк начнут свозить.

Урожай гречихи удался на славу. Андрей даже не ожидал такого большого урожая. Чем больше Андрей размышлял над проблемой, тем больше ему нравилась идея с хуторами в один-два двора. Нужно только выделить часть леса для постройки домов, а до первого снега холопы сами поставят дома и хозяйственные постройки. Усадьба при всем желании не вместит всех, и так за тыном уже вырос целый посад. Потому хутора – это рациональный выход из положения.

Среди купленных у монастыря людишек оказались несколько ремесленников. Ладили теперь бочки, телеги, возки на зиму. Была у Андрея мысль не сидеть сиднем зимой в усадьбе, а разжиться серебришком в военном походе. На Руси серебро дефицит, получить драгметалл можно было либо торговлей с Ганзой, орденом, Литвой, Ордой, либо в военном набеге, благо на границах такие полувоенные-полуразбойничьи акции проходили постоянно, да хоть немцев пощипать. Новгородцы с ними часто ратятся, отчего же не помочь хорошим людям? Чай, не чужие новгородцы, свои, русский люд, такими мыслями Андрей успокаивал остатки былой совести, так как экономика боярской вотчины Андрея, как ни крути, была в глубоком минусе, трофейное добро пока еще не реализовано, серебро за продажу пленников не получено, и единственным источником дохода была лавка в стольном граде, но покрыть все потребности в серебре она не могла. Объемы торговли не те. А выставлять на продажу прихваченные из прошлого мира различные безделушки Андрей опасался. Лучше реализовать их заморским купцам, мало ли что, зачем доводить до инфаркта археологов?

«Пожалуй, пора отправляться в путь. Лады прикупить нужно будет штуки три. Эх, опять расходы. Можно доски напиленные взять с собой и попытаться отдать корабельному мастеру в счет уплаты. Лесопилка работает всюду, и ушкуй загрузить досок хватит. Холопы с табунами пусть сами добираются до Переяславля, – Андрей отодвинул от себя блокнот, где вел записи, и потянулся снять нагар со свечей, что освещали поверхность стола из мореного дуба. – Завтра после полудня отправимся, поди успеют загрузить ушкуй...»

Глава 11. Снова Переяславль Резанский

Но отплытие пришлось ненадолго отложить, все дворовые задействованы рачительным Спиридоном на работах, кто косил, кто рубил лес, часть холопов была задействована на лесопилке. Пока отозвали нужных людей с работ, пока загрузили ушкуй – день прошел. Лишь утром следующего дня Андрей смог отправиться в путь, и еще долго он смотрел на удаляющиеся стены усадьбы, его нового дома – отныне и навсегда.

По прибытии в стольный град Андрей заплатил мытнику побережное и, вызвав у него, что у пристани выставлены на продажу две новенькие набойные ладьи, отправился искать хозяев кораблей.

Андрею опять повезло, госпожа фортуна с момента появления Андрея в этом мире не обделяла его своим вниманием, корабельных дел мастера он нашел в гостинном дворе. Это был старик с кудрявой, совершенно седой головой и коротко подстриженной бородой, в сермяжном кафтане и татарских шароварах темно-зеленого цвета, ноги старика обуты в новенькие лапти. Мастер пристально смотрел на князя сквозь густые сросшиеся брови и только кивал седой головой, внимательно слушая князя.

Ладьи мастер выставил на продажу седмицу назад, пригнав их в стольный град в надежде, что кто-нибудь из купцов прельстится добрыми корабликами. Делались набои на заказ, в количестве трёх штук, третья ладья стояла в корабельном сарае, да купец, что делал заказ, уплатив задаток, по зиме отправился в Вятскую землю, да и сгинул там, а наследники купчины не объявились забрать ладьи в срок. Мастер почитай все лето ждал – не дождался. Нет, купец не резанский, московский купец. Доски? В счет уплаты? А добрые доски? То посмотреть не мешало. Ежели добрые, отчего не взять. Еще есть? Много? Нужны, а то как же. А почему? Хм, кхе-кхе... Не много просишь? Скинуть бы чуток? Вот это в самый раз. А ладьи как? Берешь обе? И другую возьмешь? Уступлю в цене, так и быть. Еще и насады, только больше? Можно. Отчего не можно? В меженину токмо намаешься. Вверх по реке не больше три на десять верст пойдешь, на обычной ладье гораздо шустрее. Не важно? Слажу по весне насады. Доски вези токмо успевай.

В общем сладили. Заплатив очередной налог, «явленное» называвшимся, порадовался, что местным скидка полагалась, почитай пустяшный налог – полденьги с рубля, но не платить нельзя. Штраф выпишут такой, что мама не горюй! Здесь с этим строго. Кстати, один из видов штрафа назывался «протаможье», и брался он за неуплату тамги. Услышав впервые этот термин, Андрей долго и громко смеялся, пришлось потом извиняться, чтоб не подумали, что Андрей хотел обидеть. А штраф за уклонение от мытной пошлины назывался «промыт». Было еще «пропятнение» – это за уклонение от налога называвшимся «пятно». Налог этот накладывался за наложение тавра на проданную или променянную скотину и запись примет скотины в особую книгу. Вот так все очень серьезно тут было с налогами, не по-детски прямо.

Закончив торговые дела, Андрей навестил великого князя, разумеется, Резанского. По традиции преподнес поминки. Доспех, снятый с убитого татарского «царевича», пришёлся князю по душе, а полная сумка серебра, преподнесенная служилым князем со всем почтением, привела великого князя в прекрасное расположение духа.

Иван Федорович, оказывается, был в курсе намечавшейся авантюры с набегом на приграничные литовские окраины и даже не против совсем, если его бояре разомнут косточки, скорее даже за. И, разумеется, он с большим удовольствием примет своих бояр у себя после удачного набега (еще бы, пора подошла платить «выход», а серебра собрали недостаточно). Андрей быстро просек тему и заверил, что обязательно засвидетельствует свое почтение князю, сразу же, как только вернется из похода. При этом Андрей выразительно взглянул на сумку с серебром, которую князь все еще не выпускал из рук. В общем, великий князь Резанский, и его слу-

жилой князь, и боярин поняли друг друга. В заключение официальной части князь подарил Андрею кафтан из заморского сукна с золотым шитьем и грамоту тарханную, которая освобождала Андрея от торговых пошлин в Резанском княжестве.

Андрей поклонился в пояс и вежливо поблагодарил князя. За все время, что шел официальный прием, Андрея не покидало чувство, что за ним наблюдают. Нет, конечно, они были не одни. Были тут ближние бояре и парочка рынд, выполнявших функции охранников. Но опасность исходила не от них. Лишь потом, когда князь пригласил отобедать с ним, Андрей успел заметить в глубине покоев старого монаха и перехватить его взгляд, от которого у Андрея побежали мурашки по всему телу.

«Блажь какая-то. Вот почудится ведь...» – Андрей бессознательно перекрестился, пару раз он встречался с носителями подобного взгляда, и не сказать, что встречи те были приятными. Подобным взглядом обладали следователи, которые брали Андрея в обработку после завершения очередного задания и умудрялись вынуть душу во время допросов.

За обедом Андрей рассказывал о разгроме татарского отряда, предусмотрительно умолчав о причине появления татар на своих землях. Естественно, численность татар была уменьшена на две трети. Пожаловался Андрей также на пронских бояр, совершивших разбойничий набег на деревню Андрея, и как божье наказание преподнес их пленение так вовремя подоспевшими татарами, которые не могли допустить, что деревенька, которую татары считали своей законной добычей, так беззащитно грабится какими-то проходимцами. Пронских воев быстро повязали, и такими бездоспешными и связанными по рукам и ногам нашел их Андрей в телегах, когда разгромил татар.

Князь громко и весело смеялся и хлопал рукой по коленке, повторяя: «Попали аки кур в ошип».

– Ты их отпустил? – строго спросил князь, когда успокоился и к нему вернулась способность говорить.

– Только двоих холопов отпустил, за выкупом, – ответил Андрей. – Разве нельзя выкуп взять?

– Ну, наказал бояр пронских и будя. В землях пронского князя не безобразничай. У меня ноне мир с Пронским великим князем. Окуп возьми. Твой он по праву. О безобразии его бояр я отпишу ноне грамотку пронскому князю. Пусть приструнит людишек своих, – в голосе князя появились металлические нотки, и перед Андреем предстал не веселый собеседник, а властный и жесткий властелин княжества, умеющий постоять за себя. Андрей поразился столь разительной перемене облика князя.

– Теперь о деле... – продолжал князь. – В Москве скончался великий князь Юрий Дмитриевич, царствие ему небесное, – князь троекратно перекрестился. – Сын его Василий принял на себя титул государя московского.

Князь замолчал и внимательно глядел на своего боярина. Андрей спокойно ждал продолжения, глаз не отводил. Не хватало еще ввязаться в междоусобную войну. Андрей знал, что по непонятным причинам Резанский князь всегда поддерживал Москву в лице великого князя Василия Васильевича. Андрей также наслышан был, что по договору с Юрием Галицким Резанский князь не имел права поддерживать сношения с бывшим великим князем Василием, на том князь даже крест целовал. Знал Андрей также, что в обычаях у князей было и нарушение крестного целования. Раз дал слово, то держи его, пока выгодно, а если выгода в нарушении крестного целования, то незастенчиво отказывайся. И никто не осудит тебя в том. Так поступали многие. Только не резанский князь. Но смерть Юрия освобождала резанского князя от клятвы и данных обязательств. И наверняка в очередной расправе Резань поддержит Василия в его расправе с кузеном.

Дальше было интереснее. К сожалению, Шекспир не был знаком с русской историей. А вот они шекспировские страсти! Родные братья Василия Юрьевича прав его на великокняже-

ский престол не поддержали, ответив тому в духе знаменитой фразы Егора Лигачева: «Вася, ты не прав!» Разумеется, апеллировали они к всеми любимой тут «старине», по которой права на стол получал бывший великий князь Василий, теперь уже на законных основаниях, и в глазах братьев Василий Васильевич становился легитимным великим князем. А родной братец Василий – узурпатором! То, что братец родной, роли не играло. Братья Дмитриевичи призвали великого князя и вместе с ним двинулись на Москву. И прогнали родного братца с Москвы. В благодарность от великого князя получили награду. Шемяка получил Углич и Ржев, а младший из Дмитриевичей Бежецкий верх.

В Переяславле в подробностях знали, как развивались события, и по мелким деталям рассказа Андрей понял, что резанского князя кто-то снабжает полной информацией, так как Иван Федорович даже знал о расправе Василия Юрьевича с одним из своих служилых княжат во время бегства из Москвы. Андрей уже понял, куда клонит резанский князь, и выразил готовность послужить князю, ежели нужда в том будет, куда бы князь его ни послал. А в душе проклинал эти феодальные разборки. Очень ему претило воевать против своих же русских людей. Но здесь мыслили абсолютно другими категориями. Свои были только те, кто сейчас стоит рядом с тобой, прикрывая тебе спину. И вполне нормальным считалось, что тот, кто сегодня выступает с тобой плечом к плечу, завтра встанет в ряды противника, и наоборот, вчерашний враг станет союзником. Как говорили во времена Андрея, ничего личного!

Пока Андрей обедал у князя, Иван Андреевич вызнал про бегство московских суконщиков из Москвы. Те всегда поддерживали отца князя Василия Юрьевича, даже ссужали тому значительные суммы денег и после смерти князя Юрия традиционно поддерживали сына в его претензиях на титул государя Московского. Не дожидаясь появления на Москве великого князя Василия Васильевича, суконники по-быстрому сделали ноги в Тверское княжество под защиту тверского князя.

– Самое время на Москве обосноваться, – купец уже битый час прельщал Андрея открывающимися возможностями расширить торговлю. – Лавку купить можно за недорого, дом. За Москвой сила. Там вся торговля. Не чета здешней. Людишек в Москве в пять раз больше, чем у нас в Переяславле будет. Москва, она же центр всех торговых путей, а мы тут на отшибе стоим.

Глава 12. Москва златоглавая

Андрей понимал, что возможность зайти в Москву уникальная. Землицу с деревеньками ему на Москве не купить. Шибко умный советчик великого князя убедил того запретить продавать землю не московским боярам и служилым людям. Хочешь осесть на Москве и владеть деревеньками с землицей – будь добр служи князю Московскому и проливай свою кровь за эту милость. Но сами москвичи с большим удовольствием скупали земли в вассальных княжествах.

А вот через купца своего, используя его как подставное лицо, вполне можно было закрепиться на Москве. Достаточно дать на лапу московскому сотскому сурожской или суконной сотни, и разрешение поселиться в Москве будет получено незамедлительно.

Прав Иван Андреевич: торговлю переносить нужно на Москву. Здесь, в Переяславле, объемы не те. Население стольного резанского града насчитывает от силы десять тысяч человек вместе с посадами. Раньше больше было, но мор десятилетней давности унес много жизней. Покупательский спрос в Переяславле заметно ниже по сравнению с Москвой. Но расходы... Андрей тяжело вздохнул. В казне только-только набралось серебра заплатить корабельному мастеру за ладьи и еще аванс выдать за заказанные баржи. А еще скоро платить за холопов монастырю... Соль покупать надо. Спиридон ест ее, что ли? Сколько ни привези, мало все ему.

А, была не была. «В Литве разживемся серебришком, на худой конец с феодальных разборок тоже можно поиметь толику серебра. Не за просто так воюют, поди ж ты, платят наемникам», – решил Андрей на очередную авантюру.

– Ладно. Уговорил, Иван Андреевич. Давай съездим, посмотрим, что да как. Собирайся в дорогу. Прямо сейчас и отправимся. Возьми с собой товару, что у тазиков взяли. Поди, еще не весь продал?

– Есть, есть. Возьму, а то как же, – обрадовался купец.

Как ни торопились в дороге, все равно опоздали с возвращением назад в Переяславль. В Москве Андрей даже не успел удивиться убожеству построек. Берега Москвы-реки, Неглинки, Яузы усыпаны множеством деревянных избушек под соломенными или тесовыми крышами. Между домами повсюду стоят окрасившиеся в золото рощи вперемежку с полями и лугами. Через Москву-реку перекинуты наплывные мосты, на которых торговый люд устроил торжище.

Андрей уже знал, что население Москвы велико, в пять раз больше, чем в стольном резанском граде. Той Москвы, которую он помнил, еще не было. Зато мощные пожелтевшие от времени стены белокаменного кремля Дмитрия Донского были на месте.

В Москву попали через «Нижние», или, как еще их называли, «Тимофеевы» ворота, которые свое название получили по имени жившего рядом окольного князя Дмитрия Донского – Тимофея Васильевича Воронцова-Вельяминова. Массивные, в вершок⁸³ толщиной, железные ворота проездной башни широко открыты, длинная вереница телег столпилась перед мостами, крестьяне окрестных деревень торопятся спозаранку попасть в город. Если уж Андрей смотрел на Кремль, открыв рот от удивления и восхищения, то что говорить о простых крестьянах!

Высота стен кремля метров восемь будет, никак не меньше, да высота зубцов метра два с половиной. На такую стену, идя на приступ, взобраться нереально. Из пушек проломить стену в два метра толщиной тоже сомнительно. Из девяти башен кремля пять сосредоточены на восточной стене. Корабельная пристань прикрывается мощными нависающими стенами, так что и с этой стороны врагу не подступиться. А если учесть, что по периметру Москвыстроили монастырей, таких мини-фортов, со стен которых можно было брать неприятеля

⁸³ *Вершок* – старорусская единица измерения, первоначально равнялась длине основной фаланги (4,44 сантиметра).

под перекрестный обстрел, то дело нападавших выглядит совсем кисло. Эту твердь враг так ни разу не смог захватить штурмом. Даже количество проезжих башен на восточном участке стены выглядит как насмешка над врагами. С одной стороны, ворота существенно увеличивают опасность проникновения врага внутрь кремля, а с другой стороны, это вызов вероятным противникам: мы не боимся, попробуй, возьми нас! Зубы обломаешь, или сами обломаем внезапными вылазками за стены кремля. Поди, знай, откуда мы ударим на рассвете... У нас есть выбор большой, откуда ударить по ворогу, а у него голова болит, как разместить войска, чтобы перекрыть все выходы из города.

Да, деревянный кремль Ивана Федоровича Резанского выглядит по сравнению с московским кремлем очень и очень бледно. Теперь Москва может плевать с высоких стен на врагов и временных союзников. А виноваты в этом сами Резанские и Тверские князья.

По дороге купец много интересного поведал про пожары на Москве. Не фиг было посылать диверсантов – поджигателей на Москву. Князь Дмитрий с боярами умно поступили: раз потратившись, обезопасили себя от поджигателей. И взяли на вооружение тактику противников. Резань, Тверь периодически горели, как бы случайно, но всегда вовремя. А каменным стенам московского кремля огонь не страшен.

Денег потратила Москва на постройку кремля даже трудно представить сколько! Кремль построили очень быстро. Это значит, что накопили запасы зерна, ведь работников кормить нужно, и кормить круглый год. Зимой и то работы шли полным ходом. А сколько человек на каменоломнях работало? По словам купца, пять зимних месяцев добывали камни в Мячковских карьерах, ежедневно по четыре сотни мужиков. Камень вывозили по льду Москвы-реки. Но с началом строительства кремля добыча камня не прекращалась, с восхода и до заката мужики не покладая рук добывали камень. Каменоломни недалеко, верст пятьдесят от Москвы, но груженная телега осилит этот путь за два дня. Это сколько тогда телег нужно? Самое малое – четыре тысячи подвод ежедневно и столько же возчиков. Это только зимой, а летом еще того больше.

Лошадей пять тысяч минимум задействовано было. Только представьте себе, сколько нужно сена, овса, чтобы прокормить такую ораву? На одну гужевую лошадку в день уходит восемь килограммов овса. Умножаем на пять тысяч. Получаем две с половиной тысячи пудов овса ежедневно! Бочка овса весом в четырнадцать пудов стоила десять денег, в день девять рублей траты только на овес! Да и сами лошади не из воздуха взялись, пришлось покупать у татар за серебро. При самой низкой цене за кобылу в один рубль и то получается очень много.

А сколько каменщиков возводили стены? А подтаскивать камень тоже люди нужны, и немало людей. А сколько людей лес валили? Ведь для строительства, чтобы класть камни, нужно леса поставить, да бревна нужны на деревянные связи между стенами.

Кузнецов сколько нужно, чтобы править инструмент? Где взяла Москва столько людей? Вестимо где: Москва сотнями выкупала полоняников в Орде и селила их на своих землях, плюс татарские рабы задействованы были по полной программе. Обращались с татарскими рабами не менее жестоко, чем татары с русскими. Их морили голодом, непривычные к тяжелой работе татары быстро умирали. На место умерших приводили новых рабов, благо усобицы в Орде позволяли бить татарских мурз, нарушивших вассальную присягу царю Ордынскому. А на мастеровой люд Москва не жалела денег, платила за них чистым серебром, но выкупала из полона.

Просто нагнать окрестных крестьян на стройку века со всего Московского княжества не представляется возможным. Продовольственный кризис можно было спровоцировать, если забрать всех крестьян на строительство. Начнется голод и все: пиши пропало. Значит, хлеб запасали загодя, накапливая запасы.

Инструмент для строительства тоже не на дороге валяется, железа столько нужно, что голова кругом идет, где взять столько! Уж что-что, а Андрей на собственной шкуре ощутил

затратность строительства. Если постройка его маленькой усадьбы и содержание трех сотен проживающих в ней людей вгоняют Андрея в такие затраты, то что говорить о строительстве московского кремля? Две с лишним тысячи человек, ежедневно трудившихся на строительстве кремля, смог прокормить и обеспечить всем необходимым только очень обеспеченный князь. Или вы думаете, что крестьяне сами одевались-обувались? Лапти носятся в среднем не больше недели. Посчитайте, сколько лаптей нужно на зиму? Летом-то можно босиком работать, а вот зимой обувь нужна.

Вот и получается, что строительство кремля определило главенствующую роль Москвы на Руси. Какими бы сильными ни были соседи, у них не было такой твердыни, они просто не могли себе такого позволить. Пример тому – Нижегородский князь, так и не сумевший достроить каменный кремль. Проблемы внутренние и внешние помешали ему закончить строительство. А если и приложила Москва руку к созданию этих проблем, то кому до этого дело есть? Победителей не судят.

За светлый день купец успел обстричь все делишки. Пятнадцать серебряных брусочков, переданные сотскому сурожской сотни Дмитрию Ермолину, как жест доброй воли решили все проблемы. Разрешение поставить двор на Москве было получено незамедлительно, сотский даже подсутился, лично сопровождал Ивана Андреевича, показывая дворы, выставленные на продажу, и помог с оформлением документов. Московские купцы попадали под юрисдикцию государя Московского, как привилегия являлась подсудность гостей только великокняжескому суду. Разумеется, все налоги купцы платили великому князю. Остальные князья-третники не имели права брать на службу гостей. С этим на Москве строго.

Получив за помощь еще столько же серебра, Дмитрий выступил посредником при покупке двух лавок, конфискованных московским князем у убежавших сурожан. Сотский заработал на сделке прилично, а вот княжеская казна отдала лавки почти задаром. Ничего удивительного в этом нет, такое сплошь и рядом случается при слабом правителе, уж примеров-то Андрей может привести массу. В его время предприимчивые дельцы покупали у государства целые заводы по цене подержанного «москвича», а тут какие-то две паршивые лавки.

Иван Андреевич остался в Москве налаживать торговлю и обустройства двор, а Андрей уже к вечеру с холопами выезжал из Москвы через Тимофеевы ворота, в спешке погоня лошадей. Рядом скакал новый холоп. Дед парня был богатым землевладельцем, а внук уже вел нищенское существование. Земля без крестьян, обрабатывающих землю, ничего не стоила. А службу нести землевладелец обязан. Вот и продавали земельку за бесценок, чтобы поменьше ратников выставять. Купцы московские, наоборот, стремились прикупить земельную собственность. Такое происходило на Руси сплошь и рядом. Тот же сотский сурожской сотни Дмитрий Ермолин не только торговец, а еще и крупный землевладелец. Имеет в собственности два села под Москвой с десятком тяготевших к ним деревенок. Братья Дмитрия тоже потихоньку превращаются в землевладельцев. Им проще, возвращаясь из Кафы или Таны, русские купцы завсегда привозят купленных на рынках рабов. Садят их на землю. Половина урожая идет им. Выгодно. Покупать просто деревеньку стоит пятнадцать рублей, а земельку с лесом прикупить – два рубля. Рабов у татар выкупить – десять-пятнадцать рублей будет стоить. Вроде бы то же самое получается, что купить землю уже заселенную. Но это не так. Покупая деревеньку, получаешь землю в собственность, но крестьяне, живущие на земле, – свободные арендаторы. Оброк платят по старине – десятую часть урожая. А рабы, посаженные на землю, – твоя собственность и отдают уже половину урожая! Вот что значит купеческая сметливость. Пускай рабы рано или поздно выкупятся, но лет пять-семь они будут отдавать ровно половину урожая. Потом, получив свободу, если не уйдут, то станут платить оброк, как все, по старине.

Кстати, холопа нового как раз присоветовал сотский. Парень продал последнюю землю сурожанину и теперь не знал, куда приткнуться. В монастырь уходить молодость не позволяла, ремесло не знает, умеет только саблей махать да на коне скакать. На три рубля, полученные за

землю, парень сможет купить плохонького коня да саблю из мягкого железа. С таким оружием наняться на службу нереально, остается только один путь – в холопы. Соблазнился парень богатыми одеждами княжеских холопов и дорогим оружием, да и запродался Андрею. Такие вот дела, дед был боярином, а внук – холоп.

Глава 13. Набег на Литву

В Переяславле Андрея уже ждали. Боярин Маслов был страшно недоволен отлучкой друга. Костя уже успел нанять пару набоев и одну ладью успел даже купить. Глядя на размеры флота Андрея, Костя решил не скупиться и обзавестись собственным корабликом. Финансы позволяли. Еще вчера боярин был гол как сокол, а сегодня богат. Костя выгодно сбыв пленных татар орденским купцам. Доля Андрея от продажи пленных впечатляла. Даже за минусом вычетов за отошедшие к Андрею стада овец и пленных татар оставшаяся сумма внушительная.

Как повелось с первого дня знакомства, отметили встречу, распив небольшой бочонок сладкого вина. Костя притащил с собой настоящую амфору с красным вином, купленную им по случаю у тверских торговцев, возвращавшихся из Таны, но ограничились только тем, что вошло в маленький бочонок емкостью так литров на пятнадцать, который Костя и водрузил на стол.

Утром, погрузившись на ладьи, двинулись в верховья Оки. Недалеко от Коломны к друзьям присоединились корабли одного московского боярина, хорошего знакомого Кости. Боярин Маслов представил Андрея московскому городовому боярину как своего лучшего друга и веселого товарища по пирам. Впрочем, Андрея отрекомендовали таким же макаром. Москвич тут же вручил грамотки Косте, быстро ознакомившись с их содержанием, Маслов объявил, что планы меняются. Велено им (Интересно кем? – подумал Андрей.), прося у Бога милости, над литовскими людьми промышлять, сколько милосердный Бог помочи подаст. Но вместо набега на украины Смоленского княжества они двинутся в верховья Оки.

Сойдя на берег, Костя, как главный воевода, собрал совет, где продемонстрировал подробную карту местности с нанесенными на нее селами и деревнями, усадьбами бояр и князей. Да-да, князей. Княжат в этой области развелось словно блох, большинство было безудельных, владевших лишь мелкими частями княжеств либо долей в уделе. А то и вовсе делили эту долю на двоих, а то и на троих. Летом один владеет, осенью второй, зимой третий, и так по кругу. А что поделаться? Княжества маленькие, а княжат наплодилось немерено.

По-военному четко боярин Маслов ставил задачу. Отряд делился на три части. На долю Андрея выпали село и три деревеньки в три-пять дворов, расположившиеся недалеко от боярской усадьбы. Разумеется, если повезет, то усадьбу местного боярина нужно захватить. Если не будет такой возможности, то угнать всех крестьян и вывезти все, что получится. Что нельзя увести с собой, то сжечь. Дома, хлеб, сено – все сжечь не жалея.

Резон в таком ведении войны был прямой, тем самым подрывалась экономическая основа вотчины боярина. Как понял Андрей из слов Кости, штурмовать усадьбу особого смысла не было, если только изгоном⁸⁴ захватить, но это вряд ли возможно, не лопухи же там сидят, чай, заметят налетчиков, но попытаться все-таки стоит, авось да получится.

Костя сомневался в успехе, усадьба укреплена хорошо и воев там достаточно, но чем черт не шутит... И все же Маслов настоятельно советовал другу вовремя отойти, если местный боярин решит проявить геройство и дать знать остальным, и тогда уже совместными силами загнать героя обратно за стены усадьбы.

Андрей решил иначе. Первую деревеньку обложили со всех сторон и в сумерках захватили ее без труда. На все про все ушло минут тридцать. Сгнав население в большой амбар и оставив стражу и команду по сбору трофеев, двинулись к следующей цели. Проводник уверенно вывел их к деревне. Сценарий захвата повторился с небольшим отличием. Нападение совершилось рано утром.

⁸⁴ *Изгоном* – древнерусское название набега или нападения врасплох.

Главная ценность добычи в полоне. Изначально так и планировалось. Андрею же хотелось большего.

Ну, скажите, какая радость грабить крестьян? Разве деревянная посуда и вилы с лопатами достойная добыча для князя?

Все равно весь награбленный крестьянский скарб придется отдать тем же полоняникам, когда посадишь их на землю. Нет, у иного крестьянина найдется и медная, и даже оловянная посуда, и серебра на пару рублей сыщется в заглазнике, но что это меняет?

Староста деревеньки был по-доброму допрошен на предмет численности воев у боярина и расположения построек в усадьбе. Крестьянам пообещали оставить все их имущество, но место жительства им придется поменять, это даже не вопрос. Староста деловито уточнил свой статус у нового хозяина, заодно выторговав себе право оставаться старостой и личную свободу своей семьи. Андрей пообещал прохиндею все, что он просил, даже пообещал отпустить собрать клепцы⁸⁵, расставленные на зайцев, и хитрец запел соловьем.

Лука Фомич внимательно прислушивался к говору мужика, потом резко спросил:

– Небось с Устюга родом?

– Нет, еще далече. Прельстился я льготами московского князя, ушли мы всем миром к нему, а лонись⁸⁶ набежала Литва, забрала в полон. Вот теперича тут обитаем, – словоохотливо сообщил крестьянин историю своего появления на местной земле.

Андрей решил захватить усадьбу хитростью. В усадьбе, по словам крестьянина, сейчас находился сам боярин с двумя взрослыми сыновьями. Под рукой у него четыре дюжины воев. Да еще с десятка полтора челядников наберется, которые при нужде могут взяться за оружие. Самое интересное сельский староста выдал напоследок. К пану прибыл на прошлой неделе гость из ляхов с отрядом воев. Велик ли отрядец, староста не знал, потому что сам не видел, а люди сказывали, что немаленький. Андрей решил считать численность отряда – копий в тридцать. С меньшим числом путешествовать в этих краях опасно. По зрелом размышлении появление дополнительного воинского отряда Андрею было на руку. Пан при такой силе осмелеет наверняка. У Андрея же под рукой чуть меньше пяти десятков. Зато все на конях. Тут взгляд боярина остановился на татарах, и Андрея осенило – татары!

План нападения появился быстро. Татары здесь частые гости, местные бояре привыкли встречать неожиданных гостей с распростертыми руками, то есть саблей по загривку. Значит, если уланы Кулчука устроят шухер в деревеньке, то в усадьбе это увидят и услышат. Деревенька вся на виду, со стены усадьбы она должна хорошо просматриваться. Понятно, что хозяин на такой беспредел отреагирует должным образом, отправив воинов разобраться с налетчиками. Наверное. А уж Кулчук уведет преследователей к засаде. Главное, лишь бы погода не подвела. Дождик может спутать все планы, небо затянуто плотными тучами, того и гляди начнется ливень, но тут уж ничего не поделаешь, авось повезет, и дождя не будет.

Все прошло как по маслу. Татары от души повеселились, устроили большой переполох в деревеньке, ворвавшись в нее с гиканьем, свистом, и давай ловить местных пейзажей. Андрей в бинокль наблюдал, как огородами утек пацаненок на лошадке в сторону усадьбы. Вскоре тяжелые ворота усадьбы широко отворились и выпустили пять десятков всадников. Андрей рассмотрел в бинокль, что все всадники отлично вооружены – пластинчатые брони у половины, остальные в кольчугах.

Уланы Кулчука заметили скакавший к деревне вооруженный отряд литовцев и стали имитировать панику. Они покидали на заводных коней самых молодых крестьянок и, прихватив самое ценное из пожитков крестьян, намылились удирать. Конный отряд преследовал разбойников до самого леса. Татары скрылись в чаще, уходя в глубь леса по неширокой просеке.

⁸⁵ Клепец – сеть, западня, капкан, которым ловят зайцев и лисиц.

⁸⁶ Лонц, лонись, лонской, лоншиний – прошлого года.

После минутного замешательства предводитель литвинов дал команду продолжать преследование. Литовские вои двигались с осторожностью. Прикрывались круглыми щитами и внимательно всматривались в чащу.

Лука Фомич расставил отроков таким образом, чтобы можно было стрелять со всех сторон. Стрельцы, прячась в чаще леса, уже расчехлили тохтуи, защищавшие от сырости полные стрел колчаны, и, откинув крышки тулов, приготовили каленые стрелы. Новгородцы, более привычные к арбалетам, изготовили к бою свои самострелы.

Из чащи раздался веселый разбойничий свист. Литвины отреагировали на опасность, мгновенно развернувшись к источнику звука. Дружный залп из самострелов с противоположной стороны просеки вынес из седел больше половины всадников. Двое литвинов быстро спешились и, пользуясь суматохой, бегом рванули в лесную чащу, на ходу зарубив взводившего самострел ратника. Прохор наперегонки с рыжебородым Митяем бросились за ними вдогонку.

Несколько всадников пришпорили коней и резво поскакали вперед, по просеке пытаются уйти из-под обстрела, но стальной трос, предусмотрительно натянутый поперек просеки, не дал им такой возможности.

Андрей всадил тяжелый арбалетный болт прямо в лицо всадника, пытавшегося справиться со своей взбесившейся кобылой. Еще один всадник вылетел из седла, когда его лошадь стала уросить, резко встав на дыбы. Это спасло его от немедленной смерти. Арбалетный болт полностью вошел в шею взбесившейся лошади. Скаун рухнул как подкошенный и придавил своей тушей упавшего на землю всадника.

Андрей, прорываясь сквозь заросли невысокого кустарника, уже выбегал из чащи на просеку. Мощным ударом шестопера добил литвина, пытавшегося вытащить придавленную конем ногу. В отчаянии воин прикрыл голову рукой, словно она могла остановить приближавшуюся смерть. Стальная палица с противным хрустом переломила руку, словно сухую ветку, неумолимо опускаясь на медную шапку кричавшего от ужаса безбородого мужика. Если вы никогда не видели, что делает железная палица, опустившаяся на голову врага, то вам лучше и не пытаться представить это. Зрелище не для слабонервных радетелей за права человека. Андрей каленым железом выжег в себе все моральные ценности свободного мира, иначе в этом простом мире не выжить. Убей, или убьют тебя. Других вариантов нет. А если пришло твое время умирать – умри, сражаясь до последней капли крови. Слабых духом убивают, не задумываясь, или превращают в рабов, что для настоящего воина равносильно смерти.

Остальные литвины не подавали признаков жизни, то ли шею сломали при падении, то ли были без сознания. Вернувшиеся татары сноровисто вязали пленных, лишь раз взмахнув ножом, добывая литвина со сломанной ногой. Открытый перелом чреват серьезными последствиями и брать в полон такого раненого неразумно.

От Луки прискакал вестник: там тоже все закончилось. Прохор с Митяем вернулись из леса. Митяй с разбитой в кровь рожей, зло ругаясь, тащил на себе трофейный доспех, оружие и одежду беглецов. А злой как собака Прохор, под левым глазом которого наливался здоровенный синяк, пинками гнал впереди себя голого пленного литвина.

Потерял Лука Фомич в короткой стычке трех человек. Трое против пятидесяти. Можно сказать, что им несказанно повезло. Самострелы не подвели. Против короткого арбалетного болта никакой доспех не устоит. Сила удара болта такова, что всадника выкидывало из седла, как пушинку.

Выскочившие из чащи дружинные напали на оставшихся в живых воев, но как-то неудачно. В первые же секунды боя литвины умудрились положить троих, причем сразу насмерть. Первуша, пятнадцатилетний паренек, погиб сразу же, как выскочил, опережая более опытных воинов, из чащи на дорогу. Топорик литвина, склонившегося с коня для удара, скользнул по остроконечному колпаку, защищавшему голову вихрастого парня, и опустился на левое плечо, начисто отсекая руку вместе с предплечьем. Парень все же успел довершить

свой удар, сабля секанула по чешуйкам бармицы мисюрки, и отсеченная голова литвина отлетела под копыта лошади его товарища. Комонек взбрыкнул и взвился на дыбы, ударив копытом по лицу так некстати подвернувшегося ушкуйника, из тех, кто пришел с Лукой из Новгорода. Третий погибший – пятнадцатилетний пацан, родом из Васькино, неловко споткнулся о щит Первуши и упал со всего маху на землю, широко раскинув руки, и был припилен вражеским копьем, словно жук.

Больше натворить бед литвины не успели. Одного всадника спешил Лука Фомич, метнув в него свой шестопер, второго сбросил с коня Гришаня-стрелец, парень умудрился пустить стрелу по медной шапке литвина. От удара тупой стрелы всадник потерял сознание и кулем свалился на влажную землю. Кузьма же просто скривил зверскую рожу, поигрывая коротким мечом, и литвин в стальной кирасе послушно спешил, бросив саблю на землю. Остальные незадачливые вояки также предпочли сдаться окружившим их ратниками со взведенными самострелами наизготовку во главе с урманом Данилой, который коротким жестом показал врагам, что их ожидает в случае неповиновения.

Быстрый допрос пленных показал, что в барской усадьбе остались еще три десятка человек. Погоню за татарами возглавлял старший сын хозяина усадьбы, теперь уже мертвый. Гость боярина также принял участие в погоне вместе со всеми своими людьми. На свою беду. Теперь лежит вон в кустах бездыханно, мертвее не бывает.

Андрей понял одно: плохие парни планировали набег на украинные резанские земли. Куда именно собирались набежать, холопы не знали. Обычно под Тулой озоровали, татар щипали в Диком Поле или вниз по Оке ходили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.